4 Русский
Р-89 этикет и
советское общество
Алма-Ата, 1962. 61091

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

РУССКИЙ ЯЗЫК И СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРОСПЕКТ

(Материалы Всесоюзной конференции, посвященной закономерностям развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
АЛМА-АТА · 1962

4
Р-89
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
61091

Проспект составили: С. И. Ожегов (раздел «Лексика»),
И. А. Оссовецкий (раздел «Влияние литературного языка на говоры»),
М. В. Панов (грамматические разделы. «Фонетика», «Письмо», «Стилистика»).

Отв. редактор академик АН КазССР С. К. КЕНЕСБАЕВ

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Монография «Русский язык и советское общество», над которой работает сектор современного литературного языка Института русского языка АН СССР, должна показать, какие живые процессы протекают в лексике, грамматике, фонетике, стилистике современного русского языка, какими внутриязыковыми и «внешними», социальными причинами обусловлены новшества, появившиеся в русском языке советской эпохи, как новые общественные условия существования языка влияют на его развитие, как они видоизменяют течение внутриязыковых процессов.

В центре внимания исследователей этой темы должен находиться современный литературный язык — средство общения русской социалистической нации и средство межнационального общения всех народов Советского Союза. Изучение процессов, характерных для русского литературного языка советской эпохи, должно всесторонне охватывать объект исследования и опираться на серьезную теоретическую базу.

Стремление всесторонне осветить динамику современного литературного языка не означает, однако, что для данной темы необходимо изучить все звенья языковой системы, учесть все языковые модели, обследовать все речевые жанры. Важно определить, исходя из понимания языковой системы в целом, отдельные «точки роста» языка, найти наиболее показательные для языковой эволюции модели, описать изменения в особенно характерных речевых жанрах. Нет необходимости в рамках планируемой монографии давать описание, например, эволюции языка художественной литературы во всех его индивидуально-стилистических и жанровых проявлениях, достаточно охарактеризовать изменения в каком-либо одном, ярко выраженном, подвижном речевом жанре, который важнейшие закономерности развития художественной речи выражает в концентрированном, «предельном» виде. Тогда остальные речевые жанры того же функционального типа могли бы рассматриваться как видоизменение и известная «редукция» этого предельного жанра. В монографии «Русский язык и советское общество» можно было бы изучение художественной речи ограничить, например, пределами лирического стихотворения как особого речевого жанра.

Русские диалекты и говоры в советскую эпоху испытали сильнейшее воздействие литературного языка. Это воздействие накладывалось на внутреннюю эволюцию говоров, значительно ее изменяя и усложняя. Было бы неверно изучать диалектное развитие нашей эпохи, опираясь на разрозненные (пускай даже многочисленные) данные разных диалектов, пренебрегая системной взаимосвязанностью языковых фактов в преде-

лах каждого диалекта. Единственно правильный путь изучения—избрать один говор (или несколько говоров, каждый из которых характеризовал бы определенную диалектную группу) и тщательно проследить, как взаимодействуют в системе этого говора внутренние потенции его развития, несомненно, замирающие в нашу эпоху, проследить влияние литературного языка, сила которого постоянно увеличивается.

В настоящее время нет возможности проследить это диалектное развитие во всех ярусах языковой системы, думается, нет в этом и необходимости, если иметь в виду задачи монографии «Русский язык и советское общество». Следует избрать в качестве объекта изучения два полярных яруса языка — лексику и фонетику, и на основании их исследования показать тенденции развития русских диалектов, их преобразование под влиянием литературного языка.

В советскую эпоху русский язык стал средством межнационального общения народов Советского Союза; неизмеримо возросла его международная роль. В монографии нет нужды перечислять все многообразные факты, говорящие о широком распространении русского языка в наших национальных республиках, в странах народной демократии и во всем мире, свидетельствующие о его огромной международной роли. Но осветить значение этого расширения функций русского языка для самого русского языка, для его лексической и стилистической системы (и, возможно, для других его ярусов) в монографии необходимо. «Роль русского языка как языка-посредника отражается и на нем самом: несомненно, что общение с представителями разных народов, переводы с их языков, особенно художественные, вносят, — пусть медленно, — некоторые новшества и в русский язык, главным образом в его лексику и фразеологию»[1].

В этой области работу приходится начинать на чистом месте; пока еще ведется только собирание материалов; обобщения в настоящее время невозможны. Этот раздел, необходимый в монографии «Русский язык и советское общество», не мог быть даже конспективно разработан для настоящего проспекта.

Проспект, следовательно, характеризует два первых раздела монографии: развитие литературного языка и взаимодействие говоров с литературным языком (на материале лексики). Составители проспекта не стремились к тому, чтобы исчерпывающим образом инвентаризировать факты и перечислить все частные вопросы, подлежащие изучению. Проспект выделяет те проблемы, которые составители считали основными для изучаемой темы, и дает такое их освещение, которое, по мнению составителей, является наиболее результативным при исследовании эволюции русского языка в советскую эпоху.

В ходе изложения материала пришлось коснуться многих теоретических вопросов, по необходимости — кратко и конспективно. Композиция проспекта в значительной степени традиционна и не предопределяет композиционного строения будущей монографии.

С рукописью проспекта познакомились и сделали ряд ценных замечаний член-корреспондент АН СССР Р. И. Аванесов, доктора филологических наук А. Б. Шапиро, Н. Ю. Шведова, Н. А. Янко-Триницкая, сотрудники Института русского языка АН СССР Е. А. Земская, И. И. Ковтунова, И. П. Мучник, В. А. Робинсон. Составители глубоко благодарны им за помощь.

[1] «Вопросы языкознания», 1962, № 4, стр. 5.

ЛЕКСИКА

Содержание раздела. — § А1—А2. «Системность» лексики. Соотнесенность «лексических полей». Реальные отношения внеязыковой действительности и лексическая система. — § А3—А5. Лексика, связанная с познанием физической и психической деятельности живых существ, и ее подгруппы. Лексика, связанная с развитием производительных сил общества. Лексика, связанная с производственными отношениями людей в обществе. — § А6. Характер воздействия социальных факторов на основные группы лексики. — § А7. Влияние продуктивности словообразовательных моделей на пополнение словесных рядов. — § А8. Механизм развития значений. — § А9. Лексико-стилистические средства языка. Изменения стилистической структуры лексики нашего времени. — § Б10 — Б11. Этапы развития лексики русского литературного языка нашей эпохи. — § Б12. Активизация процессов терминологизации в языке нашей эпохи. — § Б13 — Б14. Лексика и фразеология обиходной речи. — § Б15. Пути изменения словоупотребления в литературном языке. — § Б16. Лексические заимствования в составе лексики современного русского языка.

А1. Когда говорят о развитии современной русской лексики, то дело обычно сводится к описанию того, какими словами пополняется словарный состав языка, какими метафорическими и иными средствами он обогащается, какие слова заменяются другими, какие слова исчезают из употребления и переходят в так называемый пассивный запас языка, каковы пути появления и исчезновения отдельных слов. И подобное описание часто называется описанием развития «лексической системы» языка, чем внушается мысль, что простым описанием фактов вскрываются внутренние закономерности движения лексики. На деле термин «лексическая система» (по образцу термина «фонологическая система») пока не имеет лингвистического содержания. Если словарный состав есть система, то каковы определяющие элементы этой системы, как они во взаимосвязи и взаимодействии обусловливают развитие этой системы — некоего единого целого на лексическом уровне языка? Этот вопрос требует еще теоретического решения.

Лингвистическая интуиция, выдвинув постулат языковой «системности» как основы для проникновения в тайны закономерностей развития единиц языка, справедливо постулирует организованность языка и на лексическом уровне (Л. В. Щерба, 1940). Допущение это, предохраняя от чистого эмпиризма, позволит, с той или иной степенью исторической достоверности, осмыслить лексические процессы нашего времени. В области исторической лексикологии уже входит в практику «исследование целых групп, систем, рядов, категорий слов и законов их семантических изменений» (В. В. Виноградов, 1953).

Вероятно, такое исследование возможно и в области современной лексикологии. Система есть механизм, все части которого действуют

согласованно, во взаимной связи, функции одних элементов зависят от функций других элементов. Вряд ли возможно сейчас представить в целом лексический состав языка как некую систему во всей сложности многообразных связей. Следует изучить «узлы» механизма, лексические группы, их поведение в языке. Может быть, тогда из хаоса лексического движения можно будет извлечь пласты, серии подсистем, в которых объединены элементы с однородными особенностями, и объяснить их внутреннее движение и связи с другими пластами, подсистемами. Тогда и движение лексики нашего времени предстанет в стройном виде и направит изыскания по правильному пути.

Жизнь лексики сложна и многообразна и по сравнению с другими ярусами языка ярко двупланна. С одной стороны, ее основное назначение как первоэлемента общения — отражение действительности, т. е. всего многообразного мира и отношений, в которых живет общество. С другой стороны, в достаточно развитом языке способы отражения действительности предрешены наличием и возможностями средств — лексико-семантических, стилистических, синонимических, словообразовательных и т. д. — и их внутренними отношениями. Лексическое значение слова — основное средство отражения действительности. Но от того, какое это значение — номинативное, производно-номинативное, фразеологически связанное, синтаксически ограниченное или конструктивно обусловленное (В. В. Виноградов, 1953) — зависит способ отражения действительности. Реализация лексических значений (в том числе и новых лексических значений) протекает связанно с характером словообразовательных возможностей, с состоянием синтаксических отношений, с возможностями стилистического употребления слова и составом синонимических рядов, с социальной оценкой слова.

Сложность лексики как специфического яруса языковой системы не дает возможности однопланово, одноплоскостно классифицировать весь лексический состав современного национального русского языка. Задача была бы выполнена, если бы можно было определить движение лексики разных групп, подсистем, не всегда помещающихся в одной плоскости, но совмещающихся в едином потоке развития, если бы можно было внутри групп, подсистем обнаружить действие то внешних факторов в развитии, то внешних и внутренних во взаимодействии. Элементы одной такой группировки не могут не пересекаться с элементами другой группировки, потому что любой такой элемент многолик в своем отношении к внешним и внутренним факторам развития.

А2. Номинативные и производно-номинативные значения слов непосредственно направлены на отражение действительности. Исторически в сферу номинативных могут свободно вовлекаться и другие типы значений, в том числе метафоры. В каком отношении между собой находятся слова, обладающие такими типами значений? «Предположим, что мы со всей объективностью определили систему слов, обозначающих понятие «мысль» в данном языке. Связана ли эта группа слов, это «языковое поле» в своем развитии со словами, обозначающими в том же языке одежду или обувь? Думается, что никакой связи между этими лексическими группами нет, а следовательно, нет и никакой «системности». В словарном составе языка, как в сокровищнице слов, обозначающих многообразие предметов реальной действительности, системная связь между отдельными его частями очень незначительна и определяется в основном реальными отношениями этой внеязыковой действительности" (В. М. Жирмунский, 1958). Да, внеязыковая действительность не может служить основанием для классификации лексики как языковой системы в общем лингвистическом смысле. Однако классификация лексики по отношению к отражению действительности может служить важным под-

спорьем определения потенций развития лексики. «Системность» лексики в этом плане может вскрыться только при рассмотрении ее как совокупности средств отражения действительности. С точки зрения динамики общественного развития вырисовываются три лексических группы с последовательным возрастанием роли неноминативных значений.

А3. Лексика, связанная с познанием природы в широком смысле, в том числе с познанием физической и психической деятельности живых существ. Она наиболее стабильна, как стабильны явления органического и неорганического мира, и связана преимущественно с использованием номинативных значений.

Число смысловых подгрупп может быть столь же велико, как и число групп явлений реальной действительности. Темпы и пути развития отдельных смысловых подгрупп очень различны. Так, подгруппы, связанные с обозначением явлений растительного мира, животного мира, неорганической природы и т. п., пополняются только или в связи с открытием новых объектов природы, или в процессе вовлечения в национальный языковой обиход названий местных или иноязычных, что бывает связано с развитием хозяйственной жизни народа. Некоторые смысловые подгруппы, связанные с обозначением физической и психической деятельности, могут интенсивно пополняться за счет расширения синонимических рядов стилистически не нейтральной лексикой. Так, подгруппа глаголов движения может пополняться такими, как просторечный *топать* в значении «идти». Такие подгруппы явно связаны с развитием серии синонимических подсистем.

Особое место занимают подгруппы терминов естественных наук. Человеческий гений в последние десятилетия открыл новые, ранее не входившие в орбиту научного знания явления природы и нашел способы создавать новые комбинации природных явлений и т. д. Создавались новые названия или происходило переосмысление старых в недрах наук, отдельных терминологических систем. С 30-х годов со все возрастающими темпами развиваются науки — физика, химия, энергетика, математика, биология и т. д. Достижения этих наук входят в жизнь. Терминология наук, связанная с отражением действительности, с развитием общей культуры, выходит именно с 30-х годов далеко за пределы словоупотребления специалистов. Языковой базой этой лексики являются заимствования, словообразования разных типов (вплоть до аббревиатур) и реже метафорические преобразования и местные слова.

Задача исследования состоит в том, чтобы определить пути и причины, повлиявшие на пополнение (или редуцирование) лексики национального языка, связанной с познанием природы в широком смысле. Социальное воздействие на развитие этой лексики носит глубоко опосредствованный характер.

А4. Лексика, связанная с развитием производительных сил общества. Ее развитие непосредственно связано с развитием технико-экономической структуры общества, с названием орудий и средств производства и со всеми теми явлениями, предметами и процессами, которые сопряжены с созданием материальных ценностей. Сохранение, угасание и появление названий в этой сфере лексики непосредственно зависит от темпов развития технико-экономической структуры. Если в конце 20-х годов — в 30-е годы мы имеем дело со сравнительно немногочисленными изменениями в этом разделе лексики, то в эпоху социалистического переустройства общества, особенно в послевоенный период с его поступательным развитием техники, происходят значительные изменения, отразившиеся не только на профессионально-технической лексике, но и на лексическом составе общего национального языка. Языковой базой этих изменений были не только заимствования

(трактор с его неоднозначной калькой *тягач, комбайн, лайнер, кемпинг)*, но и диалектные слова *(проран, огрех)*, заимствования из родственно-славянских языков *(косовица)*, а особенно использование старых или создание новых слов *(спутник, прилуниться, спартакиада, этажность)*.

Задача исследования состоит в том, чтобы определить пути и причины, повлиявшие на пополнение или редуцирование лексики национального языка, связанной с развитием производительных сил общества. Социальное воздействие на развитие и на темпы развития этой лексики более непосредственно — через развитие технико-экономической структуры общества.

А5. Лексика, связанная с производственными отношениями людей в обществе и со всякими, в конечном счете вытекающими из них проявлениями деятельности во всех сферах общественой жизни, в том числе идеологическими, эстетическими, морально-общественными. Этот разряд лексики наиболее подвижен, интенсивен в своем развитии и наиболее связан с социальными изменениями. Здесь больше, чем где-нибудь, сказывается воздействие социальной оценки лексических явлений. Языковая база изменений многообразна (см. следующие разделы).

Задача исследования состоит в том, чтобы определить пути и причины развития этого рода лексики. Тем более, что они связаны не только с непосредственным отражением действительности, но и с опосредствованным ее отражением неноминативными средствами языка.

А6. Классификация лексики по ее отношению к обозначению явлений действительности с большой долей вероятности обнаруживает, что элемент системности не чужд лексике. Все три основные группы достаточно заметно различаются по способу и характеру воздействия на них внешних факторов. В первой группе влияние социального фактора чрезвычайно опосредствованное, завуалированное; напротив, в третьей группе влияние социального фактора обнаруживается совершенно явственно. Следовательно, лексика третьей группы наиболее ярко обнаруживает механизм развития языка в обществе.

Реальная жизнь слова прослеживается только в соседстве с ему подобными в каком-нибудь смысловом отношении. Установление рядов внутри групп, исследование внутренних отношений в ряду, объединение рядов по типу, по сходству процессов внутри них — вот один из путей определения закономерностей лексического развития. Эти ряды или, условно говоря, «семантические поля», перекрещиваются с другими, внутриязыковыми подсистемами (см. дальше), вступают в многообразные связи с ними и часто, между прочим, сопряжены с синонимическими рядами. Приведем примеры.

Ряд со значением «лицо, едущее на чем-нибудь»: *пассажир, седок, ездок*. Слова прямого номинативного значения, нет ни одного нового слова, но движение в ряду произошло. Слово *пассажир* появилось еще в XIX веке в связи с появлением железных дорог. *Ездок* и особенно *седок* были до революции активными словами. С изменением видов транспорта, с появлением автомобиля, самолета и т. д., они были вытеснены из употребления. Ряд разрушен благодаря изменению реалий.

Ряд со значением «лицо мужского пола, не достигшее еще возраста зрелого мужчины»: *юноша, молодой человек, юнец, парень, хлопец*, мн. *ребята*. В этом ряду происходит борьба. До революции слова были социально противопоставлены: первые три слова употреблялись, когда речь шла о молодежи привилегированных классов, остальные три — когда речь шла о крестьянской, рабочей молодежи. Старые социальные грани давно стерлись, и употребление этих слов теперь не связано с классовой принадлежностью. Но старое употребление оставило след на стилисти-

ческой характеристике слов этого ряда и на речевом функционировании их. В обиходной речи *парень, хлопец, ребята* — слова нейтрального номинативного значения, а *юноша* и др. чужды обычному словоупотреблению. В нормированной речи *юноша, молодой человек, юнец* (с оттенком иронической экспрессии) являются основными для выражения соответствующего понятия, а *парень, хлопец, ребята* содержат в себе оттенок разговорности, просторечности. Но в последнее время, с изменением возраста литературно говорящих людей, *парень* и *ребята* явно тянутся в литературную норму, а *юноша* и *молодой человек* начинают приобретать оттенок книжности, официальности. Этот ряд — типичный образчик семантико-стилистических смещений в лексике, вызванных изменениями в социальной структуре советского общества.

Ряд со значением «отсутствие кого-нибудь или чего-нибудь в достаточном количестве»: *недостаток, нехватка, дефицит, недостача,* сложился в послереволюционное время. *Нехватка* — пришло из народно-диалектной речи, *дефицит* — употреблялось как специальный финансовый термин (*бюджет сведен с дефицитом*). Стилистически неравноправный и наименее активный член ряда — *недостача* (так как этому мешает главенствующее и стилистически нейтральное значение этого слова —«недостаток какого-нибудь количества денег или имущества, обнаруженный проверкой»). Типичный синонимический ряд, почти однородный стилистически и лишенный заметных семантических различий, который идет к ограничению, специализации сочетаемости *(недостаток жиров* в чем-нибудь, но *нехватка* или *дефицит рабочей силы).*

Идущая по рельсам машина с паровым двигателем имела два названия: русское *паровоз* и заимствованное (более книжное) *локомотив.* Аналогичные пары нередки в русском языке (ср. *самолет — аэроплан).* С развитием техники, когда стали применять различные виды энергии, пара разрушилась. По готовой словообразовательной модели возникли *тепловоз, электровоз, турбовоз,* можно допустить появление *атомовоза, гелиовоза* и т. д. — сколько видов энергии будет использовано, столько будет словообразовательно однотипных названий. Случай идеальный для терминологического ряда. *Локомотиву* не осталось места в этом словообразовательно однотипном терминологическом ряду. Но обилие рельсовых машин, использующих разные виды энергии, требовало родового, общего для всех их названия. *Локомотив* занял это место. Все изменения вызваны внешним фактором, но они могли легко осуществиться благодаря прозрачности словообразовательных возможностей.

А7. Языковые средства, предрешающие способы отражения действительности, образуют своего рода лексические подсистемы, внутренние закономерности которых влияют, как мы видели, на жизнь «семантических полей».

Словообразовательная подсистема является существенным источником наполнения «семантических полей». Чем продуктивнее словообразовательные модели и чем более специализированы их функции, тем регулярнее пополняют они словесные ряды. По-разному оформленные отглагольные существительные типа *подкармливание, подкормка, подкорм; отсасывание, отсоска, отсос* маркированы по своему употреблению в разных стилях и сферах речи. Первые модели связаны с книжной, научной речью, вторые и третьи с технической, профессиональной речью. Маркированы они часто и по возможностям сочетания: *прием* учащихся, больных, но *приемка* имущества. Слова *принимание* в языке нет, но по продуктивной модели оно всегда может появиться в речи. Врач, принимающий младенца, если ему понадобится назвать самый акт, может сказать, по-видимому, только «в самый момент *принимания»,* но никак не *приема, приемки.* В четырехчленном ряду — *распиливание, распилка,*

распиловка, распил — сходно оформленные *распилка, распиловка* конкурируют как лексемы, и одно из них по употребительности может отступать. Словообразовательная подсистема в лексике — неисчерпаемый запас «готовых изделий» и «полуфабрикатов».

А8. В развитии лексики важную роль играет механизм развития значений. Известно, что многие словообразовательные разряды слов обладают совершенно регулярными способами развития значений. Отглагольные существительные, кроме названия самого действия, могут развивать и значения орудия действия (*отвертка*), результата действия (*посадки, прицеп, протрава*), места действия (*работать в прокатке*). Однако возможностями развития подобных значений обладают глаголы не всех смысловых типов. Можно только сказать, что профессионально-техническая сфера употребления слов особенно склонна порождать такие семантические новообразования.

Хорошо известны метафорические, метонимические и прочие семантические преобразования в лексике. Однако ни типы семантических преобразований, ни типы слов, которые подвергаются таким преобразованиям, ни внешние факторы, которые содействуют таким преобразованиям, ни причины изменений смыслового содержания слова на русском материале не изучены. Между тем, такие вопросы, как пополнение или ограничение синонимических рядов, изменения состава «семантических полей» требуют классификации типов семантических преобразований для обнаружения особенностей развития лексики нашего времени.

А9. Своего рода лексической подсистемой являются лексико-стилистические средства языка. Для каждой эпохи они являются исторически отстоявшимися средствами отражения действительности. Стилистически маркированная лексика, как и другие средства языка (особенно синтаксические), является базой организации жанрово-стилистических разновидностей литературной речи.

Лексико-стилистическая подсистема — наиболее сложная сфера языка. Тройственное противопоставление «высокого», «не высокого» и «нейтрального» не исчерпывает этой сложности. «Высокое» и «не высокое» содержат в себе многообразные стилистические градации, а «нейтральное» крайне неоднородно. «Нейтральное» и «высокое», «нейтральное» и «не высокое» имеют зыбкие и подвижные границы. Обобщающих исследований стилистического состава русской лексики нет или они основываются на данных словарей (О. С. Ахманова, 1957). Данные словарей недостаточны и противоречивы.

Впервые стилистическая классификация лексики литературного русского языка была представлена в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Все последующие нормативные словари — четырехтомный Академии наук СССР и однотомный С. И. Ожегова — в основном следуют принципам словаря Ушакова, внося лишь частные поправки к отдельным словам. Сам словарь Ушакова во многом непоследователен и противоречив в стилистической оценке слов. Можно заметить, что чем ближе к концу алфавита, тем реже встречаются пометы «книжное», «фамильярное», а пометы «газетное», «публицистическое» почти исчезают. Исторически это объясняется просто. Принципы стилистической оценки лексики и стилистическая номенклатура вырабатывались на десятом году революции, в переломный момент развития русского литературного языка, когда еще неясны были тенденции его развития, а стилистические оценки давались, главным образом, с позиций представлений о стилистическом составе дореволюционной литературно-интеллигентской речи. К концу 30-х годов, когда яснее обнаружились новые отношения в языке, стилистические оценки становятся иными.

Стилистическая структура лексики нашего времени претерпела боль-

шие изменения. Нейтральный слой значительно расширился. Изменили свой состав и «окрашенные» слои. Но можно ли подходить к стилистическим классификациям со старыми мерками, если претерпели изменения сами формы существования современного национального языка? Определение нейтрального и «окрашенных» слоев должно ли опираться только на синонимические противопоставления? (Л. В. Щерба, 1939). Покрывает ли понятие «просторечие» как стилистическая категория литературной речи специфические особенности обиходной речи? Если ответить на этот вопрос положительно, то не следует ли отказаться от обычно принятой социальной оценки просторечия как особенностей речи людей, не вполне овладевших литературным языком? (Л. В. Щерба, 1939). Каковы границы нейтрального слоя и каковы критерии включения в него терминологической лексики, относимой обычно к книжно окрашенной лексике? Эти вопросы должны быть учтены при анализе конкретных изменений в лексико-стилистической подсистеме современного языка.

Б10. Бурное развитие лексики после революции тесно связано с коренными изменениями в общественной и государственной жизни страны, с социальной и культурной революцией. Темпы развития советского общества непосредственно отражаются на темпах развития лексики. Однако многие новые явления, в которых обнаруживаются живые тенденции современности, не родились вдруг, в наше время. Они порождены предшествующим ходом развития языка. Зародыши новых явлений возникли задолго до наших дней, но так как по характеру своему эти явления чрезвычайно близки к явлениям нашей современности, они часто воспринимаются как новые, только что появившиеся, и неоправданно выстраиваются в один хронологический ряд с действительно новыми явлениями, словами и значениями, порожденными общественной практикой нашего времени. В отношении некоторых явлений, некоторых разрядов слов это создает мнимую картину разрыва между лексикой дореволюционной и послереволюционной эпохи.

Происходит это потому, что словарный состав русского языка второй половины, а особенно конца XIX и начала XX века почти не изучен. О развитии лексики этого времени имеются только самые общие представления. Между тем, знание путей развития лексики этого времени имеет исключительное значение для понимания развития словарного состава языка в советскую эпоху. Ведь то время было периодом развития демократического движения, периодом роста рабочего движения, периодом первой революции и распространения марксистской идеологии в рабочем классе. С другой стороны, это был период количественного роста рабочего класса, пополнявшегося представителями разнодиалектного крестьянства, роста городского, «непривилегированного» населения.

В речи демократической и социал-демократической интеллигенции, в речи передовой части рабочего класса, в демократической и рабочей печати, в марксистской литературе возникали слова и черты словоупотребления, отражавшие идеологию и потребности передовой части общества. Используется терминология французской революции XVIII века и Парижской коммуны, появляются новые заимствования и кальки, применимые в условиях русской жизни (А. М. Селищев, 1928). Создаются терминологические особенности, характерные для практики и теории революционной борьбы, партийной жизни, получившие широкое распространение после революции. С одной стороны, это заимствованные слова типа *национализация, дискуссия, демонстрация* («шествие»), *пленум, мандат, директивы, декрет, аграрный, авангард* рабочего класса, *гегемон* ре-

волюции, *элементы* («слои общества»), *петиция* (А. М. Селищев, 1928), современный *режим* («общественный строй»), *эксплуатация* (в общественно-политическом смысле). С другой стороны, это русские слова, новообразованные или семантически преобразованные, типа *массовка, царизм* (с отрицательным оттенком; ср. у Стояна безоценочно: *царизм* — монархизм в России), партийное *строительство, самокритика, хвостизм, беспартийный, кружок* («группа людей»), *стачечник, попутчик, наказ, уклонение* (в политическом смысле), откуда современное *уклон*. Создаются серии слов с новыми значениями, вызванные новыми потребностями и по типу очень похожие на послереволюционные новшества: *сознательный* и *организованный* рабочий, *осознать* значение событий, *работник* (в значении «сотрудник»), *заезжатель — заезжательство* (А. М. Селищев, 1928). От предреволюционного времени в памяти некоторых людей еще сохранился эмоциональный ореол слова *учеба,* которое трактовалось как «затупляющее ученье» (Стоян, 1916).

Практика аббревиатур была широко распространена в партийной среде, и воздействовала в этом отношении на послереволюционную речь, хотя сам репертуар аббревиатур типа *эсдэ* (откуда *эсдек), эсер, кадэ* (откуда *кадет), ЦК* и т. п. был незначителен.

На послереволюционное распространение аббревиатур и сложносокращенных слов типа *комбат, начдив, комполка, штабарм, земгусар* и т. п. оказала огромное влияние практика употребления их в годы первой мировой войны не только в приказах, но и в устной речи миллионов военнослужащих. Известны были и усечения: *экс* из *экспроприация* (ср. современное *спец)*, а в разговорной фамильярной речи *трам* из *трамвай.*

Совершенно не исследована массовая городская речь конца XIX — начала XX века. Между тем, многие лексические элементы, как стилистически сниженные, вошедшие в общую речь после революции и используемые в художественной литературе с различными стилистическими оттенками, возникли в среде «непривилегированного» городского населения. Многие лексические элементы старого городского просторечия были семантически преобразованы или стилистически нейтрализованы, и в этом виде вошли в общую речь, в речь современной интеллигенции. Разграничение в этой сфере лексики старого и нового позволит правильно оценить лексические процессы, глубоко связанные с изменениями в социальной структуре общества. Особенно важны в этом смысле процессы стилистической нейтрализации.

Неизученность старого городского просторечия и «сниженной» лексики вообще приводит иногда к полному искажению исторической перспективы. К «словам языка деревни, фабрики, низших городских слоев, вошедших в состав речи партийной и вообще советской среды», относят такие, как *выжига, склока, лодырничать, питерский, зряшный, ляпнуть* (перен.), *подстегнуть* (перен.), *просадить* (перен.), *объегорить, жульничать, растранжирить, зря, пешедралом* (А. М. Селищев, 1928), хотя многие из них не только в предреволюционное время, но даже еще в XIX веке были в употреблении интеллигенции, т. е. в стилистически окрашенном составе лексики литературного языка.

Трудности изучения лексики дореволюционного просторечия, дореволюционных жаргонов велики, но не непреодолимы. Словари в этом отношении дают мало материала. Выпуски «Словаря русского языка» Академии наук не были завершены, подавляющее количество иллюстраций в них относится к XIX веку, новая, предреволюционная, тем более демократическая, литература почти не использована. По словарю Ушакова можно получить лишь косвенные данные, анализируя стилистические по-

меты. Только иногда в нем встречаются ценные, реальные комментарии. О слове *неполадка* сказано: новое, из языка шахтеров Донбасса.

Приведем некоторые примеры преобразования лексики торгово-ремесленного жаргона предреволюционного времени. В современной обиходной речи известен глагол *оторвать* в значении «удачно и выгодно купить, приобрести», обычно с ироническим оттенком. Это не метафора нашего времени. В торгово-ремесленном жаргоне глагол этот употреблялся в значении «нажить столько-то», о чем свидетельствуют выражения: *оторвать трынку* (3 рубля), *оторвать колесо* (1 рубль), *оторвать царя с ярыжником* (1руб. 50 коп). Вообще глагол *рвать* в этой среде употреблялся в числе прочих обобщенно-экспрессивных слов со значением «приобретения, захвата для себя чего-нибудь». На этой почве возникали серии производных слов, например, *рвачка, рванция* — о хорошей торговле, когда покупатели быстро раскупают товар, рвут его. В этой же среде возникло слово *рвач* в значении «любитель легкой наживы, тот, кто наживается от повышения цен». (Ср. во времена нэпа: *рвацкие цены*). Широко известным это слово стало после нэпа и употреблялось с оттенком осуждения в значении «человек, стремящийся только к извлечению личных выгод из своей работы, к большой зарплате». Известное выражение 30-х годов *буржуазное обрастание* несомненно восходит к ассоциациям, связанным с употреблением глагола *обрастать* в значении «обогащаться, разживаться товаром». Наше *разбазарить* восходит к жаргонному в значении «распродать». *Развернуть торговлю* значило «подготовить торговое место, разложив товары».

Б 11. Развитие лексики национально-литературного языка прошло через несколько этапов.

Для первых лет революции и 20-х годов характерны изгнание и естественное отпадение лексики, связанной со свергнутым общественным строем и чуждым народу буржуазно-дворянским бытом; появление новой терминологии для обозначения новых форм государственности, общественного строя, быта; наплыв сложносокращенных слов и лексики городского просторечия, жаргонов, проникнувших не только в устную речь, но и в художественную литературу. У современников создавалось впечатление, что литературные нормы словоупотребления рушатся (А. М. Селищев, 1928; А. Г. Горнфельд, 1921; М. Презент и мн. др.).

В 30-е годы, когда уже сложилась новая советская интеллигенция, происходит известная стабилизация лексических норм. Ограничивается употребление сложносокращенных слов. Ведется борьба против так называемой вульгаризации и загрязнения литературного языка лексикой просторечия и жаргонов, что привело к известной стилистической сглаженности языка художественной литературы и публицистики; происходят постепенные изменения в словоупотреблении, внешним фактором чего были изменения в социальном составе основных носителей литературного языка; происходит бурный рост новой лексики, связанной с развитием социалистического строительства и новых общественных отношений.

В 40—50-е годы в литературный язык широко вливается новая лексика, связанная с развитием естественных наук, техники и с новым этапом социалистического строительства; многие элементы лексического просторечия усваиваются литературным языком; возрождаются в разных функциях лексические элементы, которые в первые годы ушли в пассивный запас языка; усиливается, особенно в послевоенное время, жаргонное словоупотребление среди молодежи; ведется борьба за чистоту языка, главным образом против речевых штампов и жаргонного словоупотребления.

Понятно, что периодизация развития лексики, чтобы быть объективной, должна опираться на массовый материал, показывающий время по-

явления или отмирания слов и выражений или целых разрядов слов. Если речь идет об обозначении реалий, то время их появления можно установить точно, так как лексика является зеркалом развития общественной жизни. Так, например, термин *дом отдыха* появился с момента организации таких учреждений в соответствии с декретом, изданным в 1921 году. Указами Верховного Совета СССР учреждено было воинское звание *генерал* (7. V 1940 г.), образованы министерства и установлена должность *министра* (15. III 1946 г.). Изучение развития общественной жизни, техники, экономики подскажет точное или относительно точное появление, например, слов *субботник* (10. V 1919 г.), *пятилетка* (март — апрель 1929 г.), *ударник* (1929 г.), *стахановец* (август 1935 г.), *целинник* (1954—1955 гг.), *колхоз* и производные от него (конец 20-х годов), *радио* (середина 20-х годов). Знание хронологии основных терминов позволит установить, с известной степенью достоверности, время появления целых разделов лексики, связанных с возникновением новых явлений действительности (ср. *радиовещание, радиолокатор* и многие им подобные; название профессий в колхозах). Изменение техники производства приводит и к ликвидации многих реалий, а затем к отмиранию названий их (орудий труда, профессий, производственных процессов и т. п.). Труднее установить хронологию лексики бытовой, экспрессивной, нетерминологической. Только привлечение косвенных данных — показаний художественной литературы, публицистики, исторических соображений о ходе развития социального состава носителей литературного языка — может оказать известную помощь.

Б12. Номинация новых явлений — типичный внутренний процесс языка, хотя и тесно связанный с действием внешних факторов. Чем интенсивнее общественная жизнь, чем быстрее развивается экономика, промышленность, техника, наука, тем интенсивнее процессы номинации. Русский язык нашей эпохи в этом отношении не представляет исключения — ему так же, как русскому языку XIX—начала XX века, как и вообще любому другому языку, свойственны эти процессы. Однако в этом есть и существенные отличия, количественные и качественные. Советский Союз за короткое время сделал огромный скачок в экономическом развитии. Отражая это бурное развитие, терминологическая лексика за короткий срок пополнилась многими тысячами новых слов и образовала мощный слой в ткани русского языка, так как значительное количество этих слов вышло далеко за пределы словоупотребления специалистов и влилось в общий язык. Развитие терминологических систем, источники их пополнения и социальные причины массового вовлечения многих терминов в общий язык — все эти вопросы нуждаются в конкретных исследованиях.

На фоне активных процессов номинации развивается широкая терминологизация речи. Эта тенденция выражается в многообразных формах, получая опору в условиях нашей общественной жизни. Плановое хозяйство и хозяйственный учет, связанный с фиксацией каждой отдельной операции, далеко идущее разветвление наук, производств, дифференциация труда и трудовых процессов, необходимость соблюдения определенного порядка в общественной деятельности вызывали потребности точной квалификации и удобной для общения номинации отдельного акта, деятеля, явления, операции.

Несомненно, что практика аббревиатур содействовала росту этой тенденции. Замена длинного словосочетания в названиях учреждений (*ВЦИК* вместо *Всероссийский центральный исполнительный комитет, ВОКС* вместо *Всесоюзное общество по культурным связям с заграницей*) представляла значительные удобства в общении. Первые годы революции были временем неограниченного распространения аббревиатур. По-

степенно их употребление в общем языке, с середины 30-х годов, ограничивалось и в конце концов свелось к аббревиатурам общеизвестных учреждений. Но в местном и особенно в ведомственном употреблении они по-прежнему являются главным способом называния учреждений. В армии аббревиатурами пользуются не только при назывании учреждений, но и для обозначения устойчивых словосочетаний терминологического характера: *нз* — неприкосновенный запас, *кп* — командный пункт[2].

Ярко проявляется эта тенденция и в развитии сложносокращенных слов — существительных и прилагательных. Стяжение словосочетания в слово оказалось очень удобным способом терминологизации, широко распространившимся во всех сферах деятельности — научной, промышленной, сельскохозяйственной, спортивной. Словообразовательные типы многообразны, но прочнее всего, как самая продуктивная, закрепилась модель: усеченное прилагательное + несокращенное существительное. Достоянием общего языка являются не названия учреждений, а названия предметов, понятий, лиц. Причины устойчивости различны. Некоторые сокращения перестали совпадать по значению со словосочетаниями, из которых произошли (*колхоз, совхоз*). Другие настолько закрепились в общественной практике как удобные термины (*агитпункт, жилплощадь*), что не вызывают никаких ассоциаций со словосочетаниями, из которых произошли. Иные только по виду сложносокращенные слова, а на деле они обычно могут не иметь за собой реально сокращаемых сочетаний. Это образования с лексико-морфемами типа *авто-, радио-, электро-, лесо-, хлебо-* (*автоинспекция, хлебозаготовки, электрополотер*).

В потоке сложносокращенных слов, отражающем общие тенденции терминологизации речи, особое место занимают прилагательные. Их словообразовательная структура многотипна, а различные виды агглютинативного сцепления основ могут служить для обозначения в одном слове сложного представления (*лесозащитный* — «относящийся к посадке леса для защиты сельскохозяйственных культур», *лесохимический* — «относящийся к химической переработке древесины», *винтомоторный* — «основанный на действии двигателя-мотора с воздушным винтом-пропеллером», *безналичный* — «производимый без расчета наличными деньгами»). По функции сюда примыкают прилагательные (сложносоединенные слова), образующие тесное сочетание — лексему, отражающее особый оттенок мысли (*планово-предупредительный* ремонт, *растворо-бетонный* узел, *строительно-монтажный, политико-просветительный*), прилагательные из определения + определяемое (*долгоиграющая* пластинка, *дорогостоящий* ремонт). Темп терминологизации по сравнению с дореволюционным временем необычайно возрос. Если раньше в специальной литературе довольствовались описательными выражениями (например, «песчаные почвы с примесью глины»), то в наше время создается терминологизированное обозначение (*песчано-глинистые* почвы). Этот терминологизационный процесс нуждается в дальнейшем исследовании.

В широкий терминологизационный поток включаются слова с родовым значением. Когда говорят об уборке хлебов, жатве колосовых, косьбе травы и т. п., то предпочитают обозначать их словом *косовица*. Вместо описательных оборотов, перечисления видов какого-нибудь явления применяются обобщающие названия (*оснащение, оборудование, питание, транспорт*). Это явление свойственно не только официальной речи, оно широко проникло и в разговорную речь. Не только «общественное *питание*», «трехразовое *питание*», но и (в разговорной речи) «в дороге с

[2] Такие аббревиатуры охотно используются с шутливым оттенком в обиходной речи: *нз* (о продуктах, которые не нужно сразу расходовать), *чп* — чрезвычайное происшествие и т. п.

питанием было трудно». Не только в официальных контекстах типа «работа городского *транспорта* в праздничные дни», но и в обыденной речи: «Видал его. Когда еще на грузовом транспорте работал» (К. Федин). Обобщенные названия групп профессий стали применяться еще в дореволюционной России в связи с развитием профсоюзного движения (*металлисты, печатники*), а в наше время потребность в таких названиях увеличилась. Дифференциация и разделение труда вызвали появление большого числа новых профессий и, следовательно, появление новых названий или использование старых слов в терминологическом значении. Отсюда понятна потребность создания обобщающих названий для родственных профессий (*текстильщики, обувщики, пищевики, речники*). Особенно нагляден этот процесс в сельскохозяйственном производстве, где в советскую эпоху, при общественной форме хозяйства, возникла значительная дифференциация труда (*полевод, кукурузовод, доярка* и *дояр, свинарка*). А для работников на машинах (*тракторист, комбайнер* и др.) появилось уже обобщенное название (*механизатор*).

Способы обозначения действительности, перечисленные выше, не альтернативны в том смысле, что в языке не существует других, более целесообразных или более удобных способов обозначения, противопоставленных данным. Они стилистически нейтральны в том смысле, что их употребление зависит только от содержания речи.

Более глубокие, внутриязыковые процессы терминологизации речи связаны с употреблением отглагольных существительных — названий действия-акта, действия-операции, состояния-результата действия. К ним примыкают некоторые отвлеченные существительные (например, существительные на *-ость* от страдательных причастий). Они очень удобны, так как действия-акты (подобно существительным конкретного значения) могут подвергаться счету и иметь качественную характеристику. Потребность применять в речи терминированные отглагольные существительные привела к некоторым синтаксическим смещениям. Значительно повысился удельный вес описательных оборотов по сравнению с противопоставленными им глагольными конструкциями (*устраивать скандал* вм. *скандалить, производить поливку* вм. *поливать, совершать нападения* вм. *нападать, делать поворот* вм. *поворачивать*). Получил подкрепление аналитизм в росте предложных конструкций разного рода (энтузиаст *по выращиванию* свеклы, магазин *по продаже* семян), особенно в распространенных предложениях.

В терминированной речи (например, научной), конструкции с отглагольными существительными вполне оправданы (Г. О. Винокур, 1928.) В наше время терминологизация получила широкое развитие во всех сферах речи: в научно-технической, профессиональной, публицистической («самолет пошел на *снижение*», «сад вступает в *плодоношение*», «в трубопроводе произошел *засор*», «машина пошла на *разворот*», «сделать *две ездки*», «весенний *высев* бобовых», «*выемка* писем производится пять раз», «штрафной *удар* проводит Иванов», «хочу начать лекцию с *показа* диаграмм», «вести *обмен мнениями* по берлинскому вопросу», «начался *выброс* нефти»).

Терминологизация, затронув специальные сферы речи, широко распространилась и в речи обыденной, разговорной. Так, официальное слово *посадка* вместо соответствующего ему глагола стало общепринятым («где тут *посадка?*», «почему нет *посадки?*»). Возникает стилистически ущербное употребление описательных оборотов: «[священник], который должен был *проводить говение* солдат» (А. Степанов, Порт-Артур); «гитлеровские оккупанты *провели* массовые *расстрелы* участников антифашистской забастовки» («Огонек», 1956, № 37); «у нас *произо-*

шла беседа с женой» («Известия», 1961, № 136); «ты выйдешь, когда автобус *сделает поворот*» (запись живой речи).

Вопросы стилистической ценности или ущербности глагольных и отглагольных именных конструкций должны быть подвергнуты исследованию независимо от их оценки в 20-х годах (А. М. Пешковский, 1925), а с точки зрения положительности для нашего времени процессов терминологизации речи.

Б13. Лексика обиходной речи. «Когда мы будем располагать большим соответствующим материалом, то вторым языковым рядом городских арго может быть и окажется некий «низкий» общий разговорный язык — «городское просторечие» (Б. А. Ларин, 1928). В эти прогнозы 20-х годов, в своей основе правильные, жизнь внесла существенные поправки. Социальная структура нашего общества такова, что нет почвы для развития социальных арго как замкнутых средств общения, нет поэтому и почвы для становления «низкого» разговорного языка как системы, противопоставленной литературному языку. В наше время обиходная речь — это ненормированная форма национального общения. Ненормированная и нормированная (литературная) формы, при отсутствии социально нерушимых классовых перегородок, взаимно проницаемы. Включение в норму ненормированных явлений — дело времени, необходимого на преобразование стилистических традиций литературной речи.

Лексические признаки обиходной речи начинают отстаиваться и становиться общими к 40—50-м годам. В первые годы революции вышла из своих социальных берегов речь городских «низов», но она не была едина ни по происхождению, ни по сферам бытования и отражала всю сложность дробной социальной дифференциации. Диалектные навыки причудливо смешивались с жаргонным словоупотреблением, со словоупотреблением дореволюционного мещанства, с приемами речи торговцев и городских ремесленников. Эта сложная картина нашла отражение в художественной литературе тех лет, и поэтому художественная литература может служить источником изучения характера городской речи. [тех лет.] Культурная революция, внедрение норм литературного языка привели к тому, что новые поколения интеллигенции освобождались от тех элементов словоупотребления, которые были периферийны для общего языка, и сохраняли все то, что стало общим для городской речи, что не противоречило духу национального языка, хотя и не входило в литературную норму, не было результатом имманентного развития литературной речи.

Лексика и фразеологизмы обиходной речи известны говорящим и понятны им. Но в литературно нормированной речи она используется как стилистическое средство, в художественной литературе—для характеристики персонажей, в фельетонах, в публицистической речи. В устной литературно нормированной речи она применяется тоже, но обычно несет ту или иную стилистическую нагрузку, оттенок иронии и т. п. В словари такая лексика часто не включается, а то, что включается, снабжается пометами «просторечное», «разговорное», «грубое». В естественном разговоре ненормированного типа обиходная лексика не несет никакой стилистической нагрузки, не считая того, что многие лексемы или обороты могут служить формой выражения той или иной экспрессии. Применение обиходной лексики без стилистической нагрузки в авторской речи художественных произведений свидетельствует о широкой экспансии ее.

Лексика и фразеологизмы обиходной речи с точки зрения носителей литературно нормированной речи очень многообразны: они могут обладать и не обладать социально-языковой окрашенностью, могут

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
www.ruslang.ru

61091
БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРА РУССКОГО ЯЗЫКА
ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ЯЗЫКА

служить средством стилистической окраски в литературно нормированной речи и могут легко входить в нормированную речь как средство естественной коммуникации в естественном общении представителей современного общества, владеющих национальными, не диалектными языковыми средствами. По происхождению эта лексика и фразеологизмы восходят или к народно-диалектной речи, иногда закрепленной в фольклоре, или к старому городскому словоупотреблению, или к новогородской речи, имманентно развивающейся на путях контактов с литературно нормированной речью. Многие лексические элементы обиходной речи восходят к профессиональной речи, к «очищенной» жаргонной. То, что многие лексические элементы современной обиходной речи можно встретить у писателей XIX—начала XX века без всякой, казалось бы, стилистической окраски, свидетельствует о сдвиге литературной нормы.

Предстоит еще анализ на материале живой речи (а не только на материале художественной литературы и т. п.) социально-речевых источников обиходной лексики, сферы ее употребления, речевых и бытовых ситуаций, в которых она употребляется, условий и закономерностей вовлечения ее в литературную норму или затухания. Социально-лингвистическая оценка слова в прошлом и настоящем, сознательное нормирование, социальная необходимость слова — все это определяет судьбу слова, значения, оборота в обиходной и литературной речи. Вот некоторые характерные явления.

Типично употребление прямых синонимов, противопоставленных литературной лексике. *Получка* — «зарплата» (старое рабочее словоупотребление). *Роспись* — «расписка». Обычно говорят «тут его росписи нет» *(роспись* из *расписаться* в чем-нибудь по образцу *подпись*). *Вино* или *белое вино* — «водка» (слово старое, мало дифференцированное по значению; «вином» в литературном языке называют только виноградные вина; на водочных этикетках до революции писалось «казенное вино»; «красным вином» в современной обиходной речи называют любые алкогольные цветные напитки: настойки, портвейны и т. п.). *Подружка* — «приятельница», «хорошая знакомая» (в литературном только уменьшительное или о «девочках»; из диалектов). *Дружок* — «приятель» (в литературном уменьшительно-ласкательное; современное обиходное из диалектов: употребляется нейтрально или отрицательно). *Годок* — «одногодок» (из диалектов). *Сестренка, братишка* — «сестра», «брат» (не только о маленьких, но и о старших). *Зануда* — «нудный человек» (из украинского через воровской жаргон, с переосмыслением). *Именинник* — «тот, у кого день рождения, новорожденный» (забвение литературного значения). *Пьянка* — «пьянство; вечеринка с выпивкой» (из дореволюционной городской жизни). *Жинка* — «жена» (из украинского). *Батя* — «отец» (из диалектов).

Парни, ребята и *девчата* — о молодых людях. *Поставить* — «назначить» на какую-нибудь должность, работу (из старого рабочего употребления, восходящего, возможно, к военному *поставить на пост*). *Простыть* — «простудиться» (из диалектов). *Пошить* — «сшить» (из профессиональной речи). *Брать* — «покупать» («почем ситец брала», ср. старое *забирать товар, заборная книжка*). *Давать* — «продавать» (может быть от времен военного коммунизма). *Гулять* — «быть в отпуске» (из диалектного употребления). *Справлять* свадьбу, *справить* костюм (из диалектного употребления, вошедшего в фольклор). Ему *сравнялось* 20 лет — «исполнилось». *Выправить* — «получить» («выправить документы»). *Случаем* — «случайно» («вы *случаем* не на вокзал идете?»). *Днями* — «на днях». *Вроде* — «как будто», «кажется». *Вперед* — «раньше»

ше («*вперед* узнай, а потом говори»). Знаменитое *обратно* — «опять». *Аж* — «даже» («*аж* взопрел»; из диалектов).

В обиходной речи словообразовательные возможности реализуются свободнее, чем в речи нормированной. Возможно, что здесь сказывается живучая стихия диалектной речи. Это — почва для существования и пополнения синонимических рядов.

Сейчас широко употребляется наречие *запросто* в значении «просто», «легко» («он его *запросто* обыграет»). Оно возникло на фоне известных *зазря, задаром, завсегда* и не является семантическим преобразованием литературного *запросто* «без соблюдения формальностей, требуемых обычаем» («прийти в гости *запросто*»).

Показательно для обиходной речи употребление некоторых типов префиксированных глаголов, не отличающихся по значению от глаголов нормированной речи. Выделяется тип глаголов, в которых присоединяемая к совершенному виду приставка не меняет значения. Ср. старые образования *заявиться* — «явиться, появиться», *заполучить* — «получить, приобрести» и новое *заснять* — «снять, сфотографировать» (из профессиональной речи). Сходное с этим — префиксальное образование совершенного вида от глагола, которому в литературной речи не свойственно такое образование: *заиметь, поиметь.*

Характерно сосуществование разноприставочных однокоренных глаголов с одним значением в обиходной и нормированной речи. *Сравняться* — «поравняться» («Он отводит взгляд, когда женщина вот-вот должна сравняться с ним»). Ср. еще *спробовать* — «попробовать», *сготовить* — «приготовить» (о еде). Противопоставление бывает прямолинейным тогда, когда в обиходной речи употребляются готовые слова, например, из диалектов. Более сложными отношениями отличается употребление, возникшее внутри обиходной речи и на почве контактов с нормированной речью. В нормированной речи различаются *прикурить* — «зажечь папиросу от уже закуренной, сблизив их», и *закурить* — «зажечь папиросу любым способом, но только не от другой папиросы». При полном сходстве реального содержания в обиходной речи *прикурить* употребляется в значении «закурить». Слово *перекур* — «короткий перерыв в общей работе для курения», возникло, как это ясно из значения, в рабочей среде, отсюда и значение глагола *перекурить* — «покурить во время перерыва». При полном сходстве реального содержания в обиходной речи *перекурить* употребляется в значении литературного *покурить.* Глаголы *признать* и *узнать,* близкие по реальному содержанию, в литературной речи различаются только возможностями управления («*признать* в проезжем старого друга»; «*узнать* старого друга»). В обиходной речи различия утратились и *признать* употребляется как синоним *узнать* («она *признала* лестницу, по которой спустилась накануне»; «ты разве не *признал* меня?»).

В обиходной речи словообразовательными средствами выражаются те формы экспрессии, которые в нормализированной, литературной речи могут быть выражены и словообразовательно, и синтаксически, и средствами словосочетаний. Так, глагольная приставка *под-* в обиходной речи служит не столько для обозначения ослабленности действия, проявления его не в полную меру, немножко (как говорится в словарных определениях), сколько для выражения разного рода экспрессий (вежливости, иронии, стремления не обидеть и вместе с тем выразить нужную мысль и т. п.). Если *подсократить* может быть понято и как прямое «немного сократить», то в *поднажиться* на первый план выступает экспрессивный оттенок, ср. «завмаг решил *поднажиться* и завысил цену» (из фельетона). Вряд ли он решил «немного нажиться». Стирание семантических различий может привести к безэкспрессивному употреб-

лению синонимов: «на этом комбайне лучше *подзаработать* (=заработать) можно». Нейтрализация не только семантического, но и экспрессивного значения особенно показательна в префиксальных образованиях с приставкой *при-*: «недавно я *приболел* (=поболел)»; «*призабыв* (=позабыв), что на предыдущем кадре уже было снято, он начал то же самое» (комментатор телевидения); «поезд сильно *примедлил* (=замедлил) ход»; ср. *примаяться* (=умаяться), *припоздать* (=опоздать) и т. п. В меньшей степени нейтрализации подвергаются полуэкспрессивные образования с *недо-: недопонять, недовыполнить* и т. п.

Характерная черта обиходной речи — уменьшительные образования, служащие только формой выражения разного рода экспрессии (вежливости, дружеской фамильярности, иронии, извинения и т. п.). «*Билетики* предъявите, граждане!». «Вот обзаведусь *моторочкой* и летом — куда угодно. Жизнь!». «*Работка* ничего, не пыльная». «Так что вот такая у нас *обстановочка*». «С характеристикой *неувязочка* получилась». Той же цели служат наречия *(коротенько, культурненько, ясненько, осторожненько).*

Семантическое развитие лексики обиходной речи обладает своеобразными чертами, связанными со спецификой социальной структуры нашего общества, с новым бытом. С этой точки зрения представляет интерес круг лексики, у которой развиваются переносные значения. Преимущественно это лексика диалектного, профессионального употребления. В глаголе *погореть* новое значение «потерпеть неудачу в чем-нибудь» возникло из диалектного *погореть* в значении «лишиться крова и имущества вследствие пожара» (ср. литературное *погорелец,* применявшееся прежде, главным образом, по отношению к крестьянам). Новое значение глагола *пропесочить* «разбирая чьи-нибудь недостатки, разругать, сделать выговор» возникло из профессионального *пропесочить* — «протереть с песком до лоска; продрать с песком». У глагола *проработать* переносное значение с шутливым оттенком — «подвергнуть кого-нибудь всесторонней критике» — возникло от нового, модного в 20—30-е годы значения «всесторонне изучить», «детально обработать» («проработать главу», «проработать план занятия»), подвергавшегося осмеянию пуристами. *Запороть* — «испортить неумелой, небрежной работой» — возникло из портновского «разрезать ткань во время распарывания».

Часто новые значения переносного типа закрепляются тогда, когда образ конкретного действия накладывает свой отпечаток на новое значение: *топать* — «идти», *загреметь* — «лишиться должности, работы с каким-нибудь скандалом».

Б 14. Процесс возникновения нового смыслового оттенка может быть связан с употреблением слова вне свойственного ему словосочетания. В этих случаях значение словосочетания включается в смысловое содержание одного слова. Конечно, это не всегда ведет к вычленению нового, самостоятельного значения, а характеризует только типичный способ употребления. Из *переживать* что-нибудь, каким-нибудь образом («тяжело переживал горе» и т. п.) не без влияния существительного *переживание* возникло значение «волноваться, страдать из-за чего-нибудь» без управляемых слов. Употребление глагола *подсказать* без управляемых слов привело к оформлению значения «посоветовать»: «поговори с ним, он хорошо *подскажет*». Из словосочетаний «нарушать правила, постановления и т. п.» возникло употребление глагола вне связанных словосочетаний («гражданин, вы *нарушаете*») и существительного: «оштрафовать нарушителя». «Он в отпуске? — Нет, уже *вышел*» (т. е. вышел на работу). Из различных словосочетаний возникает употребление, еще далекое от того, чтобы стать полноценным значени-

ем слова: «строго *предупредить* кого-нибудь» (т. е. сделать предупреждение), «руководство его *поправило*» (т. е. помогло исправить ошибки в работе).

Параллельно идет процесс создания новых оттенков значения при появлении новых форм сочетаемости, в частности при появлении управления у глаголов, не имевших его, или нового управления: *агитировать* за что (было *агитировать* за кого), *агитировать* кого (уговаривать), *командовать* над кем, *стимулировать* на что, *ориентироваться* к чему и т. д.

Мало изучены особенности словоупотребления обиходной речи. Происходят лексические замены по смежности обозначаемых реалий: вместо *спать* принято говорить *отдыхать* («я лег *отдыхать* после 12 ночи»); вместо *потолстеть, пополнеть* принято говорить *поправиться* («после курорта на два кило *поправился*»). Распространено эвфемистическое словоупотребление (говорят *встречаться, дружить* о незарегистрированном и необъявленном браке). Литературная лексика, стилистически окрашенная в нормированной речи как сугубо книжная, канцелярская и т. п. употребляется как нейтральная(«иду с *супругой* в театр»; «он больше не *проживает* у отца»).

Лексические формулы бытового общения, лексика реплик в диалогической речи многообразны по своему происхождению (часто диалектному, иногда жаргонному). Приветствия при встрече и прощании: *как жизнь, здорово! салют! бывай* «до свидания», *до скорого,* более старое *пока.* Утверждение и выражение согласия: *ага, точно, добро* или *добре.* Реплики несогласия, отрицания: *подумаешь* («Ты так простудишься! — *Подумаешь!*»), *прямо* («Ты ведь ничего не знаешь об этом.— *Прямо!* Я все знаю»), удивления, например, *надо же* («Ивана в больницу положили. — *Надо же,* а я ничего и не знала»).

Б 15. Изменение словоупотребления в общем, литературном языке идет по двум основным путям.

Первый путь — в лексике непосредственно отражаются изменения, происшедшие в действительности. В первые же годы революции выходит из активного употребления лексика, связанная с обозначением явлений старого государственного и общественного строя, разрушенного Великой Октябрьской социалистической революцией: названия учреждений, должностей, лиц, обозначения действий, связанных с особенностями государственной жизни старого режима и быта высших классов общества. Создаются целые серии новых названий — обозначений новых учреждений, новых обязанностей, новых форм общественной жизни *(субботник, смычка, спайка)* и т. п. Видоизменяются или заменяются названия — обозначения государственных функций, сходных по форме, но изменивших свое реальное содержание. Это или названия, ассоциирующиеся со всей системой помещичье-капиталистического угнетения народа *(судебный пристав — судебный исполнитель, инородец — национал, нацмен); присутственный день* — название, связанное с работой служащих в дореволюционных канцеляриях, заменяется единым обозначением рабочего времени *рабочий день;* или названия, которые для общего языка стали давно архаическими *(правитель* канцелярии— *заведующий* канцелярией, *присяжный* заседатель — *народный* заседатель, *казенное* имущество — *государственное* имущество, *околоточный* надзиратель — *участковый* надзиратель). Многие слова, отражающие явления старого строя и быта, сохраняются, но в новом, переносном значении с оттенком неодобрения или в ироническом употреблении: *чиновник* — «бездушный работник, формалист», *бюрократ* — то же, но с большим бранным оттенком, *богадельня* — «место, где без особой затраты труда можно получать хорошее вознаграждение», *казенный* —

«бездушно-формальный», *вельможа* — «работник-самодур», *временщик* — «человек, который по воле сильного покровителя оказался временно у власти»; *вояж, спич, особа, стезя* — с оттенком иронического отношения к изображаемому.

История развития метафорических значений тесно связана с отражением явлений действительности. Идеи борьбы с отживающим старым, с пережитками, с врагами революции, борьбы за построение нового быта содействовали широкому развитию метафоризации военной терминологической лексики, использованию лексики высокого стиля, особенно во время Великой Отечественной войны и после нее. Изменения в лексике, непосредственно отражающие изменения в действительности, процессы появления новых слов в связи с развитием экономики, техники, новых форм быта привлекали основное внимание исследователей (А. Мазон, 1920; А. М. Селищев, 1928 и др.).

Второй путь изменений в словоупотреблении более сложный. Нет непосредственных связей с изменениями в реальной действительности. Более того, изменяется словоупотребление без всяких явных изменений в самой действительности. Дело в постепенном и последовательном изменении социальной структуры общества, в изменении социального состава носителей литературного языка. Выветривались унаследованные традиции употребления, создавались новые, на основе социальных оценок старого употребления. Происходили как бы незаметные сдвиги, не объяснимые с точки зрения необходимости новой номинации. Тут мы встречаемся с реализацией многообразных лингвистических вкусов, с проникновением в обиходную речь слов делового, газетного или профессионального употребления.

Действительно, чем объяснить социально, что стали говорить *зачитать* резолюцию вм. *огласить; продукты* вм. *провизия; ткани* вм. *мануфактура; скидка* на что-нибудь вм. *послабление; лимитировать* вм. *ограничивать; договориться* вм. *условиться* о чем-нибудь; *включиться* во что-нибудь вм. *принять участие* в чем-нибудь; *учесть* вм. *иметь в виду*; *принять* вм. *обнаружить, вскрыть* что-нибудь; *отчитаться* вм. *сделать отчет* по поводу чего-нибудь. Иногда в этом запечатлена социальная оценка действий, явлений, но очень неотчетливо: *призывник* вм. *новобранец; заявление* вм. *прошение*; *быть на работе* вм. *на службе; снять, сократить* вм. *уволить; аванс* (по отношению к частным делам) вм. *задаток; внебрачный* вм. *незаконный.*

Исследование этих явлений вместе с изучением типов переносных значений составляет одну из существенных сторон изучения изменений словоупотребления советской эпохи, иногда очень тонких, сложных вследствие сложности социальных процессов, видоизменений социально-лингвистических вкусов и оценок.

Б16. Общее развитие лексики литературной и обиходной речи как форм русского национального языка советской эпохи тесно связано с судьбой диалектизмов и арготизмов. Значительна была и роль заимствований из родственных славянских языков (в первую очередь, конечно, украинского и белорусского). Богатый фактический материал, свидетельствующий об этом влиянии, еще недостаточно изучен и не обобщен.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Содержание раздела. — А (§ 1—6). Взаимодействие между грамматическими значениями в пределах одной грамматической категории. Влияние на это взаимодействие социальных условий существования русского языка в советскую эпоху. — Б (§ 7—12). Превращение словообразовательных моделей в словоизменительные. Увеличение регулярности ряда моделей как причина такого превращения. Усиленное и обостренное протекание этого процесса в русском языке советского времени. Влияние общественных факторов на этот процесс. — В (§ 13—21). Изменение продуктивности словообразовательных моделей. Рост продуктивности многих моделей под влиянием общественных воздействий на язык. Активизация заимствованных аффиксов; превращение аффиксоидов в аффиксы; обострение морфологической членимости заимствованных слов. Актуализация некоторых грамматических значений под влиянием социальной действительности; воздействие такой актуализации на продуктивность словообразовательных моделей. — Г (§ 22—27). Борьба синонимических словообразовательных моделей. Различные исходы этой борьбы, обусловленные внутриязыковыми тенденциями развития и «внешними», социальными воздействиями. Особая напряженность столкновения синонимических моделей в терминологии. — Д (§ 28—31). Стилистические взаимодействия в словообразовательной системе, их интенсивность в русском языке XX века. Влияние на это взаимодействие демократизации русского литературного языка после Октябрьской революции. — Е (§ 32—33). Специализированные подсистемы в словообразовании; особая важность среди них терминологической подсистемы. Рост влияния принципов словообразования, характерных для терминологических систем, на общую словообразовательную систему. — Ж (§ 34—49). Рост агглютинативности в словообразовательной системе русского языка у одних моделей, фузионности — у других. Перевес принципов усиления агглютинативности. Роль общественных условий существования русского языка нашей эпохи в стимулировании этих процессов. Ослабление агглютинации (в некоторых частных случаях) в результате лексических преобразований, характерных для нашей эпохи.

0. Грамматическая система языка (в том числе и словообразовательная) развивается по своим внутренним законам. Но это развитие испытывает сильнейшее воздействие со стороны общественных условий существования языка. Социальные факторы могут способствовать ускорению одних исторических преобразований в грамматике, задерживать развитие других, предоставлять новый материал для некоторых внутренне обусловленных процессов и т. д. Но эти социальные влияния не могут быть деструктивными по отношению к языковой системе.

В советскую эпоху воздействие социальных факторов на язык было во многих случаях очень значительным. Оно не отменило, разумеется, никаких внутренних законов развития грамматической системы русского языка, но взаимодействовало с ними, усиливая или ослабляя их.

А 1. Между словообразовательными моделями могут быть такие соотношения:

α) $nA \parallel \overline{nA}$

β) $nA \parallel \overline{n}A$

Здесь n = 'указано';
A = определенное грамматическое значение;
— = 'не'.

Например, соотношение между словами: *учитель — учительница, ткач — ткачиха, поэт — поэтесса, секретарь — секретарша,* характеризуется формулой β; здесь A = 'лицо женского пола, охарактеризованное по профессии'. Соотносительные слова *учитель, поэт, продавец,* и т. д. не указывают, что при назывании имеется в виду женщина; немаркированный член противопоставления — $\overline{n}$ A (В. Н. Сидоров, 1947).

Возможно и принципиально иное соотношение. Слова *грузин — грузинка, русский — русская, француз — француженка, москвич — москвичка, киевлянин — киевлянка, сибиряк — сибирячка, северянин — северянка* и т. д. соотносятся по типу α. Здесь одно слово указывает, что названа женщина, другое (соотносительное) слово — что назван мужчина.

Когда налицо соотношение типа β, то всегда осуществляется формула: все 'nA' являются '$\overline{n}$A' (напр., все учительницы в то же время и учителя; ср.: *Анна Николаевна — опытный учитель* и пр.); при отношениях типа α эта формула оказывается неосуществимой, и речевые единицы, построенные на ее основе, языковым сознанием говорящих оцениваются как неправильные (невозможны выражения: *обаятельный француз Нинон Бросье* и под.).

Из двух членов глагольной видовой пары один указывает, что действие доведено до качественного предела, это глагол совершенного вида. Возможны и другие определения, но важно, что и они характеризуют значение совершенного вида как nA (С. Карцевский, 1926; В. Н. Сидоров, 1947).

Противостоящий же член определяется разными исследователями в принципе различно. Одни считают, что он имеет значение $\overline{n}$A — не содержит указания на законченность (предельность) действия. Отсюда возможность такого употребления этих форм: — *Ты напишешь брату письмо об этом? — Я уже ему писал*; или: — *Выпей чаю. — Я уже пил* и т. д. Здесь оказывается, что *писал* = *написал; пил* = *выпил;* $\overline{n}A \subset nA$. Таким образом, несовершенный вид определяется как немаркированный член (С. И. Карцевский, 1926; В. Н. Сидоров, 1947).

Другие исследователи считают, что и этот член видового противопоставления маркирован ($n\overline{A}$); он указывает на незавершенность действия (И. П. Мучник, 1947)[3].

В действительности видовые глагольные пары осуществляют и тот и другой тип соотношений. Противопоставления *писать — написать, пить — выпить* и т. д. относятся к типу $\overline{nA} \parallel nA$. Напротив, в противопоставлениях *переписать — переписывать, выбросить — выбрасывать* осуществляется тип $nA \parallel n\overline{A}$. Соотношения в репликах: — *Перепиши эту фразу. — Я уже переписывал ее;* или: — *Налей воду сюда. — Я уже наливал* и т. д., совсем не те, что в приведенных выше репликах со словами *писал — написал, пил — выпил.* Здесь названия действия *допи-*

[3] Три огня светофора можно было бы обозначить так:
$n\overline{A}$ = указано: иди (зеленый),
$n\overline{A}$ = указано: не иди (красный),
$\overline{n}A$ = не указано: «иди» (желтый).

сывал и *дописал* не соотносятся как более общее и более частное; одно не влечет за собой другое. Слово *переливал* в приведенной реплике не означает: 'я уже выполнил то действие, которое ты назвал словом *перелил'*. Словом *переливал* названо другое действие: многократное или однократное незаконченное. Таким образом, в парах *переписать — переписывать* налицо соотношение $\text{пА} \parallel \text{п}\overline{\text{А}}$; А = 'действие доведено до качественного предела'; $\overline{\text{А}}$ = 'действие до него не доведено'.

Как видно из примеров, в пределах одной грамматической категории (родовой, видовой и т. д.) могут осуществляться и отношения типа α (в одних единицах) и отношения типа β — в других. В таких случаях часто возникает взаимодействие между отношениями типа α и типа β, вытеснение одних другими. При этом процесс протекает двумя путями: или определенные морфологические образования заменяются новыми, или же переосмысливаются какие-то морфологические единицы, внешне не изменяясь. В последнем случае возможна замена отношений типа α отношениями типа β (при этом $\text{п}\overline{\text{А}}$ изменяется, расширяя свое значение, до $\overline{\text{п}}\text{А}$), но не наоборот. Изменение $\overline{\text{п}}\text{А}$ в $\text{п}\overline{\text{А}}$ означало бы сужение объема значения у единиц, претерпевающих такое изменение, т. е. сужение числа контекстов, где они возможны, что для грамматических категорий маловероятно.

Напротив, при отмирании старых морфологических образований и замене их новыми возможно превращение отношений типа α (т. е. $\text{пА} \parallel \text{п}\overline{\text{А}}$) в основные для данной грамматической категории отношения типа β.

А2. Существительные, соотносительные по роду, выражают и соотношение $\text{пА} \parallel \text{п}\overline{\text{А}}$ (названия лиц по профессии) и соотношение $\text{пА} \parallel \text{п}\overline{\text{А}}$ (названия по национальности, по месту жительства). Некоторые типы таких существительных испытывают воздействие и того и другого соотношения. Такова, например, группа слов, называющих лицо по черте характера, внешности и т. д.: *лентяй — лентяйка, красавец — красавица, трус — трусиха, сумасброд—сумасбродка, герой — героиня, ворчун — ворчунья, выдумщик — выдумщица, мечтатель — мечтательница, начетчик — начетчица, театрал — театралка* и т. п. Такие слова-характеристики в большинстве своем отвечают формуле $\text{пА} \parallel \text{п}\overline{\text{А}}$; ср. *красавец— красавица, говорун — говорунья* и т. д. Соотношение этого типа (α) очень характерно для данной группы слов. Оно поддерживается и синтаксически: такие существительные наиболее обычны в роли приложения, и тогда они «согласуются» в роде с другим существительным (А. В. Миртов, 1946).

Но в некоторых парах налицо другое соотношение: $\text{пА} \parallel \overline{\text{п}}\text{А}$; ср. *театрал — театралка, герой — героиня* и т. д. Именно это последнее отношение в нашу эпоху начинает широко использоваться у таких существительных и вытеснять отношение $\text{пА} \parallel \text{п}\overline{\text{А}}$.

Причины этого процесса могут быть поняты так. Соотношения типа $\text{пА} \parallel \text{п}\overline{\text{А}}$ функционируют нормально, если есть полный параллелизм соотносящихся форм; каждому члену пА должен соответствовать член $\text{п}\overline{\text{А}}$, отличающийся только грамматическим значением. Это условие, например, строго выполняется для ряда *грузин—грузинка, москвич — москвичка*. У существительных разбираемого типа такой точной соотносительности нет. Во-первых, многим членам пА не соответствует член $\text{п}\overline{\text{А}}$[4]; ср.: *храбрец, добряк, простак* и т. д. Во-вторых, между соотноси-

[4] При соотношениях типа α безразлично, какому члену противопоставления приписать обозначение пА и какому — $\text{п}\overline{\text{А}}$.

тельными парами иногда существуют не только грамматические, но и стилистические контрасты; ср. *трус* (нейтр.) — *трусиха* (разг.), *лентяй—лентяйка* и пр.

В разговорной речи, при обмене репликами, обычны такие параллелизмы в построении предложений: — *Ну и выдумщик же ты!* — *Да ведь и ты выдумщица;* или: — *Нет, я не мечтатель.* — *А я, прямо скажу, мечтательница;* или: — *Такого говоруна, как ты, свет не видывал.* — *И такой говоруньи, как ты* — и пр.

Автоматизм речи, характерный для разговорного стиля, делает такое использование соотносительных слов в диалоге очень частым и желательным. Но если бы слова мужского рода у существительных анализируемого типа имели всегда значение пА, то, при указанных выше условиях, этот автоматизм во многих случаях не смог бы осуществиться; ср. — *Ее брат просто храбрец!* — *Но ведь и она тоже очень смелая* — и т. д. Это связано именно с тем, что контраст между словами такого типа нерегулярен: иногда он осложнен стилистическими оттенками, иногда налицо только один из членов этого контраста. В разговорном стиле естественно стремление расширить использование в этой группе слов соотношения пА—$\overline{\text{п}}$А; оно позволит использовать автоматизм параллельных построений, создавать ответную реплику из речевого материала собеседника:— *Ее брат храбрец!*— *Да и она ведь тоже храбрец* — и т. д. Поэтому в современном разговорном стиле все шире используются конструкции: *она... герой, мечтатель, большой выдумщик* и т. д.

Усиленное влияние разговорного стиля на нейтральный (вызванное социальными причинами) позволило широко распространиться и укрепиться соотношениям типа пА—$\overline{\text{п}}$А в группах существительных данного типа.

А3. Видовым парам, которые отличаются наличием — отсутствием суффикса *-ива-* (он всегда сопровождается префиксом или префиксоидом), свойственно соотношение пА ‖ п$\overline{\text{А}}$; оно последовательно выдержано у этих форм.

Отношение пА ‖ $\overline{\text{п}}$А характеризует некоторые видовые пары, отличающиеся наличием — отсутствием префикса. Но: а) префиксальное образование видовых пар нестандартно, нет специализированных приставок, используемых только при видовом словообразовании; выбор их, с точки зрения современных языковых отношений, не мотивирован; ср.: *радовать — обрадовать, сеять — посеять, играть — сыграть, душить — задушить, мочить — намочить, печь — испечь, топить — утопить...;* б) отношение пА ‖ $\overline{\text{п}}$А характерно только для некоторых видовых пар префиксально-беспрефиксального типа, т. е. использование его в данной модели не является последовательным.

Итак, данная модель характеризуется нерегулярностью означающих и нерегулярностью означаемых. Очевидно, что она мало продуктивна для современного русского языка[5]. Пополняется в основном разряд видовых пар, различающихся суффиксами (И. П. Мучник, 1957). Постепенно пары *пить — выпить, читать — прочитать* с отношениями пА ‖ $\overline{\text{п}}$А оказываются все в большей изоляции, должны противостоять все большему числу регулярных отношений типа пА ‖ п$\overline{\text{А}}$ и тем самым все более явно преобразуют свое грамматическое соотношение в лексическое, изолированно-нерегулярное, все более теряют право входить в ряд видовых глагольных пар.

А4. Соотношение существительных с качественными прилагательны-

[5] Подробнее о продуктивности моделей см. дальше.

ми может быть двоякого типа: α) *медленный — медленность; темный — темнота; тупой — тупость; краткий — краткость; мелкий — мелкость; светлый — светлизна; тусклый — тусклость;* β) *длинный — длина; скорый — скорость; длительный — длительность; глубокий — глубина; высокий — высота; острый — острота; яркий — яркость.*

В случаях α соотношение описывается такими формулировками: *смелость* — качество смелого, *темнота* — качество темного и т. д. или: *смелый* — 'тот, кому присуща смелость', *темный* —'тот, кому (то, чему) присуща темнота' и т. д. Но неверны определения: *длина* — это 'качество длинного', *скорость* — 'качество скорого' или: *длинный* — 'тот, кому (то, чему) присуща длина', *скорый* —'тот, кому (то, чему) присуща скорость' (см. выше группу слов β).

Слова *длинный, скорый* и под. содержат указание на положительное обладание каким-то признаком: *длинный*— 'тот, кому присуща значительная длина'; *скорый*—'имеющий значительную скорость' и т. д. Здесь прилагательные указывают на положительное (значительное) проявление данного признака, а существительные не указывают, значительно ли это проявление. Скоростью обладают нескорые объекты, длиной — недлинные, яркостью — неяркие и т. д. Соотношение здесь, в группе β, определяется формулой $nA \parallel n\bar{A}$. Различие между словами *длинный — длина, скорый — скорость* и т. д. — аффиксально и, следовательно, должно быть признано грамматическим (деривационным).

У прилагательных *тусклый — яркий* и т. д. антонимичность, конечно, имеет лексический характер; грамматически они совершенно тождественны. Их лексическое противопоставление можно выразить формулой: $nA \parallel n\bar{A}$ (*тусклый* — это неяркий).

Суффиксы отприлагательных существительных *-ость, -изн (а), -ин (а), -от (а)* и т. д. имеют два оттенка значения: они или указывают, что отвлеченный признак, указанный производящей (прилагательной) основой, берется в тех же пределах, которые характеризуют прилагательное (и определены, ограничены его антонимом), или же снимают эту ограниченность. Таким образом, *-ость* означает: α) признак, который указан производящей основой, взятый в отвлечении, абстрактно; β) признак, который указан производящей основой и ее антонимом, взятый абстрактно. Например, вполне реально в речи выражение: *яркость этой лампочки ничтожна,* т. е. она тускла. Здесь *яркость* — это свойство яркого — тусклого, любая степень проявления этого свойства. Напротив, выражение *тусклость этой лампочки ничтожна* не используется для указания, что лампочка ярка. В этом последнем случае (т. е. случае α) *тусклость* — только положительная степень проявления тусклого. Здесь в словах типа *тусклость* (случай α) суффикс существительного не вносит изменений в объем значения основы прилагательного. Напротив, в словах типа *яркость* (случай β) суффикс существительного преобразует значение прилагательной основы, расширяя его объем. Если слова *тусклый — яркий* соотносятся по формуле $nA — \bar{n}A$, то существительные *тусклость — яркость* соотносятся по формуле $nA — \bar{n}\bar{A}$; изменение в соотношение внесено деривационным аффиксом в слове *яркость*.

В современном русском литературном языке отношения типа β между прилагательным и соотносительным существительным постепенно распространяются, все шире захватывая новый лексический материал. Это связано с расширением терминологической лексики и с ее усиливающимся влиянием на лексику нетерминологическую. Отношения же типа *скорый — скорость* характерны именно для терминологической лексики. Есть антонимы: *яркость — тусклость, глубокий — мелкий* и т. д., но когда необходимо измерить, насколько объект исследования ярок — тускл,

глубок — мелок и т. д., необходима единая шкала, нужен один термин, характеризующий движение по этой шкале. Избирается одно из существительных-антонимов (*яркость* или *тусклость, глубина* или *мелкость*), чтобы характеризовать вообще какую-то степень проявления данного признака, малую или большую.

Многие существительные, соотносительные с качественными прилагательными, колеблются между типом α и β, приобретают тот или иной оттенок значения в зависимости от контекста (ср.: *строгость доказательства у вас невелика; во всем его облике чувствовалась строгость; крутизна склонов в этой местности меняется от 7 до 40°; трудно спуститься по такой крутизне* и т. д.). Получая хотя бы слабый оттенок терминологизованности, они имеют значение $\overline{\text{п}}$А: указывают на обладание — необладание данным признаком (по соотношению с производящим прилагательным); в нетерминологизованном, бытовом, разговорном употреблении имеют значение п$\overline{\text{А}}$.

А5. Итак, весьма часто два типа соотношений (α и β) борются внутри одной и той же грамматической категории. Эта борьба порождает сложное варьирование значений у отдельных морфологических образований, входящих в данный грамматический ряд. Направление и исход этой борьбы зависят от множества частных причин и взаимодействий, отчасти внутренне присущих языку (таково, например, движение в сторону отношений типа α у глагольных видовых пар; оно обусловлено соотношением регулярных и нерегулярных моделей в языке), отчасти определяемых социальными условиями жизни языка (таково, например, движение в сторону отношений типа β у существительных *герой — героиня;* оно обусловлено усиливающейся ролью разговорной стихии в современном русском языке, что, в свою очередь, имеет социальные причины).

Нет основания считать, что тот или другой тип соотношений имеет объективные преимущества; и та и другая внутренняя форма, которую несут с собой соотношения α и β, не обременяют мысль, в равной степени дают ей возможность четко сформироваться — и в равной степени они несут в себе условность. Поэтому было бы напрасно искать общую тенденцию в языке к смене отношений всех п$\overline{\text{А}}$ ‖ п$\overline{\overline{\text{А}}}$ отношениями п$\overline{\text{А}}$ ‖ п$\overline{\overline{\text{А}}}$ (или наоборот). Таких общих тенденций, весьма вероятно, не существует. И все же было бы неверно процессы взаимодействия соотношений α и β представлять как пестрый разнобой, управляемый в каждом грамматическом ряду только своими частными причинами. Всюду заметно стремление свести отношение в данной грамматической категории[6] или к типу α или к типу β, т. е. освободиться от многозначности соотношений или, по крайней мере, уменьшить ее.

Это стремление реализуется разными путями. Один путь — массовое образование новых единиц по модели, четко связанной с одним каким-либо типом соотношений; при этом образования по другой модели (связанной с иным типом соотношений) постепенно изолируются, их связи превращаются из грамматических в лексические. Другой путь — постепенное оттеснение и изгнание из языка лексем, в которых представлены «ущербные» для данного грамматического ряда соотношения. Наконец, третий путь — расширение у некоторых лексем значения п$\overline{\text{А}}$ до пределов $\overline{\text{п}}$А (по образцу других лексем, представляющих ту же грамматическую категорию).

---

[6] Образования, которые имеют грамматические соотношения п$\overline{\text{А}}$ ‖ $\overline{\text{п}}$А ‖ п$\overline{\overline{\text{А}}}$, образуют одну грамматическую категорию; образования с соотношениями п$\overline{\text{В}}$ ‖ $\overline{\text{п}}$В ‖ п$\overline{\overline{\text{В}}}$ — другую грамматическую категорию. Например, глаголы обладают категорией вида, личные существительные — категорией рода и т. д.

А6. Однако эта грамматическая тенденция может встретить сопротивление лексического материала. Так случилось в соотносительных парах *скорый — скорость, глубокий — глубина* и т. д. У большинства таких пар существительное сохраняет объем значения соотносительного прилагательного, и лишь у меньшей части отприлагательных существительных суффиксы *-ость, -ин(а), -изн(а)* и пр. преобразуют значение основы, расширяя его. В этом случае у грамматической категории нет сил, нет возможности свести все отношения в данных парах к типу nA ‖ nA, который представлен основной массой таких слов. Терминологическая лексика, пусть даже не очень частотная в литературной речи, представляет очень важную часть словаря, она все время пополняется и все сильнее влияет на нетерминологическую лексику. Хотя отношение nA ‖ nA здесь представлено в меньшей части грамматического ряда, но оно не может быть вытеснено и не может само вытеснить другое соотношение, данное в большинстве единиц такого типа. Здесь грамматика не может преодолеть сопротивление словаря.

Б7. Грамматическое значение nA может распадаться на ряд оттенков: $па_1$, $па_2$, $па_3$... и т. д. Например, аффикс *-тель* имеет оттенки значения: $а_1$='лицо, совершающее действие, которое указано производящей основой'; $а_2$ = 'предмет, совершающий... (и т. д.)'. В зависимости от того, выражено в слове значение $па_1$ или $па_2$, винительный падеж получает разное оформление. Другой пример: аффикс *-ом* имеет значения: $а_1$ — орудия действия, $а_2$ — способа действия... (и т. д.).

Возможны два противоположных случая. Дан ряд морфологических единиц[7]; все они представляют собой сочетание аффикса M с разными основами. При этом аффикс M может принимать грамматические значения $па_1$, $па_2$, $па_3$; наличие того или иного значения зависит от контекста. Именно так обстоит дело с аффиксом существительных *-ом: действовать веслом, пером, канатом, зубом, рулем; добиться умением, умом, убеждением, трудом* (здесь контекст аффикса *-ом* в каждом из обоих случаев типизирован: взят тот же управляющий глагол, и основы, присоединяющие аффикс, семантически однотипны).

Другой, противоположный случай. Аффикс N в соединении с одними основами имеет значение $па_1$ и $па_2$ (в разных контекстах); в соединении с другими (того же типа) — значение $па_1$; в соединении с третьими (того же типа) — $па_2$... При этом выбор значения в каждом случае нельзя связать с типизированным характером основы: другие основы именно того же типа вызывают у аффикса N другой оттенок значения. Таков аффикс-*тель*. С одними основами он имеет значение $па_1$ = *обследователь, водитель, просветитель;* с другими $па_2$ = *определитель, указатель, прерыватель;* с третьими и $па_1$ и $па_2$ = *искатель.*

Какая-то основа может сочетаться с несколькими аффиксами типа M, тогда все образующиеся в результате такого сочетания морфологические единицы составляют одну лексему[8]. Напротив, одна и та же основа в соединении с разными аффиксами типа N не образует единиц, принадлежащих одной лексеме. В соответствии с данным определением, входят в одну лексему такие морфологические единицы: *стол — столу — —столом — столы — столам...;* или: *вижу — видишь — видят — видел — — видевший...*; или: *быстрый — быстрая — быстрыми — быстрее — быстро* (кратк. прилагат.) — *быстро* (нареч.) и т. д.

---

[7] Морфологической единицей называем слово или словоформу.

[8] Если сочетание такого M с «основой» (точнее — с какой-то значимой единицей) не образует словосочетания; впрочем, назвав M аффиксом, мы уже отстранили эту возможность. О случаях, когда единицы типа M, сочетаясь с другими единицами, образуют словосочетания, см. в разделе «Словоизменение», § А4—А7.

Предположим, что какое-то большое число морфологических единиц имеет аффикс типа М при разных основах; у всех этих единиц аффикс М имеет позиционно обусловленные значения a_1 и a_2[9]. И лишь у нескольких образований этот аффикс имеет, кроме значений a_1, a_2, еще и значение a_3. Тогда данное морфологическое образование будет осознано говорящими как распавшееся на омонимы: единицы, обнаруживающие значения a_1 и a_2 будут признаваться членами обычной лексемы (т. е. войдут в семью форм, отличных друг от друга только аффиксом типа М), образование же, обнаруживающее значение a_3, будет выведено за пределы этой лексемы. «Специализация падежа, осложнение его обстоятельственными значениями ведет к адвербиализации соответствующих форм... Предлог *в* с винительным падежом в значении способа и образа действия, иногда с примесью оттенков цели ('в качестве чего-нибудь' — и отсюда: 'для чего-нибудь'), становится средством адвербиализации имен существительных, создавая грамматические единства, не вмещающиеся в привычный строй отношений между значением падежа и значением предлога. Например: *...сказать в шутку, скакать в карьер ...*» (В. В. Виноградов, 1947).

Это же случится и тогда, когда аффикс М, при соединении с основами данного типа имеющий значения a_1 и a_2, окажется способным при соединении с некоторым ограниченным количеством основ того же типа иметь только значение a_1, тогда данное сочетание выпадет из лексемы. «Замутнение в какой-нибудь конкретной форме творительного падежа ее основных функций, закрепление за этой формой только одного из присущих ей значений равносильно отпадению ее от системы склонения данного существительного (например: *отдать даром, уцелеть чудом)*» (В. В. Виноградов, 1947).

Итак, схематически это можно изобразить следующим образом. Есть ряды морфологических единиц (с однотипными основами a, b, c):

$$aM^1 \quad bM^1 \quad cM^1$$
$$aM^2 \quad bM^2 \quad cM^2$$
$$aM^3 \quad bM^3 \quad cM^3$$

Пусть M^3 имеет значения a_1 и a_2 во всех единицах, кроме cM^3, где налицо значение a_1, a_2 и a_3, тогда cM^3 со значением a_3 превратится в отдельную лексему. Если же cM^3 имеет только значение a_1 (но не a_2), то cM^3 выпадает из объема данной лексемы.

Б8. В истории языка все время происходят подспудные движения в значениях аффиксов, которые меняют типические объемы лексем. В старославянском языке, как показал Н. С. Трубецкой (1937), притяжательные прилагательные *отьцевъ, сестринъ* входят в объем лексем существительных (*отьць, сестра*). В дальнейшем они обособились от парадигмы существительного[10].

Отдельные морфологические образования постепенно могут сбли-

---

[9] Для простоты здесь и дальше приняты обозначения a_1, a_2... вместо $па_1$, $па_2$...

[10] Надо подчеркнуть принципиальную возможность сочетания в одной лексеме морфологических единиц (словоформ), принадлежащих к разным частям речи. Так, в немецком языке *das Lesen* и *lesen* или *das Laufen* и *laufen* и т. д. принадлежат к одной парадигме (говорят, что в этих случаях глагол «субстантивируется», как будто здесь налицо какой-то исторический процесс, а не синхронное сосуществование единиц, входящих в одну лексему). Возможность сосуществования в пределах одной лексемы словоформ, принадлежащих к разным частям речи, обосновывается тем, что распределение морфологических единств по частям речи и распределение морфологических единств по лексемам основано на совершенно разных, не пересекающихся друг с другом принципах.

жаться между собой так, что их аффиксы типа N преобразуются в аффиксы типа М.

Морфологические единицы входят в пределы одной и той же лексемы, если они строго отвечают указанным выше требованиям[11]. Эти требования можно рассматривать как порог, который какому-то образованию необходимо перейти, чтобы примкнуть к замкнутому набору словоформ — к определенной лексеме. В некоторых случаях морфологические образования подходят к этой границе, не переступая ее; они могут приближаться или удаляться от нее (и, следовательно, по отношению к данному типу лексемы суффикс этого «удаляющегося» образования из типа М переходит в N).

Б9. В XVIII в. образования типа *ругание, развеяние, протачивание, отбитие* и т. д. легко производились от глаголов (ограничения были закономерны, т. е. касались глагольных основ некоторых строго очерченных типов) и имели стандартизованное значение: они указывали на процесс в отвлечении от времени; большинство из них только это значение и имели. Они были близки к тому, чтобы войти в пределы глагольной лексемы. В результате множества индивидуальных лексических изменений эти образования на *-ние, -тие* все дальше отходили от глагольных лексем. Но необходимость в абстрактных наименованиях действия сохранялась (инфинитив был не во всех отношениях удобен, поскольку его синтаксическая сочетаемость, как падежно-неизменной формы, весьма ограничена).

В наше время очень активизировалось образование отглагольных существительных с суффиксом *-к(а);* они возможны от любого переходного приставочного глагола[12]. Эти существительные особенно широко распространены в диалектах и в профессиональных арго. В 20-е годы, при усилении диалектного влияния на литературный язык, они стали широко вливаться в разговорную литературную речь.

Наплыв диалектных и профессиональных *-к(а)*-образований в непринужденно-раскованную, бытовую, повседневную речь повлек за собой постепенное превращение этой модели в регулярную.

Регулярные модели — это те, по которым от основ определенного типа всегда можно образовать морфологическую единицу, имеющую данный аффикс со стандартным значением[13]. В языке существуют конкретно-материальные единицы (слова, фразеологические словосочетания) и относительно материальные (модели словосочетаний и предложений). Конкретное предложение, возникшее в речевом акте, конечно,

---

[11] Следовательно, аффикс надо считать словоизменительным (формообразующим), если: 1) ему присущ определенный стандартизованный набор значений, из которых конкретизируется (в каждом речевом воспроизведении с данным аффиксом) то или другое в зависимости от типизированных условий контекста, т. е. в зависимости от позиции; 2) он регулярно присоединяется к основам определенного типа.

Две основы принадлежат одному определенному типу, если набор аффиксов М при одной основе совпадает в большинстве своих звеньев с их набором при другой основе. Во многих случаях словоизменительные аффиксы имеют реляционное значение, но этот типический для таких аффиксов признак (т. е. весьма обычный для них) не является необходимым.

[12] Разумеется, это нельзя установить, подсчитывая такие образования по словарям. Например, в словаре под ред. Д. Н. Ушакова их меньше, чем образований на *-ние, -тие,* но это и понятно: регулярно образуемые единицы не отмечаются в словарях, не попадают в поле зрения лексикографов.

[13] Модель словоизменительная (формообразовательная, с аффиксом типа М) — это всегда регулярная модель. Термин «регулярная модель», однако, подчеркивает особую сторону этих образований: их способность к сочетанию с определенными единицами. Эта способность может расти и уменьшаться, следовательно, регулярность может быть большей или меньшей. Понятия же словоизменительного качества модели имеет пороговый характер: модель или словоизменительна, или нет.

не является единицей языка; только его модель имеет языковое существование (А. И. Смирницкий, 1954).

Точно так же слова *догрузка, разлиновка, надписка, отброска, расплавка* и т. д. — не воспроизводимые, а создаваемые в речи единицы; в языке существует регулярная модель, по которой можно в процессе речи создавать такие слова от любой основы определенного типа (и все ограничения при таком образовании сами окажутся строго закономерными).

Внешне все осталось прежним в этих моделях с суффиксом *-к (а)*: и в XIX веке были существительные такого типа, есть они и сейчас. Разница, казалось бы, только в том, что они стали чаще встречаться в речевом потоке. Но количественные изменения отозвались и на качестве модели: теперь языку принадлежат не отдельные конкретные слова типа *догрузка, разлиновка* и т. д. (со значением процесса), а модель образования этих слов (и, конечно, те отглагольные слова с суффиксом *-к(а)*, у которых он имеет иное, нестандартизованное, непроцессуальное значение). Процесс превращения нерегулярной модели в регулярную — это всегда замена сотен конкретно-материальных языковых единиц одной относительно-материальной; такое превращение исключительно важно для языковой системы.

Все продуктивные модели с аффиксами типа М регулярны: чем регулярнее модель, тем ближе образования, созданные по этой модели, к превращению в словоформы определенных лексем[14]. Образования типа *разлиновка, надписка, отброска, расплавка* и под., вероятно, еще не стали словоформами глаголов *разлиновать, надписать, отбросить, расплавить,* но они близки к тому, чтобы преодолеть порог этих глагольных лексем.

Б10. Когда решается вопрос о том, входит ли образование cM^3 в лексему cM^1, cM^2..., то необходимо учесть, имеет ли аффикс M^3 всегда значение a_1[15], если всегда, т. е. в сочетании с любыми основами данного типа, то M^3 — формообразующий аффикс и cM^3 — одна из словоформ в лексеме cM^1, cM^2...

В этом определении требует пояснения слово «всегда». Предположим, M^3, присоединяясь к основам данного типа, может иметь при некоторых из них еще и значение a_2. Всегда ли такая семантическая нерегулярность превратит аффикс М в аффикс типа N? Здесь важны количественные отношения. Предположим, в речевом потоке на каждую тысячу образований с аффиксом M^3 (... cM^3, dM^3, eM^3, fM^3, ... xM^3, yM^3, zM^3 ...) у 997 налицо значения a_1, и лишь у 3 образований — значения a_2, a_3, a_4. Тогда эти последние образования, естественно, будут признаны особым изолированным типом, не связанным с общей регулярной моделью; тем самым модель с аффиксом М окажется не потерявшей своей регулярности, а аффикс М — своей формообразовательной (словоизменительной) функции. Образования со значениями a_2, a_3 и a_4 будут восприниматься как нерегулярные, как образования с аффиксами-омонимами по отношению к регулярному аффиксу.

Другой возможный случай: среди тысячи образований с этим аффиксом, извлеченных из речевого потока, в среднем окажется: около 300 образований, где аффикс N^3 имеет значение a_1, около 200 — со значением a_2 у того же аффикса, около 350 — со значением — a_3, около 150 — со значением a_4... (при этом все аффиксы присоединяются к основам того же типа, и различный выбор значения в каждом случае не определен

---

[14] Именно лексем, имеющих ту же основу, соединенную с аффиксом типа М.

[15] Или несколько значений, появление которых в каждом случае позиционно обусловлено, т. е. вызвано типизированными условиями контекста.

типизированным контекстом, т. е. значения a_1—a_2—a_3—a_4 не встречаются у одних и тех же образований, а распределены между ними — как и в случае, описанном в предыдущем абзаце). Если значения a_1—a_4 семантически между собой связаны, и аффикс, имеющий эти значения, присоединяется к основам одного и того же типа, то нельзя видеть здесь действие 4-х различных моделей — модель одна и та же. Но она нерегулярна: 300 образований со значением a_1 невозможно рассматривать как идиомы, как исключения по отношению к 350 «неидиоматическим» образованиям со значением a_3. Т. о. регулярность или нерегулярность модели связана со статистическими отношениями, существующими в речевом потоке (которые отражают статистические соотношения между единицами языка).

Вернемся к распределению частотностей у значений a_1—a_2 аффикса N[3], которое было указано выше: в среднем $a_1=300$; $a_2=200$; $a_3=350$; $a_4=150$ на тысячу образований с N[3], встреченных в тексте. В результате энергичного увеличения в языке числа образований со значением a_3 через некоторое время соотношения изменились: $a_1=200$; $a_2=150$; $a_3=550$; $a_4=100$. Очевидно, что модель стала регулярнее; если развитие пойдет и дальше в том же направлении, то значения a_4, a_2 и за ними a_1 станут малочисленны, превратятся в исключения, в идиомы. Но вопрос о регулярности или нерегулярности модели — это вопрос о том, словообразовательным или словоизменительным является данный аффикс. Изменение статистических отношений превращает совершенно несловоизменительные аффиксы в почти словоизменительные.

Например, суффикс отглагольных существительных *-к (а)* надо считать словообразовательным, хотя он и близко подошел к границам глагольной лексемы; все же он не преодолел этих пределов. Причина не в том, что образование таких существительных ограничено: а) классом определенных глаголов (они не образуются от глаголов продуктивного класса на *еть/еют*); б) исходной основой глагола (невозможно их образование от глаголов *заострить, затруднить* и др., так как сочетания *стрк, днк* нежелательны внутри слова); в) грамматическим значением образующего глагола (они не образуются от непереходных глаголов) и т. д. Все эти ограничения имеют регулярный характер и не мешают осмыслению данных образований как словоформ той же лексемы, в которую входит глагол (ср., например, ограничения в образовании деепричастий, т. е. наречий, входящих в глагольную лексему[16]). Несущественно и то, что эти слова не выражают видовых оттенков (в отличие от существительных на *-ние,* сохраняющих в известных случаях видовые оттенки): *засолка* — связано одновременно с *засолить* и *засаливать, разливка* — с *разлить* и *разливать*[17] и т. д. Даже если считать, что парные по виду глаголы составляют две лексемы, нет основания думать, что они не могут иметь омонимических членов (ср. формы сравнительной степени у наречий и прилагательных).

Основная причина, которая не позволяет *-к(а)*-образование ввести в пределы глагольной лексемы, это нестандартность значений у большого числа этих образований. Слова *сходка, записка, загородка* и пр. имеют не процессуальное, а предметное значение; слова *вышивка, наклей-*

[16] Точнее: в лексему, которая включает глагольные словоформы. Как сказано, лексема может включать разные части речи, и поэтому ее только условно можно называть по одной из этих частей речи.

[17] При образовании слова *разливка* по морфонологическим причинам использован вариант основы *разлив-*, а не *разли-:* суффикс *-(к)а* у отглагольных существительных может следовать только за согласным. Таким образом, *-в-* здесь интерфикс, и семантические связи у слова *разливка* со словом *разливать* не более прочны, чем со словом *разлить.*

ка, замазка, надстройка, выписка — и процессуальное, и вещественное; *переброска, побелка* — только процессуальное. Основная масса образований связана именно с таким процессуальным значением, оно резко преобладает над другими, но все же и другие представлены слишком широко, чтобы можно было считать их морфологическими идиомами и говорить о регулярности модели с суффиксом *-к(а)*: статистический порог, позволяющий войти в глагольную лексему, этими образованиями (с суффиксом *-к(а)*, имеющим процессуальное значение) еще не достигнут.

Б11. В русском языке советской эпохи многие модели значительно усилили свою регулярность. Складываются такие отношения, при которых глагольные модели в целом (включая отглагольные существительные) оказываются более регулярными, чем именные неотглагольные образования. Например, приставка *за-* в начинательном значении может в разговорной речи присоединяться потенциально почти к любому глаголу, продуктивность ее почти неограниченна, и все частные ограничения закономерны и регулярны (Е. А. Земская, 1955). Это же можно сказать о ряде других глагольных приставок, о префиксации некоторых типов прилагательных.

Едва ли не от каждого личного существительного можно образовать глагол на *-ить*, если в этом есть семантическая необходимость и нет конкурирующих традиционных образований; ср. *командирить, кочегарить* и пр.

Напротив, у имен регулярные образования достаточно редки.

В разговорной речи относительно регулярны некоторые образования с уменьшительно-оценочными суффиксами. Для разговорного речевого стиля характерно такое использование этих суффиксов, когда они приобретают чисто экспрессивное значение; при этом они проникают и в те слова, которые обозначают предметы, имеющие отношение к объекту эмоции, но сами по себе не вызывающие оценочного отношения. Таково, например, «обращение продавцов: *Вам батончик?;* кондукторов: *Получайте билетики!,* парикмахеров: *Височки прямые или косые?* и так далее как средство выражения вежливости и предупредительности к покупателю, пассажиру, клиенту, но, конечно, не к батону, билету, вискам и т. д.» (И. А. Оссовецкий, 1957). Ср. обращение к ребенку: *Пойди ко мне на ручки* и под. В целом же такая регулярность образований не типична для имен.

Следовательно, намечается противопоставление глагольных и отглагольных единиц единицам именным (неотглагольным) как более регулярных — менее регулярным. Возможно, однако, что прилагательные в этом отношении ближе к глаголам, чем к существительным; ср. регулярность образований на *-ск (ий), -овск (ий)* от имен собственных и др.

Б12. Причины, вызывающие общий рост регулярности морфологических образований, лежат внутри языка (см. дальше); но в XX веке этот рост был особенно интенсивным. Очевидно, имели значение и внешние причины, т. е. условия социального бытования языка.

Разговорной речи свойственно усиливать регулярность моделей. Образования типа *мне надоело стереженье твоих вещей,* недопустимые в нейтральном стиле, оказываются уместными в разговорном (Л. В. Щерба, 1938).

В 20-е годы, когда разговорная стихия была особенно сильна, когда функции ее значительно расширялись, многих исследователей удивляло необычно свободное «словотворчество» в речи. Один из исследователей, отмечая склонность к словотворчеству поэтов 20-х годов, пишет: «Конечно, эти литературные новшества были отражением того, что совершалось в быту, потому что в ту эпоху и разговорная речь изобиловала такими словами: — *Ах, как я закастрюлилась!* — *Он подфамилил*

бумагу... — Как вам не стыдно мешочничать! — Моя жена третий день бюллетенит» (К. И. Чуковский, 1929).

Однако разговорная речь всегда была склонна к таким окказиональным словообразованиям; это ее характернейшая черта. Необычным, очевидно, оказалось очень широкое использование в ту эпоху (20-е годы) этих возможностей разговорной речи в нейтральном стиле, применение особенностей этого разговорного стиля в таких условиях языкового общения, в каких они не использовались в дореволюционную эпоху[18].

30 и 40-е годы восстановили права нейтрального и строгого стилей; но сам нейтральный стиль уже усвоил ряд особенностей, ранее принадлежавших только разговорному. Поэтому некоторые модели, раньше регулярные только для разговорной речи, теперь стали более регулярными и в нейтральной.

В отдельных случаях усилению регулярности моделей способствовали: обильное пополнение литературного языка диалектной, профессиональной и диалектно-профессиональной лексикой; влияние терминологической лексики на литературное словообразование.

В 13. С регулярностью моделей связан вопрос об их продуктивности. Продуктивность следует рассматривать в синхроническом и диахроническом плане.

Диахронически продуктивность проявляется в том, что определенные модели с течением времени оказываются представленными в языке все большим числом конкретных единиц.

Из этого вытекает, что по отношению к регулярным моделям применение понятия диахронической продуктивности бессмысленно: будучи регулярными, эти модели являются абстрактно относительно-материальными единицами; они обусловливают потенциальное существование определенного круга конкретных единиц. Пока остается неизменным круг основ, от которых образуются новые слова по данной регулярной модели, до тех пор пребывает неизменным круг потенциальных речевых единиц, представляющих в речи данную модель.

Но сами регулярные модели могут изменяться, например, охватывать все более широкий круг основ, включая новые их типы; исторически изменчива и система закономерных ограничений при образовании слов по этой модели. В таких случаях можно говорить о том, что диахроническая продуктивность этой модели, в результате ее изменения, возросла.

Например, в современном литературном языке уменьшительно-оценочные суффиксы расширяют свою сочетаемость с основами отвлеченных существительных, с основами заимствованных слов: *идейка, фактики, утопийки* и т. д. За счет вовлечения новых типов производных основ увеличивается продуктивность суффиксов прилагательных *-ат(ый), -аст(ый),* суффиксов существительных *-ик* (он расширяет свои связи с основами прилагательных) и т. д.

Продуктивностью в синхроническом плане является определенное соотношение основ у какой-то значительной группы морфологических единиц (слов или словоформ); оно-то и провоцирует появление в речи других единиц того же типа, т. е. вызывает продуктивность диахроническую.

В синхронном плане абсолютно продуктивны регулярные модели, но могут быть продуктивными и нерегулярные. Если есть значительная группа морфологических единиц, образованная по определенной моде-

[18] Использование в поэзии тех лет особенностей разговорной речи (в качестве речевого материала, подлежащего художественной интерпретации) приводило к нагнетанию у многих поэтов разговорных неологизмов; разумеется, функция этих неологизмов в поэтических текстах совершенно преобразована.

ли, и все единицы однотипно связаны с другими, более простыми по морфемному строению единицами[19], то такая группа единиц синхронно продуктивна. Как сказано выше, модель существительных «глагольная основа определенного типа + *тель*» — нерегулярна: одна часть слов с этим суффиксом имеет значение лица, другая — значение орудия действия, но каждая из групп имеет однотипные отношения с глаголами; ср. *выключать — выключатель, зажигать — зажигатель, прерывать —прерыватель* и т. д. Поскольку есть такая группа слов (притом достаточно многочисленная), у которой стандартны, однотипны отношения с глаголами, постольку появление в речи новых единиц такого типа принципиально возможно[20].

Образуя новое слово с суффиксом *-тель,* напр., *пробиватель,* можно придать ему или значение лица, или орудия действия (поскольку оба эти оттенка значения есть у образований с суффиксом *-тель);* контекст, а в дальнейшем традиция употребления закрепит за этим образованием данное значение. Напротив, в группе слов *мыло, рыло, вилы, точило, било* суффикс-*л(о)* присоединен к однотипной глагольной основе; но отношения *мыло—мыть; рыло—рыть* (землю); *вилы—навивать* (сено на стог); *точило — точить* и т. д. настолько разнообразны, нестандартны, наполовину распались, что данная модель в синхронном плане (для современного русского языка) крайне непродуктивна.

В14. Выше было сказано, что для синхронической продуктивности словообразовательной модели важно, чтобы однотипные отношения между производной и производящей основой были у значительной группы слов. Надо выяснить, при каких условиях группу слов можно признать «значительной».

Группа слов, образованная по данной модели, значительна в том случае, если другие группы слов, образованные по синонимическим моделям, менее численны. Это относится и к тем случаям, когда численность этих других групп равна нулю, т. е. когда нет синонимических моделей. Если так понимать слова «значительная группа» в определении синхронической продуктивности, то справедливо заключение: синхроническая продуктивность всегда влечет за собой продуктивность диахроническую[21].

Соперничество форм *по-волчьи — по-волчьему, по-галочьи — по-галочьему* и т. д. приводит к постепенному оттеснению форм типа *по-волчьи.* Это объясняется тем, что группа слов *по-волчьему* значительнее группы слов *по-волчьи.* Примеры легко было бы умножить.

Чем больше группа слов с данным морфологическим строением, чем частотнее отдельные слова в этой группе, чем стандартнее и неизменнее значение суффикса, тем сильнее синхроническая продуктивность

---

[19] Из двух соотносительных (т. е. имеющих тот же корень) морфологических единиц сложнее та, которая: а) включает большее число морфем, считая и нулевые; б) при равном количестве морфем включает семантически более сложные аффиксы. Аффикс типа N сложнее аффикса типа M. Интерфиксы не усложняют морфологическую единицу. Следовательно: единица *из-мен-(и)-ть*^{M} проще, чем *из-мен-енн-ый*; *взлет* = {*вз-лет*—0^{N}—0^{M}} более сложно, чем *взлететь* = *вз-лет-(е)-ть*^{M} и т. д.

[20] Но так называемое «образование по конкретному образцу» (Н. А. Янко-Триницкая 1959) возможно и по непродуктивной модели. Например, *это не мыло, а скорее какое-то грязнило...* Здесь непродуктивная модель, представленная в слове мыло, послужила средством образования нового слова (в данном случае — окказионально-недолговечного).

[21] Возможно только одно исключение из этого правила: если уже исчерпаны все основы, к которым могут присоединяться аффиксы по единой модели. Например, соотношения *глаз — безглазый, нос — безносый, щеки — безщекий, губы — безгубый...* строго регулярны; но модель сейчас не продуктивна диахронически: исчерпаны все слова (названия частей тела), от которых можно было бы образовать производные прилагательные.

этой группы, тем упорнее она и в диахроническом плане оттесняет синонимическую группу слов, строя по своему образцу новые слова.

В15. В языке возможно постепенное формирование группы слов, имеющей синхронную продуктивность. Например, в начале XIX в. в русский литературный язык вошло несколько слов с суффиксом *-ист;* стали появляться и слова с русским корнем + суффикс *-ист.* Первым новообразованием было слово *гуслист.* Причины понятны: в пестрой группе единиц с *-ист,* среди которых были и морфологически разложимые и неразложимые, образовалась группа слов *органист, валторнист, арфист.* У них были строго однотипны соотношения со словами (тоже заимствованными) *орган, валторна, арфа;* естественно, что синхроническая продуктивность этой группы повлекла за собой диахроническую продуктивность — появление слова *гуслист* и других вслед за ним (В. Г. Костомаров, 1957).

В16. В XX веке международный обмен теориями и научными идеями возрос; пополнение терминологической и общеупотребительной лексики интернациональными словами шло интенсивно. Отдельные изолированные заимствованные слова «обрастали» соседями; их отношения друг с другом и с производными основами становились все более регулярными — непродуктивные и малопродуктивные аффиксы (как компоненты определенной модели) становились продуктивными. Синхроническая продуктивность, т. е. стандартизированное соотношение между «производными» и «производящими» единицами, обусловливала продуктивность диахроническую.

В других случаях, напротив, в результате лексических, индивидуально-прихотливых сдвигов в значениях слов распадается группа образований с синхронической продуктивностью, теряет эту продуктивность (см. об этом дальше).

В17. Для заимствованной лексики в последние полвека был актуален процесс превращения некоторых аффиксоидов, т. е. частей слова, обладающих «остаточной выделимостью» (А. И. Смирницкий, 1946), в полноценные аффиксы, процесс превращения неразложимых основ в аффиксальные.

Этот процесс особенно сильно затронул префиксацию. Многие префиксы, представленные ранее только в заимствованных словах, приобрели продуктивность и стали широко сочетаться с русскими основами (и давно усвоенными заимствованными): *антиобледенитель, антитело, античастица; субпродукт; трансменделевий* (элемент); *ультраколонизатор; антигуманный, антикоррозионный; архиактуальный; неонацистский, неоколониалистский; ультранационалистический.*

Очень активизировался суффикс *-ирова(ть), -изова(ть),* он связан с серией других суффиксов: *-ация, -(из)ация, -атор*; здесь получает активность целый суффиксальный ряд; регулярность всей серии этих продуктивных аффиксов по отношению друг к другу возрастает.

Суффикс *-аж* еще в XIX в. выделился из заимствованных основ, поскольку образовалась группа слов с этим суффиксом, однообразно соотнесенных с глаголами (С. И. Ожегов, 1947). Этот суффикс в современном русском языке усиливает свою производительность под влиянием технических диалектов и книжно-газетного языка (В. В. Виноградов, 1947). Рост продуктивности таких образований всегда связан с обострением морфологической членимости заимствованных слов.

В 18. Продуктивность модели может увеличивать ее регулярность, это бывает в тех случаях, когда из нескольких значений данного аффикса продуктивным оказывается только одно.

Так, модель с суффиксом *-тель* продуктивна; особенно много новообразований с этим суффиксом имеет значение орудия действия; рож-

дению таких новообразований содействует влияние на литературный язык технических диалектов (В. В. Виноградов, 1947). Напротив, *-тель-* новообразования со значением лица немногочисленны *(озеленитель, отображатель, опровергатель...)*. В целом регулярность модели возрастает, так как число образований со значением a_1 все более превышает число образований со значением a_2; образования со значением a_2 все более фразеологизируются. Продуктивен суффикс *-льник,* но только со значением орудия действия, а не лица, и т. д.

Но возможен, хотя и более редок, противоположный случай: продуктивность увеличивает нерегулярность модели. У суффикса *-мость* постепенно увеличивается цепь продуктивных оттенков значения: a_1 — 'возможность действия, обозначаемого основой' *(слышимость);* a_2 — 'степень, в которой осуществляется действие' *(посещаемость, успеваемость);* a_3 — 'степень, в которой можно подвергнуться какому-нибудь действию' *(угрожаемость, нуждаемость)*. Тип этот продуктивен; он характерен для профессиональных диалектов и все больше навязывается литературному языку. Обрастает побочными значениями суффикс *-ств(о), -еств(о)*.

Наречия на *-ски, -цки* с префиксом *по-* приобретают новый оттенок: 'так, как полагается, в соответствии с какими-нибудь нормами' *(по-обывательски, по-братски;* ср. *обывательски, братски)*. Увеличение числа непозиционно распределенных значений модели усиливает ее нерегулярность.

Описанный процесс уменьшения регулярности моделей (из-за появления и распространения образований с новыми оттенками значений) — явление по своей природе лексическое, а не грамматическое.

Социальная действительность выдвигает на первый план некоторые деривационные значения, актуализирует их. Некоторые из них становятся диахронически продуктивными, несмотря на то, что первоначально синхронная их продуктивность была весьма слабой. Возможно в этом случае, что «образования по конкретному образцу» (см. выше) постепенно формируют новую синхронно-продуктивную группу слов с таким оттенком аффикса, который был представлен лишь у одного-двух слов и являлся лексикализованным.

В некоторых случаях социальная актуализированность новых оттенков значения у аффиксов несомненна и очень наглядна. Например, формируется новый оттенок у суффикса *-ость* (в словах, образованных от причастий); он может обозначать состояние как результат коллективной сплоченности действия: *слетанность, сговоренность, скатанность* (у конькобежцев) и т. д. (В. В. Виноградов, 1951).

Все же грамматически существенным и характерным для современного русского языка надо считать процесс увеличения регулярности модели в результате ее продуктивности.

В 19. Продуктивность отдельных словообразовательных моделей поддерживается не только «изнутри» литературного языка (не только определенными стабильными соотношениями между производящей и производной морфологическими единицами), но и внешними влияниями — словообразовательными тенденциями русских говоров, городского просторечия, специализированных терминологических систем, родственных славянских языков.

Например, продуктивность суффикса *—льщик* для обозначения лиц по роду их работы поддерживается широким распространением этих образований в севернорусских говорах. Распространение отглагольных существительных с суффиксом *-(от)ня: беготня, егозня, трепотня, плескотня,* имеет источником городское просторечие (и, может быть, диалектные образования). Прилагательные с суффиксом *—н(ый)* от гла-

гольных основ очень продуктивны в профессионально-технических диалектах (*мойный, подъемный* и т. д.); это поддерживает рост их продуктивности и в литературном языке (В. В. Виноградов, 1947).

В 20. Взаимодействие между русским языком и другими родственными языками в нашу эпоху, за последние 50 лет, стало интенсивнее. Особенно значительно взаимодействие между восточнославянскими языками.

Некоторые украинские (или белорусские) морфологические образования калькируются русским населением Украины (или Белоруссии) и южных областей России; от них усваиваются и другими лицами, говорящими на русском литературном языке, и распространяются на широкой территории.

Эти принципиально важные формы межъязыкового взаимодействия требуют тщательного изучения современного русского языка в условиях русско-украинского и русско-белорусского двуязычия.

В21. Существенно морфологическое взаимодействие и с другими славянскими языками. В начале нашего века в русской гимнастической терминологии появилось большое количество заимствований и калек из так называемой «сокольской» чешской терминологии: *вышмыг* (чешск. *vymýk*), *кач* (чешск. *hup*), *предкач* (чешск. *přehup*), *присед* (чешск. *dřep*), *вис* (чешск. *vis*), *выдерж* (чешск. *výdrž*), *уник* (чешск. *únik*) и т. д. Часть этих терминов удержалась в русском языке, часть впоследствии (в 1938 г.) была заменена другими (Е. И. Мельников, 1961). Но основной морфологический тип гимнастических терминов был закреплен прочно, и новые термины создавались по этой же модели: *хват, выкрут, сед, мах, перемах, перехват, кувырок* и т. д.

Изучение морфологических влияний славянских языков на русский язык исключительно важно для понимания взаимодействия внутренних и внешних языковых закономерностей.

Так же важны факты усвоения литературным языком морфологических образований из диалектов, городского просторечия, профессиональной речи. Это усвоение единиц определенного морфологического типа обычно поддерживает внутренние закономерности языка и поддержано ими; оно возможно в широких размерах лишь в том случае, когда санкционировано морфологическими тенденциями, внутренне присущими языку. Следует обратить внимание на то, что во многих случаях (даже в большинстве их) трудно решить вопрос, заимствовано ли данное слово или образовано в литературном языке и лишь совпало со словом в другой языковой системе. Если бы не было известно, что слово *сед* — заимствование из чешского, сознательно введенное в русскую гимнастическую терминологию, то его можно было бы счесть образованным «внутри» русского языка по собственной морфологической модели.

Незаконна самая контраверза: заимствовано слово *или* морфологически образовано? Обе эти возможности могут совпадать, и именно такие случаи теоретически наиболее интересны.

Г 22. Диахроническая продуктивность обусловлена не только продуктивностью синхронной. Она, как сказано, может быть активизирована потребностями называния, актуальностью для общества определенных грамматических категорий. Но в полной мере значение синхронной продуктивности для диахронического развития моделей проявляется при борьбе синонимических образований. Напряженными и драматичными оказываются отношения между моделями, тождественными или очень близкими по значениям и по сфере употребления. Их смеще-

ние, неупорядоченное использование одной вместо другой; сведение их форм в одну парадигму (т. е. в пределы одной лексемы), если существуют какие-либо лакуны в формообразовании у одной из соперничающих моделей; закрепление у моделей разных стилистических и семантических оттенков — следовательно, их размежевание; в других случаях, напротив, вытеснение одной из моделей — все это типично для равнозначных, синонимических моделей.

В современном русском языке широко распространено образование книжно-отвлеченных слов на *-анность, -енность: дисциплинированность, демобилизованность, неразработанность, сплоченность.* В газетно-публицистической речи эти слова часто смешиваются с отглагольными словами на *-нье* (В. В. Виноградов, 1947). В технических терминологических системах образования на *-льный* вполне синонимичны образованиям на *-тельный* при той же основе; ср. *промывальный—промывательный, обжигальный — обжигательный.*

Г 23. При наличии таких совпадающих моделей особенно острыми бывают затруднения при образовании новых терминов *(цементировать* или *цементовать; бергамотный* или *бергамотовый* и т. д.).

Именно в терминологических системах особенно сильно и резко дает себя знать стремление к размежеванию моделей; те слабые тенденции их отталкивания, которые намечаются в повседневной, бытовой речи, оказываются усиленными и сознательно подчеркнутыми в продуктивных терминологических системах. Например, контрастные отношения между моделями *смазывание—смазка—смаз, разбрасывание—разброска—разброс* в производственно-технической терминологии могут быть сознательно подчеркнуты и усилены; в бытовой же речи эти размежевания существуют скорее как возможность и неявная потенция (Г. О. Винокур, 1939).

Образования с *-тельн(ый)* и *-льн(ый),* как уже говорилось, синонимичны, но в технической терминологии на последнем лежит более явственный отпечаток активного значения (В. В. Виноградов, 1947). Модели прилагательных с суффиксом *-н(ый)* и *-ов(ый)* синонимичны, но в профессиональных диалектах образования с суффиксом *-ов(ый)* закрепляют за собой значение 'сделанный из': ср. *баббитный завод* и *баббитовый подшипник* (В. В. Виноградов, 1947).

Терминологические системы влияют на отталкивание синонимических и паронимических словообразовательных моделей как мощные усилители; они воздействуют и на бытовую, нетерминологическую речь, способствуя усилению в ней разграниченности моделей.

Г 24. В других случаях отталкивание синонимических моделей приводит не к специализации их, а к постепенному вытеснению одной из них. В современном языке продолжается процесс взаимоотталкивания синонимических слов с уменьшительными суффиксами; некоторые из них постепенно вытесняются, а вместе с вытеснением определенных слов ослабевают и некоторые морфологические модели; ср. *пакетец—пакетик, сахарец—сахарок, супец—супчик* и т. д. В результате этих процессов действует общая тенденция к сокращению числа оценочных суффиксов, может быть, только в нейтральном стиле (Л. А. Булаховский, 1953).

Г 25. В 20-е годы, при значительной расшатанности и некатегоричности норм литературного языка, столкновение синонимических моделей, вытеснение одной модели другой или их функциональное размежевание было ослабленным и затрудненным. Позднее, вместе с укреплением литературной нормы, с возрастанием роли нейтрального стиля в

языке, эти процессы приобрели более напряженный и последовательный характер.

Г 26. Если у двух моделей такие значения: у первой — a_1, a_2; у второй — a_2, a_3, то у одной из моделей значение a_2 окажется постепенно вытесненным. Этот процесс охватывал многие морфологические образования в XIX в. Активизация причастий, характерная для русского языка прошлого века (И. С. Ильинская, 1953), привела к ослаблению процессуальных значений у отглагольных прилагательных. В целом у прилагательных активизировались словообразовательные типы, выражающие оценочные качественные значения; постепенно угасал ряд словообразовательных моделей, выражающих не качественные значения, а недифференцированное отношение к чему-нибудь и т. д. Это было обусловлено синонимичностью многих относительных прилагательных типов с предложными и беспредложными конструкциями существительных (Е. А. Земская, 1962).

Такие взаимодействия между морфологическими моделями были типичны и для XX века. Модели отглагольных существительных в высокой степени синонимичны; ср. *смык—смычка—смыкание; прицел—прицелка—прицеливание; обжим—обжимка—обжимание; подкорм—подкормка—подкармливание; прочёс—прочёска—прочёсывание; перенос—переноска—перенесение...* Между этими образованиями постепенно все более углубляется противопоставление. Существительные с нулевым словообразовательным суффиксом чаще выражают определенное действие, его вещественный результат. Две другие модели обычно обозначают действие или состояние; между ними существует стилистическое отталкивание.

Суффиксы *-чик(-щик)* и *-(н)ик* используются для обозначения лиц по действию; при этом *-чик(-щик)* более продуктивен в современном языке. Причина в том, что суффикс *-н(ик)* многозначен; значение лица у него не единственное. Напротив, суффикс *-чик(-щик)* специализирован именно для этого значения (Н. А. Янко-Триницкая, 1959).

Г 27. Если образованиям по какой-то модели свойственны одновременно разные оттенки значения, то усиление одного обычно означает ослабление другого.

Например, в разговорной речи с глагольным суффиксом *-ну-* связаны экспрессивные оттенки энергичности, резкости действия. Обострение этих оттенков, характерное для современной речи (особенно в разговорном стиле), ослабляет значение краткости у образований с этим суффиксом. Поэтому данная модель широко распространяется на основы, не означающие краткого действия: *критикнуть, агитнуть* и т. д.

Процесс распространения данной словообразовательной модели на основы нового типа — весьма характерная особенность современного русского языка; часто это связано с изменением в значении продуктивного аффикса.

Д28. В словообразовании, как и в других ярусах языка, надо различать нейтральный стиль и противопоставленные ему стили разговорный и строгий. Строгий стиль в свою очередь членится на ряд подстилей. Стилистическая разговорность тоже может иметь разную интенсивность.

Стилистические взаимодействия в словообразовательной системе в русском языке XX в. были интенсивны.

Нейтральный стиль испытывал на протяжении последнего полувека сильное влияние, с одной стороны, разговорного стиля, с другой (в меньшей степени) — строгого, книжного.

Д 29. Для разговорного стиля характерно стремление максимально усилить регулярность большого числа моделей. Многие образования, отвергаемые нейтральным стилем, приемлемы в разговорном.

Едва ли не от всех префиксальных глаголов на *-ить*, например, в разговорной речи сейчас возможны образования существительных на *-к(а)*; следовательно, в разговорном стиле речи они входят в парадигму глаголов этого типа (или стоят у порога этой парадигмы).

Большое количество окказиональных новообразований, частое использование словообразования «по образцу» — все это свидетельствует о том, что в разговорном стиле многие модели продуктивнее, чем в других стилях. Морфологическая членимость ряда образований четче, чем в тех стилях, где окказиональное образование не столь часто[22].

Этот стиль оказывается проницаемым для просторечных моделей; *ср. коровёшка, лампёшка, пристанёшка, работёшка; потребиловка, заградиловка, уравниловка, обираловка...*

Многие экспрессивно-выразительные образования используются в разговорном стиле именно из-за их образности; как только образность тускнеет, они перестают употребляться и заменяются другими. Следовательно, эти слова существуют в разговорном стиле до тех пор, пока они сохраняют свою внутреннюю форму, т. е. пока они соотнесены с производящей основой, пока они четко членятся морфологически.

Все это свидетельствует о том, что разговорный стиль агглютинативнее нейтрального.

Диапазон разговорности у разных морфологических образований широк; дифференциация разных моделей по силе проявления разговорности велика. Например, если есть параллельные образования с суффиксами *-н(ый)* и *-ов(ый)*, то образования с *-н(ый)* часто имеют оттенок разговорности, но очень слабо выраженный (В. В. Виноградов, 1947). Напротив, приведенные выше примеры разговорных лексем очень резко стилистически окрашены.

В современном русском языке амплитуда разговорности возрастает, в том числе и у словообразовательных моделей, отчасти за счет создания стилистических разговорных пластов, очень тонко отграниченных от нейтрального стиля.

Д 30. Строгий стиль дифференцируется на ряд достаточно отграниченных подстилей: книжный, поэтический и т. д. Морфологические тенденции в каждом подстиле специфичны. Для книжного подстиля характерны образования с четкой морфологической членимостью. Например, в XX веке в этом подстиле большую продуктивность приобретает суффикс *-щин(а): патриархальщина, обломовщина, кружковщина;* в советское время становится продуктивным суффикс *-честв(о)* в соответствии с существительными на *-енец* и прилагательными на *-ческ(ий): оборончество, пораженчество, приспособленчество, иждивенчество* и т. д. Однако все это слабоокрашенные стилистические приметы книжной речи.

Малочисленны стабилизованные морфологические типы, область употребления которых ограничивалась бы поэтической речью (ср. *водь, ржавь, ясь* и т. д.)[23].

В целом же стилистические тона строгого стиля передаются не

---

[22] Ср. замечание одного из литературных критиков о неудачности «новообразования» *обалдеть* в стихах Северянина: словцо *обалдеть* в окружении северянинских неологизмов само показалось новообразованием, обновило, восстановило свои связи со словом *балда;* поэтому четко определилась его морфологическая членимость. Подобное прояснение морфологических границ в разговорном стиле речи часто происходит у традиционных образований под влиянием окказиональных.

[23] Ясная морфологическая членимость какого-либо слова — следствие того, что отношение производной основы этого слова к производящей поддержано тождественным соотношением во многих других образованиях. С этой точки зрения слово *ржавь* и пр. четко членимы: в них ясно выделяется корень, нулевой суффикс (подчеркнутый меной согласных в конце корня) и нулевая флексия.

морфологическими новообразованиями, а, напротив, традиционными (иногда архаически окрашенными) лексемами. Строгому стилю присуща бóльшая фузионность, чем другим стилям (самые насыщенные показатели строгого стиля — в его риторическо-ораторской подсистеме — подчеркнуто фузионны; ср. *зиждитель, разверстый* (раскрытый), *простирать* (протягивать), *низвергнуть* и т. д.)[24]. Влияние этих фузионных элементов строгого стиля на нейтральный стиль полностью отсутствует.

Д31. Грамматическое, стилистическое, экспрессивно-оценочное значение в морфологических моделях находится в сложных взаимоотношениях. Усиление стилистического и экспрессивно-оценочного значения часто ведет к подавлению грамматической характеристики модели. Во многих лексемах суффиксы уменьшительности перерождаются в показатели стилистической принадлежности слова. Так, в словах *брошка, дочка, книжка, речка, свечка, сковородка, стенка, тетрадка, кадушка, краюшка, ракушка, четвертушка* и т. д. суффикс указывает не на уменьшительность, а только на разговорную окрашенность слова. Формирование суффиксов стилистической окраски, их отпочкование от «грамматических» суффиксов — характерная черта в развитии современного языка. Она связана с тем, что стилистическая расчлененность нашей языковой системы все возрастает и становится более напряженной.

Е 32. Кроме морфологической системы, присущей литературному языку в целом (его нейтральному, разговорному и строгому стилям), существуют специализированные морфологические подсистемы; ими обладают, например, терминология и ономастика.

В речи научные и технические термины встречаются в окружении нетерминологических слов, в общеупотребительных синтаксических конструкциях. Если какая-то система терминов используется, как правило, в литературном контексте, входит в грамматические сочетания, литературно регламентированные, то такую совокупность терминов надо считать подсистемой литературного языка.

В терминологических единицах литературного языка осуществляется принцип взаимно-однозначного соответствия между грамматическим значением и его выражением. Образец полного воплощения этого принципа — химическая терминология (примеры общеизвестны).

Для передачи системы понятий: одно родовое, два непосредственно связанных с ним видовых и четыре подвидовых — в терминологии необходимо построить такую систему морфологических отношений:

А	1)	изо	терм	а	2)	изо	бар	а
		раз	бор	ка		рас	шив	ка
Б	1)	поли	терм	а	2)	поли	бар	а
		с	бор	ка		с	шив	ка

Здесь каждое понятие находит свой, и притом только один, морфологический показатель (Д. С. Лотте, 1948): идеально соблюден принцип взаимооднозначного соответствия значения и его выражения.

Процесс терминологического строительства нельзя рассматривать как создание некоего искусственного и механистично-мертвого «эсперанто» из русских[25] морфем. В области терминологии действуют те же морфологические законы, что и в общелитературной системе. В терми-

[24] У поэтов (В. В. Маяковский, И. Северянин, В. В. Каменский, В. Г. Шершеневич), для которых характерна установка на разговорную речь, обычны остроагглютинативные неологизмы. Напротив, поэты-«архаисты» даже неологизмы создают с элементами фузионности. Ср. у В. В. Хлебникова установку на неологизмы с невычленяемыми суффиксоидами.

[25] В том числе заимствованных.

нологии вакуумной техники существует такой ряд: *дегидратация, десульфация, обезгаживание* (значение последнего: 'процесс удаления газов из тел, находящихся в вакууме'). Термин *дегазация* был отвергнут, так как он используется в других системах со значением 'мероприятие по удалению вредных газов' (Д. С. Лотте, 1944). Стремление к преодолению омонимичности столкнулось с потребностью построить морфологически однородный ряд слов; победила боязнь омонимов. Подобные столкновения вполне естественны в морфологии; терминология подвержена им не менее, чем общая морфологическая система.

Е 33. Терминология может воздействовать на общую морфологическую систему языка; можно предположить, что в нашу эпоху это влияние очень значительно и притом постоянно усиливается. Пути влияния различны.

В терминологических системах часто используются общеупотребительные слова, но они переосмысляются, значение их преобразуется по требованиям системных отношений в данной терминологии. Например, используется слово *разбег,* но оно оказывается противоположным слову *выбег* и этим противопоставлением уточнено его значение: *разбег* — 'стадия движения машины, в течение которой машина переходит от состояния покоя к состоянию установившегося движения'; *выбег* — обратный процесс. В результате такой терминологической унификации возникают ряды слов со строго стабилизованными значениями аффиксов. Но эти слова заимствованы из обыденной речи; тем легче путь обратного влияния их на бытовую речь; результатом его может быть стандартизация аффиксальных значений.

Терминологизация обычно сопровождается сужением (специализацией) значения и дифференциацией моделей (Д. С. Лотте, 1940, 1948). Иногда из нескольких значений, возможных у данной модели, терминологическая система закрепляет одно — и тем самым она поддерживает его, помогает ему вытеснить другие, т. е. делает модель более регулярной.

От термина-существительного часто бывает необходимо образовать прилагательное для той же терминологической системы. Такое отношение прилагательных и существительных тоже должно быть однотипным, стандартизованным. Поэтому в терминологии предпочтение отдается моделям, которые обеспечивают такую регулярность. С этой стороны образования *подвеска, разброска, отмывка, прополка* предпочтительнее, чем *подвешивание, разбрасывание, отмывание* и т. д. От существительных на *-к(а)* стандартно образуются прилагательные с суффиксом *-н(ый): подвесочный, разбросочный, отмывочный, прополочный* (Д. С. Лотте, 1944). Создаются серии соотнесенных единиц, находящихся в строго стандартизованных семантических отношениях. Это увеличивает регулярность целых рядов морфологических единиц.

Лишь в исключительных случаях влияние терминологии стимулирует нерегулярность моделей. Например, у прилагательных с суффиксом *-тельн(ый)* все сильнее развиваются качественные оттенки значений; они постепенно вытесняют оттенки отношения к действию, обозначенному основой. Но многие прилагательные этой группы терминологизованы; терминологизация же прилагательных сопровождается укреплением их относительного значения (В. В. Виноградов, 1952). Терминологизация, покровительствуя относительному значению этой модели, препятствует развитию качественных значений, наиболее продуктивных для общелитературной речи. Поэтому усиление регулярности этой модели ослаблено терминологическими воздействиями.

Ж 34. Итак, основные тенденции развития словообразовательной системы русского языка нашей эпохи таковы:

взаимодействуют различные значения в пределах одной грамматической категории;

усиливается регулярность и продуктивность некоторых моделей;

в результате синонимического отталкивания моделей отмирают некоторые значения, общие у данной модели с другой моделью; одни модели вытесняют другие или семантически дифференцируются с ними;

возрастает стилистическая выразительность ряда словообразовательных средств;

усиливается воздействие терминологической подсистемы в словообразовании на общую словообразовательную систему.

Ж35. Большое разнообразие морфологических смещений, переинтеграций в современном русском языке обнаруживает внутри себя значительную общность. Морфологическая система развивается в сторону большей агглютинативности. Под агглютинативностью здесь подразумевается взаимооднозначное соответствие между значением, простым или комплексным, и выражением.

Если есть значения a_1—a_2—a_3—a_4 и звуковые комплексы А—В—С, притом значения a_1—a_2 всегда передаются комплексом А, и во всех морфологических образованиях (во всех словоформах) А связано с передачей и a_1 и a_2 (избираемыми позиционно, в зависимости от контекста); значение a_3 всегда передается В и только этим показателем; значение a_4 передается только звуковым показателем С, то налицо полная агглютинативность данной системы. Агглютинативности не мешает омонимия: если показатели В и С оказались бы фонемно тождественны, все же не было бы частичного перекрещивания и наложения значений.

Напротив, совершенно не агглютинативны были бы такие отношения: показатель А в одних морфологических образованиях передает значение a_1, в других же — значение a_2; значение a_3 передается в одних образованиях отрезком В, в других (т. е. при других основах того же типа) — отрезком С, но С, кроме того, передает и значение a_4 (при некоторых основах того же типа).

Ж 36. Предположим, какой-то показатель (или их совокупность), присоединяясь к основам определенного типа, передает и значение a_1 и значение a_2. Притом размещение значений не позиционно; оно не диктуется грамматически типизированными условиями контекста, а жестко избрано каждой конкретной основой, соединенной с данным показателем. В результате взаимодействия этих двух значений одно из них (например, a_2) постепенно оттесняется, и в совокупности образований с данным показателем все более становится распространенным значение a_1. Ясно, что это — движение к агглютинативности; такое движение есть в современном русском языке (§ В 18).

Ж 37. Пусть какой-то класс лексем изменяется таким образом, что каждая лексема превращается в словоформу другой лексемы. Такое изменение всегда связано со стандартизацией значений в образованиях данного типа. Если значения a_1 и a_2, ранее привязанные в каждом случае к той или другой конкретной основе, становятся возможными при любой основе данного типа с данным показателем (т. е. в каждом случае вызываются позиционно), то модель стала регулярной; агглютинативность ее возросла. Аффикс при этом из словообразовательного стал формообразовательным (словоизменительным); данная морфологическая единица втягивается как словоформа в ряд других словоформ с той же основой. Отглагольные образования с суффиксом *-к(а)* станут словоформой в глагольной парадигме, если два значения ее: обозначение процесса и обозначение предмета, непосредственно связанного с этим процессом, окажутся в любом случае контекстуально заданными. В современном русском языке это для многих из образований на *-к(а)* и осущест-

вляется: сочетание «существительное с этим суффиксом + существительное в творительном падеже» (*окраска белилами*) позиционно вызывает значение процесса; сочетание «существительное с этим суффиксом + предлог *из* + род. пад. (*окраска из смеси белил и охры*) вызывает значение предметности (Н. Н. Прокопович, 1955).

Точно тот же результат будет и в том случае, если единицы этого типа будут иметь только процессуальное значение; отступления окажутся свойственными изолированным единицам, выпавшим (ввиду единичности) из данной модели. К этому же ведет распространение данного аффикса (в одном из его значений) на все основы определенного типа, т. е. превращение его в регулярный.

Увеличение регулярности моделей — важный процесс в современном русском языке, обостряющий агглютинативность ряда образований.

Ж 38. Если какой-то показатель имеет несколько значений и усиливается его продуктивность только с одним из значений, то снова надо говорить о движении в сторону агглютинации.

Ж 39. Конкуренция нескольких синонимических аффиксов может привести к вытеснению отдельных моделей, к уменьшению продуктивности некоторых из них, к их специализации, размежеванию по грамматическому значению и по стилистической окраске.

В современном русском языке чрезвычайно остро выступает тенденция к распространению немногих обобщенных словообразовательных типов (В. В. Виноградов, 1951). Например, образование отвлеченных существительных сосредоточивается в немногих продуктивных типах, и за каждым из этих типов закрепляется строго типовое значение. Также и в образовании слов со значением места действия, места производства (*умывалка, курилка, точильня* и пр.) проявляется важная тенденция к концентрации, к обобщению основных, продуктивных словообразовательных типов, к ограничению их количества (В. В. Виноградов, 1952). Сокращение синонимичности моделей, разумеется, способствует агглютинативности.

Ж 40. В языке нашей эпохи особенно сильным было влияние разговорного стиля на нейтральный; но разговорному стилю присуще широкое использование регулярных моделей; под влиянием разговорного стиля повышалась регулярность их и в нейтральном стиле.

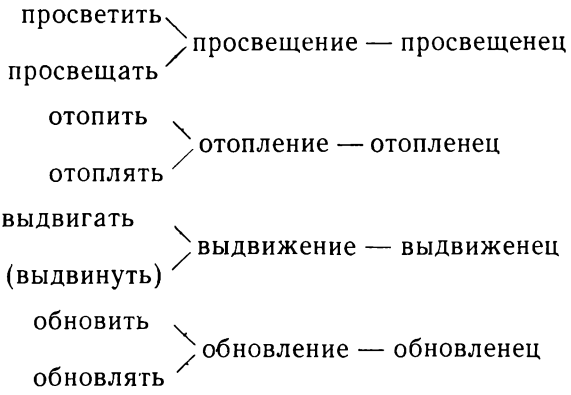
Частые заимствования из профессионально-диалектной речи, вошедшие в литературный язык, также повышали регулярность моделей. Когда литературный язык постоянно пополняется словами, например, типа *пробивка, отброска, прокатка* и т. д. (с процессуальным значением), то, с одной стороны, это факт лексического оснащения литературного языка, с другой стороны, сеть возможных образований с суффиксом *-к(а)* путем таких заимствований энергично заполняется. Вместе с тем возрастает и вероятность образования подобных существительных по аналогии от всех глагольных основ того же типа. Это, следовательно, уже морфологическое преобразование одной из языковых моделей.

Ж 41. Словообразование непрерывно взаимодействует с лексикой. Часто лексические изменения мешают осуществиться тенденциям словообразовательной системы.

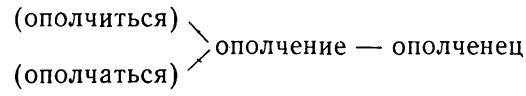
Ж42. В революционную эпоху лексика живет напряженной жизнью; интенсивно изменяются значения слов; многие слова ветшают; новообразования часто оказываются недолговечными. Это отражается и на судьбе отдельных словообразовательных моделей.

В русском языке советской эпохи стала продуктивной модель отглагольное существительное + суффикс *ец: просвещенец, обновленец,*

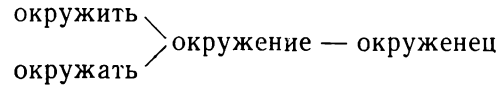
отопленец, выдвиженец, окруженец, примиренец и т. д. У ряда слов этой группы сложились стандартные, единообразные отношения между производящей и производной основой:

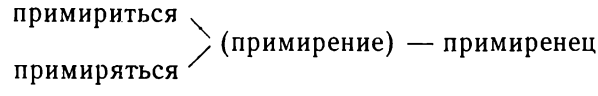
и т. д. Существительное на *-ец* здесь всегда обозначает 'лицо, занимающееся тем, что указано основой'. Но слова, образованные по этой модели, имели очень различные судьбы: *отопленец,* как обозначение важного занятия (и должности) исчезло вместе с ликвидацией топливного кризиса; *просвещенец* было вытеснено словами *учитель, преподаватель* (в эпоху, когда стали возвращаться в язык многие раньше табуированные названия, потерявшие свою связь со сферой официальной речи дореволюционной России); *обновленец, выдвиженец* и пр. стали историзмами. Оставшиеся же слова *(ополченец, примиренец, окруженец, беженец, перерожденец, приспособленец...)* не связаны стандартными отношениями с другими (соотносительными) лексемами:

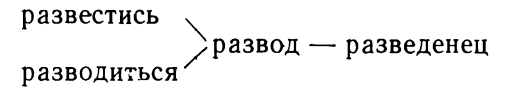
— утеряна связь с глаголом, до предела потускнел процессуальный оттенок значения в личном существительном;

— налицо все связи, но существительное *окружение* имеет специфическое, фразеологизованное значение, и его отношение к глаголам нестандартно;

—нет связи с отглагольным существительным[26];

[26] Связь между «производной» и «производящей» основой налицо, если «производное» слово можно истолковать через производящее (Г. О. Винокур, 1946). Легко доказать, что это критерий вовсе не логический, а строго языковой и морфологический.

— связь с отглагольным существительным есть, но данное существительное нестандартного для данной модели типа.

Группа слов с суффиксом *-енец,* имеющая однотипные отношения с «производящими» основами (и словами, содержащими эти основы), распалась; понятно, что модель слов с этим суффиксом уже успела стать в последнее время непродуктивной или малопродуктивной (В. В. Виноградов, 1947). Исчезла синхронная продуктивность модели, а без нее невозможна и продуктивность диахроническая.

Процесс этот для нашей эпохи надо считать типичным именно ввиду стремительных и массовых изменений в лексике.

Ж 43. Лексика еще и другим путем противодействует устремлению к агглютинации в словообразовательных моделях. Лексемы изменяются метафорически и метонимически. Одна из обычных метонимий, например, перенесение названия с действующего лица на орудие труда (ср. *жулик* — вид штепселя, *дворник* — очиститель стекла в автомашине). Этот процесс характерен, разумеется, и для непроизводных (корневых), и для производных слов; если он поодиночке охватывает много единиц с тождественным морфологическим строением, то это значение станет осознаваться как оттенок аффиксального. Модель получит еще один семантический оттенок, свойственный только некоторым из ее образований; взаимооднозначность значения и выражения окажется для данной модели более трудно достижимой, чем раньше. Пример: суффикс *-чик* приобретает в современном русском языке значение предметности под влиянием ряда таких метонимических переосмыслений (в начале века со значением *лица* использовались только немногие слова с этим суффиксом: *метчик, бомбардировщик).*

Ж 44. Ряд образований по данной модели может иметь семантически-однотипную производящую основу. Например, среди образований с суффиксом *-ищ(а),* имеющих предметное значение (в самом широком смысле слова), выделяется группа образований, у которых производящая основа означает 'дурное состояние (чего-либо) или недостаток': *бессмыслица, нелепица, нескладица, разноголосица, путаница...* Такая постоянная черта в ряду данных основ осознается как оттенок значения аффикса: указание на нечто отрицательное. Этот процесс полностью подобен процессу морфонемного переразложения: если, например, суффикс *-ик* у большой группы слов присоединяется к основам на *-ч-*, в результате морфонемного переразложения формируется новый суффикс *-чик.*

Процессы семантического переразложения между основой и образующим суффиксом крайне актуальны для современного русского языка. Они могут оказывать влияние на продуктивность отдельных моделей, снижая ее. Например, суффикс *-овк(а)* со значением лица гораздо менее продуктивен, чем *-овец.* И это, возможно, потому, что суффиксу *-овк(а)* приходится преодолевать свою традиционную связанность с основами определенного типа; в дореволюционном языке выделялась группа слов *воровка, мотовка, чертовка, хрычовка, плутовка* и т. д. (В. В. Виноградов, 1948). Здесь суффикс *-овк(а)* впитал в себя оттенок значения и эмоциональную окрашенность, свойственную некоторой части основ, с которыми он сочетается, и этим лишил себя словообразовательной свободы.

Таким образом, лексическая специфика основ и их лексическое развитие часто мешают проявляться в полной мере агглютинативным тенденциям в грамматике, но не в силах полностью «отменить» их.

Ж 45. Бурное лексическое развитие языка иногда оказывало сопротивление грамматическим словообразовательным тенденциям, Но, с другой стороны, лексика иногда и содействовала грамматическому раз-

витию. Например, массовое появление аббревиатур, слов по преимуществу « склеенных», было на руку агглютинативности. Первоначально они не были фактом языка; их существование определялось такими неязыковыми факторами, как телеграфный тариф, требование быстроты информации в военное время и т. д. Сами сокращения имели кодовый, в морфологическом отношении бессодержательный характер (ср. *копоко, комикоп, труорвосо, главэкоб, вакот...*). История постепенного оязыковления аббревиатурных слов — это история их постепенной агглютинации, или, наоборот, полной идиоматизации (*Вхутемас* и пр.).

Ж 46. Значительный рост агглютинативности одних моделей неизбежно связан с ростом фузионности у других; это две стороны одного движения. Усиление регулярности и продуктивности одних моделей ведет к оттеснению других, к их полной непродуктивности и — в результате этого — к лексикализации их. Словообразовательные аффиксы у этих единиц теряют свою семантическую функцию; они превращаются в интерфиксы[27], в прокладочный материал между флексией и корнем. Но в языке ослабление одного элемента всегда идет на пользу другому; ослабление одних элементов часто вызывается необходимостью подчеркнуть и усилить другие (Н. С. Трубецкой, 1939).

Интерфиксы усиливают, подчеркивают (в русском языке) стоящие после них аффиксы; они становятся дополнительным признаком этих аффиксов. «Флексия распространяется и живет силою форманта» (В. В. Виноградов, 1947). Некоторые из этих омертвелых аффиксов становятся продуктивными уже в новой своей роли — как интерфиксы. Сейчас некоторые из постфиксов наиболее продуктивны только в сопровождении интерфиксов. Например, суффикс *-н-* реже используется в новообразованиях от глаголов, чем его вариации, осложненные интерфиксами: *-тельн-, -льн-* (ср. *сбросный, сбрасывальный, сбрасывательный* и под.). Один и тот же аффикс появляется в большом количестве вариаций; это усиливает фузионность таких моделей.

Ж 47. Агглютинативность, т. е. взаимооднозначное соответствие значения и выражения, всегда ведет к четкой отделимости морфем[28]. Покровительство интерфиксации — другой, фузионный способ подчеркнуть раздельность, разграниченность в морфологическом ряду.

Ж 48. Соотношение агглютинации и фузионности неодинаково у разных частей речи. У глаголов резко агглютинативны префиксы и резко фузионны постфиксы (за небольшим исключением) (В. В. Виноградов, 1947). Характерно, что у глагольных образований некоторые постфиксальные модели продуктивны только при префиксальных основах; в этих случаях постфикс санкционирован, поддержан (в своей конкретной грамматической роли) наличием префикса. Например, продуктивная имперфективация глаголов с помощью суффиксов *-ива-, -ва-* возможна лишь при префиксальных основах. У отыменных глаголов усиливается тенденция сочетать суффиксальное словообразование с префиксальным; ср. *углубить, разбазаривать, приземляться, обобществить, уплотнить, раскулачить...* (В. В. Виноградов, 1947). Точно так же и модель отгла-

---

[27] Термин А. М. Сухотина.

[28] Фонетическая отделимость при этом не так важна; она — возможное, но не обязательное следствие чисто морфологической разграниченности функциональных кусков слова в агглютинативной модели. Следовательно, в слове *отсядет* грамматически несомненная отдельность кусков *от-* и *-сядет* вызывает, как следствие, фонетическую несливаемость [т] и [с]; аффрикаты [ц] не образуется.

гольных существительных с суффиксом *-к(а)-*, *-к(и)* (pluralia tantum) продуктивна только для префиксальных основ; ср. *выжимки, высевки, отжимки...*

Глагол и его образования, агглютинируя свои грамматические соотношения, идут впереди других частей речи. Напротив, у существительных префиксы очень часто фузионны и преобразованы в аффиксоиды; постфиксы же частью увеличивают свою агглютинативность (во всех продуктивных моделях), частью же высоко фузионны.

Прилагательные близки в этом отношении к глаголам. Префиксация — весьма продуктивный способ образования новых прилагательных: *внеземной, довыборный, доколхозный, зазвуковой, заатмосферный, наднациональный, непрофильный, неповторный, пообъектный, подпахотный, подтаежный, полунавесной, предпусковой, сверхзвуковой, сверхсекретный, сверхглубокий* и т. д. В конце XIX века, а особенно в более позднюю эпоху, число суффиксов, которые используются у прилагательных с приставками (из предлогов), резко возрастает. Это, очевидно, объясняется тем, что приставки предложного происхождения получают способность непосредственно присоединяться к бесприставочным прилагательным, уже существующим в языке (Е. А. Земская, 1962). Таким образом, при данной прилагательной основе закрепляется определенный прилагательный постфикс; нет выработки таких продуктивных моделей, когда прибавление определенного префикса требует, при образовании прилагательного, строго определенной постфиксации, стабильной для всех новообразований с данным префиксом. Постфикс прилагательного, не варьируясь при данной основе, срастается с нею намертво и превращается в прокладку (интерфикс) между флексией и самой основой.

Ж 49. Итак, наиболее общая тенденция в развитии русской словообразовательной системы нашего времени — это усиление взаимооднозначных соотношений между грамматическими и их обозначающими значениями[29]; это движение вызывает, в качестве своей обратной стороны, усиление фузионности отдельных моделей и словообразовательных элементов.

При всей видимой случайности для языковой системы, внешние влияния на язык оказываются результативными тогда, когда они способствуют развитию этой системы. Например, с языковой точки зрения совершенно случаен факт, что в Чехии была создана новая система гимнастических упражнений, которая потом была усвоена и в России. Но не случайно, что усвоение некоторых чешских слов (этот факт сам по себе лексический) привело к упрочению определенного типа отглагольных образований в гимнастической терминологии. Эффективность этого заимствования определялась внутриязыковыми причинами. Строение чешского слова в целом агглютинативнее, чем строение русского слова; это обусловлено особенностями исторического развития чешского языка (А. В. Исаченко, 1956). И чешская спортивная терминология, построенная очень агглютинативно, «пришлась ко двору» в русском языке.

Обострение в XX веке влияния разговорной речи на нейтральный стиль означало, что и в нейтральном стиле стали более весомы агглю-

---

[29] Такая тенденция вовсе не обязательна для всех языков или для данного языка на всех этапах его развития. Есть доказательства, что некоторые из индоевропейских языков движутся в ином направлении.

тинативные модели, крайне характерные для разговорной речи (§ Д 28). Пополнение литературного языка диалектной и профессиональной лексикой также привело к усилению агглютинативности в словообразовании (§ Б 12).

Наконец, стало более активным влияние терминологических, предельно агглютинативных (в идеале) словообразовательных систем на общеупотребительную языковую систему.

Все эти взаимодействия в языке, характерные для советской эпохи, усиливали устремление к агглютинативности в русской словообразовательной системе.

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ

Содержание раздела.— А (§ 1—15). Распространение аналитических форм в современном русском языке. Превращение частей сложных слов в отдельные слова — аналитические прилагательные и т. д. Выпадение отдельных именных образований из парадигм и превращение их в аналитические формы. Стимулирование аналитизма некоторыми общественными факторами. —Б (§ 16). Усиление деривационной функции некоторых словоизменительных аффиксов; прямое влияние на этот процесс новой социальной действительности. —В (§ 17—18). Взаимодействие между словоизменительными грамматическими значениями. Распространение в языке некоторых видов этого взаимодействия при социальной актуализации определенных семантических типов слов. Позиционное варьирование грамматических значений; связь его со стилистическими противопоставлениями. —Г (§ 19—24). Стилистические влияния в словоизменении. Борьба двух тенденций, определяющих эти влияния: внутриязыковой и «внешней», обусловленной социальными факторами. —Д (§ 25—26). Продуктивность словоизменительных моделей. Вытеснение одних моделей другими. Ограничение этого процесса, обусловленное социально. — Е (§ 27). Взаимодействие суперсегментных и сегментных словоизменительных показателей. — Ж (§ 28). Общие линии развития словоизменения в русском языке советской эпохи; стимулирование их общественными условиями существования языка.

0. В предыдущем разделе была сделана попытка осветить тенденции развития словообразовательной системы русского языка в XX веке, показать взаимообусловленные изменения в моделях с аффиксами типа N, в том числе превращение их в аффиксы типа M (словоизменительные).

Раздел «Словоизменение» должен быть посвящен основным тенденциям, направляющим развитие моделей с аффиксами типа M (в том числе их превращение в аффиксы типа N, словообразовательные, и их превращение в неаффиксы).

А1. Один из наиболее важных вопросов морфологии современного русского языка — это вопрос о распространении аналитизма в области словоизменения. Усиление аналитического принципа в грамматике может выражаться в том, что аффиксальные показатели постепенно уступают место другим: служебным словам, примыканию и т. д.

В современном русском языке во многих частных случаях проявляется тенденция заменять падежную изменяемость определенных слов их (полной или частичной) неизменяемостью.

Сквозь все запреты пробивается стремление не склонять некоторые разряды имен собственных. Это относится к таким случаям:

а) *подошел к Михаилу Перегорст; надо узнать у Александра Стокрой;*

б) *жили около Кузьмино; недалеко от Дно; около Москва-товарная.*

Распространение таких конструкций было поддержано влиянием стиля военных приказов, донесений, информационных сообщений;

в) *у Москва-реки, на Москве-реке;*

г) вопреки указаниям руководств по русскому языку, не склоняются в наше время фамилии типа *Макаренко, Ильченко* и т. д. Традиционно они склонялись по типу слов *вода, трава;*

д) многие аббревиатуры (названия учреждений, организаций и т. д.) лишены форм словоизменения.

Как ни частны и ни мелки эти факты, однако они показательны на фоне всей совокупности морфологических изменений в современном русском языке.

Распространению такого типа падежной неизменяемости способствовали многие особенности общественного бытования русского языка в советскую эпоху. Резко возросла роль политической, общественной информации (в первую очередь через газеты) и в связи с этим усилился наплыв в повседневную речь иностранных собственных имен и топонимических названий. Такие имена и названия часто в текстах даются как несклоняемые; это оправдано тем, что изменяемость их в текстах провоцировала бы читателя на усвоение их в косвенной падежной форме, принятой за начальную; ср. *он возразил Флоше* или *суда направились к Польни.* Во время Великой Отечественной войны большое влияние на обыденную речь оказали военные донесения, приказы, сводки и т. д., а им традиционно свойственно стремление (опять-таки во избежание «падежных иллюзий») топонимические названия не изменять по падежам.

А2. В некоторых случаях стремление к неизменяемости слова затрагивает не все падежи, а лишь наиболее аналогически уязвимые.

Например, возникают гибридные типы склонения: все падежи образуются по образцу слов *слава, смена,* но винительный имеет ту же безударную флексию, что и именительный. Так склоняются слова *домишко, топоришко* и под. Здесь неразличение падежных форм, незаконное с точки зрения традиционных правил, коснулось лишь им. — вин. падежей. (Ср. также распространение в современном языке оборотов типа *вижу две коровы, подстрелили два зайца* и т. д.)[30].

А3. Очень характерна несклоняемость, частичная или полная, для некоторых типов числительных, притом именно существительных числительных.

а) Числительное *пол-* в косвенных падежах имеет форму *полу-*, но в современном языке все чаще это слово не склоняется: словосочетания *больше получаса, в полуверсте, около полуроты, до полуминуты* постоянно заменяются выражениями *больше полчаса, в полверсте, около полроты, до полминуты* и т. д.

б) В оборотах *по шести рублей, по двадцати штук на человека и т. д.* формы дательного падежа все шире вытесняются формами прямого (именительного) падежа: *по шесть рублей, по двадцать штук* и т. д. Именительный падеж выступает здесь как «непадежная» форма, как застывший представитель слова в его лексической сущности.

в) При склонении сложных числительных становятся законными такие формы: *с пятьсот восемьдесят пятью рублями; более две тысячи пятьсот пятьдесят двух человек...* Числительные количественные тем самым приближаются, с одной стороны, к качественным, с другой стороны, усваивают все большую неизменяемость, окостенелость своих форм (в позиции не последнего члена в составе сложного числительного).

---

[30] Этот пример относится и к следующему параграфу (А 3).

Подобные формы количественных числительных в разговорной речи уже господствуют; они энергично проникают и в нейтральный стиль[31].

А4. Наконец, очень интенсивно формируется в современном языке группа аналитических прилагательных. Свою прилагательность они выражают примыканием; одни из них непосредственно постпозитивны (*платье беж, цвет хаки, состав-bis, дом номер пять*), другие — непосредственно препозитивны (*радиофельетон, аэрофотосъемка, фотохудожник, коми-писатель, горе-исследователь, чудо-машина, нефтезавод, лесозаготовки, сухофрукты, партбилет, профсобрание, главуправление*). Они не могут примыкать к связке, т. е. выступать предикативно, их место только рядом с существительным или с другим прилагательным, относящимся к тому же существительному, что и они: *фото- и писчебумажные товары, лесо- и хлебозаготовки.*

Отрезки *фото-, теле-, радио-, авиа-, мото-* и т. д.; *глав-, сов-, парт-, проф-* и т. д.; *хлебо-, лесо-* и т. д. надо признать особыми словами в составе словосочетаний *фототовары, телеоператор, радиофельетон, авиапочта, мотогонки* и т. д.; *главуправление, совслужащий, партбилет, профсобрание* и т. д.; *хлебозаготовки, лесопроческа...* Они обладают основным признаком слова — входят в свободные сочетания с другими словами, причем ряды этих свободных комбинаций безграничны.

Важнейший признак слова заключается в том, что оно не является свободным сочетанием меньших единиц, вместе с тем само входит в свободные сочетания (Ф. Ф. Фортунатов, 1908). Следует четко определить, какой смысл в этой формулировке придается словам «свободные сочетания».

А5. I. Пусть дана какая-то звуковая единица M; в сочетаниях с единицами одного и того же типа a, b, c... она, образуя двучлены a+M, b+M и т. д., постоянно сохраняет свое значение (или же изменения этого значения имеют строго регулярный характер и зависят от определенных изменений в типе сочетающихся единиц; в таком случае эти изменения значения M позиционны, и их в каждом случае можно предвидеть). (Примеры см. выше, в разделе «Словообразование», § Б7)[32].

II. Пусть дана какая-то звуковая единица N; в сочетаниях с единицами одного и того же типа a, b, c... образуются единства a+N, b+N, c + N..., при этом значение варьируется независимо от типизированного значения a, или b, или c...; следовательно, варьирование это непозиционно. (Примеры см. выше, в разделе «Словообразование», § Б7).

III. Пусть дано какое-то значение [a]; оно выражается двумя разными звуковыми единицами L^1 и L^2 (которые, следовательно, являются синонимичными). При этом в сочетании с единицами a, b, c (и любой другой этого же типа) возможно и L^1 и L^2 ($a+L^1$, $a+L^2$; $b+L^1$, $b+L^2$ и т. д.). Пример: L^1 = *стачка,* L^2 = *забастовка;* a = *началась;* b = *закончилась;* c = *идет*).

Или же в сочетании с одним строго определенным типом единиц используется только L^1, а в сочетании с другим типом единиц — только L^2.

Первый пример: L^1 = *сь,* L^2 = *ся;* a = *строила-,* b = *раскрашивала-,* c = *отвертывала-; d* = *строил-*; e = *раскрашивал-; f* = *отвертывал-.*

---

[31] «Подчиняясь влиянию математического мышления числительные унифицируют свои формы... Древние математические формы числовых существительных и прилагательных подверглись в категории числительных разрушительному натиску отвлеченного математического мышления. Старая техника языка вступила в противоречие с новыми принципами понимания и выражения отвлеченных понятий числа и количества» (В. В. Виноградов, 1947). Вопрос о воздействии научного мышления на язык — один из сложнейших; он должен быть в поле зрения при исследовании путей развития языка в советскую эпоху.

[32] В разделе «Словообразование» указаны 2 типа аффиксов: M и N (§ Б7). Здесь вводится обозначение L, указывающее, что имеются в виду оба эти типа.

Второй пример: L^1 = *карие;* L^2 = *коричневые*; a, b, c = *глаза, очи, глазища...*, d, e, f = *бусы, ягоды, стекла...* Единицы с таким значением будем обозначать L^a (т. е. M^a или N^a).

IV. Пусть дано какое-то значение ^{b}; оно выражается двумя разными звуковыми единицами (синонимами): L^1 и L^2; при этом в соединении с другими единицами a, b, c может быть или L^1 или L^2; выбор не определяется типизированным характером этих единиц. Пример: a, b, c, d, e = *красн-, желт-, синь-, фиолетов-*; L^{1-4} = *-ота, -изна, -ева, -ость.*

Единицы такого типа будем обозначать L^b (т. е. M^b или N^b).

Итак, существует 4 типа единиц, которые способны вступать в синтагматическое единство с другими единицами: N^a, N^b, M^a, M^b. Единица N^a: значение не варьируется или варьируется позиционно (т. е. если указан грамматически типизированный контекст, то известно, какой из оттенков значения присущ этой единице); звуковой облик не варьируется (т. е. синонимов нет) или варьируется позиционно (т. е. если указан грамматически типизированный контекст, то известно, какой из синонимов избирается в данном случае).

Единица N^b: значение не варьируется или варьируется позиционно; есть синонимическая единица, и в сочетании с другими единицами возможна всегда или данная единица, или ее синоним; распределение их позиционно определить нельзя.

Единица M^a: значение варьируется непозиционно; синонимов нет или же они замещают данную единицу в позиционно-обусловленных случаях.

Единица M^b: значение варьируется непозиционно; у данной единицы есть синонимы, и распределение их позиционно определить нельзя.

Единица типа N^a — это слово; единица N^b — это флексия (словоизменительный аффикс); единица M^a или M^b — это части основы.

Итак, только сочетания типа $N^a + N^a$ являются сочетаниями слов[33]. Этот тип единиц противопоставлен всем остальным, которые характеризуют отношения между частями слова. Сочетаниями слов тогда надо считать: *мой отец, я иду, быстро движется, придет завтра, полминуты, радиопередача, профбилет, хлебозаготовки, стало темно, более быстрый, будем писать, спросил ли, спросил бы, кто же, приготовьте, бросьте, в лесу, на столе, у меня...* Напротив, целостными словами (словоформами) являются такие единицы: *записать, увидеть, разыграли, перебирались, друзья, столы, остановка, скорость, писательница, (были) в гостях*[34], *до упаду, в открытую.*

А6. Вопрос о том, является ли какое-то данное сочетание значимых единиц словом или словосочетанием — до известной степени вопрос количественных, статистических соотношений. Пример покажет это. Существует ряд форм: *в городах, в рощах, в лесах, в комнатах, в книгах, в газетах, в листовках, в журналах, в ящиках, в чашках, в столах, в шкафах... в гостях.* Последнее сочетание *(он не любит бывать) в гостях* резко отличается по значению от всех предыдущих. Оно выпадает из бесконечного ряда форм с аффиксами *-ах,* имеющих падежное значение (точнее: комплекс значений предложного падежа, причем разное варьирование этих значений вызывается позиционно); выпадает именно потому, что оно единично, изолировано по отношению к этому ряду. Оно выводится за пределы продуктивного ряда *в...-ах,* не поддерживается

---

[33] Более подробное изложение и мотивировка принципов выделения слова в речевом потоке см. в статье: М. В. Панов. О слове, как единице языка. «Ученые записки МГПИ им. В. М. Потемкина», т. LI, 1956.

[34] Ср.: *Он не очень разбирался в гостях, кто хорош и кто плох: все ему казались хороши;* здесь сочетание *в гостях* нефразеологично и принадлежит свободному незамкнутому ряду. Это сочетание слов (служебного и полнозначного).

им и должно рассматриваться как грамматический омоним, не связанный с этим рядом. Поскольку оно в ы п а д а е т из ряда, то оно не делает аффиксальную единицу *в... -ах* многозначной, единицей типа N^a, в ряду остаются только падежно-значащие образования. Таким образом, образования с другим значением изгнаны из данного ряда и ввиду малочисленности признаны изолированными фразеологизмами.

Выбрав из какого-то текста 1000 образований с элементом *в...-ах*, мы обнаружим, что, например, 990 из них представляют собой сочетания типа *в городах, в рощах;* лишь 10 — разнокачественные «исключения» типа *в гостях.* (При продолжении подсчета мы могли бы обнаружить, кроме того, и замкнутость этого ущербного ряда образований: он представлен только единицами *в гостях, в сердцах.* Собственно, «ряды» здесь состоят из единичных слов-уникумов).

Иное свойство обнаруживает, например, такой ряд: *усилитель, истребитель, выключатель, исследователь, просветитель...* Здесь *-тель* имеет два оттенка значения: в одних случаях он обозначает орудие действия, в других — лицо[35]. Но ни тот, ни другой тип образования не являются замкнутыми; еще важнее то, что оба они представляют собой определенное численное равновесие. Анализируя тексты разного типа, мы могли бы иметь в них такие соотношения *-тель* с одним и с другим значением: 600 и 400; 200 и 800; 250 и 750 ... Каждый оттенок значения поддержан своим рядом образований. Этого достаточно, чтобы признать *-тель* единицей типа M^{b36}. Но пусть у нас слова на *-тель* со значением орудия действия встречались бы в 995 случаях из тысячи, а на *-тель* со значением лица всего в 5 (притом круг этих единиц оказался бы замкнутым, лексически ограниченным), тогда, очевидно, названия орудий с *-тель* должны были бы рассматриваться как словосочетания[37], а *-тель* с редким значением лица превратился бы в особую единицу, в редкий аффикс, омонимичный с распространенной частицей *-тель.*

А7. Итак, решение вопроса о том, чем же является данное сочетание значимых единиц: словосочетанием или словом, зависит от соотношения данного сочетания с другими, в которых: 1) выражены те же значения; 2) встречаются те же звуковые показатели. При этом важны числовые соотношения: абсолютный перевес образований одного типа над другим позволяет говорить о н е о г р а н и ч е н н о м использовании образований преобладающего типа, т. е. о том, что это образование типа N^a+N^a. Пока в русском языке существовали только слова *радиофикация, радиоприемник* (при этом слово *приемник* отдельно не употреблялось в значении 'аппарат для приема радиоинформаций'), *радиопередача* — не было еще аналитического прилагательного *радио-* (хотя существительное *радио* уже существовало). Но появление массы новообразований: *радиомузыка, радиопьеса, радиосообщение, радиохалтура* и т. д. — придало способность единице *радио-* вступать в сочетание с любым существительным. Значение 'радио' — во всех этих сочетаниях оставалось неизменным. Соединяясь с разными существительными, оно не вызывало нестандартных (индивидуальных в каждом отдельном случае) семасиологических изменений у существительных, примыкающих к *радио-*. Если вначa-

[35] Поскольку во многих случаях в русском языке значения такого типа передаются аффиксами одного и того же морфонемного строя, постольку оба значения осознаются как варианты единого инварианта.

[36] Так как возможно *писатель, просветитель* и отвергается *писальщик, просветильщик* (образования с синонимическими аффиксами).

[37] При этом *-тель* превратилось бы в деривационное слово-частицу, разряд которых в современном русском языке отсутствует (ср. в английском частицы *-she, -he; bear-she, bear-he...* Чтобы *-тель* стало таким служебным словом, нужно, правда, и еще одно условие: основа, к которой присоединяется *-тель,* должна отвечать требованиям N^a. На самом деле этого нет.

ле и возникали образования с этим элементом (*радио-*), где существительное (точнее: вторая часть основы) фразеологически смещало свое значение (ср. *радиовещание*), то они вскоре потонули в массе сочетаний, не знающих таких смещений, т. е. таких, где оба компонента: «*радио*+ существительное», обладали строго стандартизованной семантикой. Фонемный облик элемента *радио* — невариативен; присоединение его к существительному не вызывало никаких фонемных варьирований у существительных. Это означает, что, получив абсолютную продуктивность, образования типа «*радио* + существительное» из сложных слов превратились в словосочетания.

Точно так же превращение единицы *лесозаготовки* из слова в словосочетание — процесс постепенного накопления таких единиц, как *лесоразработки, лесоконтора, лесозаготовители, лесосырье, центральные лесоорганизации, лесоохрана, лесоразведение, лесополоса* и т. д. Накопление таких единиц, со строго неизменным отношением значения частей к значению целого, обусловило в конце концов безграничную возможность присоединять аналитическое прилагательное *лесо-* к любому существительному.

Самая эта возможность свободного сочетания *лесо-* с любыми существительными и является основным признаком превращения *лесо-* из части слова в отдельное слово.

А8. Превращение многих единиц типа $M^a + M^a$ в сочетания $N^a + N^a$ связано с резким ростом названий для новых объектов действительности, с бурным процессом наименования, который всегда характеризует эпохи стремительного общественного развития.

Именно под воздействием потребностей в массовой номинации новых объектов действительности энергично формируется с 20-х годов нашего века класс аналитических прилагательных.

А9. Единицы, отвечающие основному определению слова, в массе своей обладают и рядом других фонетических, морфологических, синтаксических признаков; они типичны для слова, но не обязательны для него. Вот наиболее характерные из них.

Фонетические: наличие отдельного для данной единицы ударения; характерные диэремные явления на границах этой единицы.

Морфологические: наличие определенных аффиксов в конце или в начале единицы —морфем типа N^b (т. е. флексий), M^a, M^b (словообразовательных аффиксов). Кроме того, в составе единицы возможны интерфиксы разного типа. Все это вместе создает морфологическую цельнооформленность слова (А. И. Смирницкий, 1952).

Синтаксические: способность соединяться посредством слов *и, но, или* и т. д., а также с помощью определенных интонаций с другими единицами, обладающими свойствами слова; непосредственная сочетаемость с частицами и т. д. (А. Б. Шапиро, 1938).

То или иное значимое образование, преодолев порог «словности» (т. е. став свободно сочетающейся единицей, в соответствии с определением в § А5), постепенно приобретает и другие, типичные черты слова, упрочивает, укрепляет свою словную характеристику. Сам процесс обрастания единиц того или другого типа признаками слова заслуживает тщательного изучения.

Многие из аналитических прилагательных (такие, как *глав-, проф-, сов-, парт-; радио-, авиа,- кино-, фото-, мото-; хлебо-, лесо-; горе-, чудо-* и др.) имеют уже все признаки слова.

Фонетические: они несут особое ударение, на границе с другими словами у них возникают диэремные явления (А. А. Реформатский, 1955).

Морфологические: одни из них имеют аффикс *-о*, характерный для аналитических прилагательных: *лесо-, хлебо-, горе-* (т. е.<гор'о->). Синонимичен этому *-о* аффиксальный нуль, характеризующий большинство аналитических прилагательных и типичный для них как для аналитических образований.

Синтаксические: они вступают в сочетания, характерные для слов: *сель-то совет, проф ли это билет, лесо- и нефтяные заводы* и пр.

У других образований такого типа только еще формируются второстепенные, но типичные для слова признаки; третьи не перешли еще того порога, который делает их свободно сочетающимися единицами, т. е. словами. Изучение всех передвижений, внешне незаметных, но выстраивающих систему аналитических единиц в языке, имеет большое значение для уяснения новых тенденций развития языка.

А10. Рост аналитических форм в языке связан с распадом некоторых парадигм, с изгнанием из парадигм определенных словоформ. Исключение словоформ из системы склонения[68] означает ее лексикализацию; она становится отдельным словом и подводится под категорию наречия; ср. адвербиализацию творительного времени, творительного образа (сравнения) и т. д.[38]

В современном русском языке, «еще не достигшем аналитизма таких языков, как французский, падежная система переобременена значениями». Семантическая широта некоторых падежей, например творительного, облегчает процесс адвербиализации отдельных словоформ (В. В. Виноградов, 1947).

А11. Действие факторов адвербиализации в русском языке нашей эпохи последовательно и постоянно; в результате этого сейчас в русском языке, например, указание на время действия, выраженное в особом слове или словосочетании («обстоятельстве времени»), всегда в той или иной степени адвербиализовано: нет систематически применяемых падежных возможностей указать на время. Ср. *пришел зимой, летом, весной, осенью, утром, вечером, днем, ночью* (но не: *пятницей, январем, сумерками, восходом); в пятницу, в среду, в праздник, в день именин, в обед, в сумерки* (но не: *в ужин, в восход, в лето); на восходе, на заре, на закате; в прошлом году, в октябре, в XX веке* и т. д. Стандартизованного падежного способа выражения нет, и степень адвербиализации в каждой из этих частичных и ограниченных моделей различна. Большинство из этих полунаречий-полусуществительных способно соединяться с прилагательными, и это поддерживает их «членство» в падежной парадигме: их флексии вызывают стандартизованные отклики во флексиях прилагательных; в этом отношении значение их флексий равноценно функции (значению) всех остальных флексий подобного типа. Но выбор прилагательных большей частью крайне ограничен: *вернулся в самый обед, на ранней заре, в прошлую.. эту... следующую пятницу.*

Однако наиболее существенно, что у этих адвербиализованных падежных и падежно-предложных временных конструкций утеряна стандартная соотносительность со всеми остальными образованиями в данной парадигме (с другими падежами в пределах данной лексемы), и со всеми образованиями того же падежа. Новое значение очень часто не типизировано, не встречается в ряду форм с подобными аффиксами; тем самым эти аффиксы, обладая лишь остаточной выделимостью, преобразованы в аффиксоиды. В других случаях адвербиализация охватывает несколько образований с определенными флексиями и придает им однотипные наречные значения; тогда словоизменительные аффиксы преоб-

[68] Глагольные словоформы в современном русском литературном языке почти совсем не подвержены лексикализации.

разуются в словообразовательные: возникают омонимические, но функционально разграниченные модели: одна — с аффиксом M, другая — с аффиксом N. Например, в современном русском языке несомненно стремление к концентрации значений винительного падежа; все обособляющиеся значения этого падежа сближаются с наречиями (В. В. Виноградов, 1947).

Точно так же специализируется и значение предложного падежа. В парадигме сохраняются лишь те образования, которые «соответствуют живой цепи грамматических отношений, выраженных падежами и предлогами». «Так как категория творительного падежа представляет замкнутую систему грамматических значений и отношений, то замутнение в какой-нибудь конкретной форме творительного падежа ее основных функций, закрепление за этой формой только одного из присущих ей значений равносильно отпадению ее от системы склонения данного существительного» (В. В. Виноградов, 1947).

Преобразование нескольких предложно-падежных форм в наречное образование иногда ведет к превращению наречной модели в продуктивную; ср., например, образования *всвал, вразвал, встык, вприжим, враскид, вразлет.* Все эти изменения в целом содействуют активизации категории наречий (аналитических, неизменяемых форм, умеющих только примыкать) за счет существительных.

Как показывают примеры, этот процесс особенно активен в технических арго, в производственной терминологии; характерен он и для разговорной речи. Из этих языковых областей он распространяется и в нейтральный стиль литературного языка (или, может быть, только поддерживает тенденции, спонтанно развивающиеся в литературном языке).

А12. В разделе «Словообразование» говорилось о том, что агглютинация в русском языке растет; очень характерно для литературного языка нашей эпохи усиление регулярности моделей, которое ведет к включению в парадигмы новых образований (по крайней мере, к подведению их к порогу парадигмы). Не противоречит ли этой тенденции стремление к аналитизму, к выпадению из парадигм, многообразно проявляющееся в словоизменении? Вероятно, нет, так как усиление аналитизма затрагивает именные постфиксы — т. е. именно такие, которые и в области словообразования тяготеют к фузионности, к превращению в аффиксоиды (т. е. к исчезновению в качестве самостоятельных грамматических показателей).

Очевидно, в словообразовании и в словоизменении действуют единонаправленные тенденции: ослабить некоторые постфиксальные показатели у имен. В словоизменении эта тенденция стимулирует появление неизменяемых существительных и превращение некоторых именных флексий в аффиксоиды наречий.

Напротив, элементы, предшествующие корневой части слова (или второму, основному корню в сложных словах), усиливая свою регулярность, превращаются в абсолютно агглютинативные элементы; предельная агглютинативность делает их особыми словами. Так возникают аналитические прилагательные. Так же и некоторые приставки превращаются в особые препозиционные частицы у прилагательных (*архи-, сверх-* и т. д.); возможно, впрочем, что они еще не преодолели порога «словности», и в образованиях *нелепый — архинелепый, умелый — сверхумелый* надо видеть словоизменительные парадигмы (сравнительно недавно возникшие в русском литературном языке)[39].

[39] Возможно также, что эти единицы *(архи-, сверх-),* препозиционно связанные с прилагательными, являются уже отдельными словами в строгом стиле (в публицистических речевых жанрах), но остаются словоизменительными приставками в других стилях.

А13. От глагольных парадигм во многих случаях отделяются причастные формы и функционируют как прилагательные. В некоторых случаях такой переход причастий в прилагательные, может быть, происходит без распадения парадигмы. Это возможно тогда, когда переход в прилагательные обусловлен позиционно; напр., всякое полное бесприставочное причастие с суффиксами *-нн-, -т-* приобретает свойства прилагательного, если употребляется без пояснительных слов.

Любопытно отражение этого в орфографии: по современным правилам, без пояснительных слов всегда требуется писать *жареный, вареный* и т. д., т. е. подчеркивать их прилагательность; с пояснительными словами — всегда *жаренный, варенный* (глагольные синтаксические связи не позволяют причастиям потерять свой глагольный характер).

Значит, в одних и тех же условиях контекста не могут быть приемлемы и *жаренный* и *жареный*, всегда уместна только одна из форм. Конечно, орфография грубо и приблизительно классифицирует позиционные условия, в которых причастные формы теряют свою причастность или сохраняют ее. Но позиционный характер самого явления (для некоторых морфологических типов) несомненен. В соответствии со сказанным раньше (см. § А5), здесь прилагательное, существуя как позиционное изменение причастия, входит в глагольную лексему. Вероятно, справедливо замечание, что здесь «намечается новый тип гибридной лексемы, не вполне обычный в языке с преобладающим синтетическим строем» (В. В. Виноградов, 1947).

А14. Аналитические и синтетические формы степеней сравнения прилагательных образуют синонимические ряды. Самое широкое распространение аналитических форм сравнительной и превосходной степени прилагательных связано с универсальностью этих форм: они обслуживают и те разряды прилагательных, которые не образуют синтетических форм; они позволяют избежать многих исключений и капризов, свойственных синтетическим образованиям. Поэтому по частотности употребления, по сферам использования аналитические формы очень медленно, но настойчиво оттесняют формы синтетические.

Стремление избавиться от идиоматических исключений в грамматике особенно сильно в эпохи, когда меняется социальный состав носителей языка. Это стремление было значительным в 20—30-е годы нашей эпохи. Оно способствовало распространению аналитических форм степеней сравнения, строго и последовательно стандартных.

А15. Следовательно, аналитические формы возникают следующими путями: а) некоторые имена обнаруживают склонность не склоняться; б) энергично пополняется группа аналитических прилагательных (и, в меньшей степени,— аналитических существительных); в) выбиваются из именных парадигм отдельные словоформы и превращаются в наречия — единицы аналитические; г) соревнование аналитических и синтетических синонимов в словоизменительной системе русского языка приводит в большинстве случаев к ослаблению роли синтетических именных образований[40].

Очевидно, что все эти завоевания аналитизма связаны с именами; глагол остается подчеркнуто синтетичным. Такие аналитические формы, как *пусть пишет, пусть придет; достаньте, идите; я писал, мы*

[40] Под аналитическими образованиями здесь подразумеваются: а) образования, которые включают неизменяемое служебное слово; б) образования, которые свою грамматическую природу обнаруживают только примыканием. Оба случая объединяет «антиаффиксальность»: и те и другие образования выражают определенные грамматические значения без использования аффиксов.

писали; буду писать, будешь писать[41], не конкурируют с другими, синонимическими формами. Положение их в системе словообразовательных форм стабильно и неподвижно; за их счет не увеличивается с ходом времени аналитичность глагола.

Контраст между аналитическими именными формами и синтетическими глагольными типичен для ряда славянских языков и вообще для языков с аналитико-синтетическим строем (П. С. Кузнецов, 1960).

Возрастание безаффиксности у одних образований предполагает полноценную значимость аффиксов у других образований, у тех, с которыми связаны и по отношению к которым определяются в предложении аналитические формы.

Б16. Полноценность глагольных аффиксов у глагольных словоформ не только не поколеблена, но в некоторых случаях возросла: они стали более значимы, чем раньше. В настоящее время широко распространились сочетания такого типа: *врач пришла*; *председатель объявила*; *инструктор посоветовала*; *бригадир сказала* (при отнесении в каждом случае существительных к лицам женского пола). Распространение таких конструкций падает на послереволюционную эпоху; еще в 20-х годах оно считалось не вполне нормативным, хотя и живым явлением (А. М. Пешковский, 1928). Под влиянием новой социальной действительности эти формы стали быстро распространяться в литературном языке и в настоящее время вошли в круг нормативных образований.

Следовательно, со многими существительными типа *инженер, доктор, председатель, инспектор, секретарь, директор* и т. п. сочетаются глагольные формы и мужского и женского рода. Флексии перестали быть только средством связи подлежащего и сказуемого; эта связь достаточно обеспечена и тогда, когда при существительном в им. падеже стоит глагольная форма со свободно избранными глагольными аффиксами *-л-а* или *-л-*. В сочетаниях типа *врач пришла* флексия дополнительно обозначает ситуативный род существительного.

В результате упрочения в языке моделей сочетаний типа *врач пришла* появился новый класс существительных общего рода *(инженер, доктор, председатель, инспектор* и т. д.) — не слова-характеристики, как существовавший ранее тип: *обжора, плакса* и пр., а слова-регистраторы. С существительными же общего рода глаголы сочетаются ситуативно: в зависимости от речевой ситуации, от реального обозначаемого объекта, они избирают флексии или женского, или мужского рода.

Таким образом, в данном случае глагольная флексия получила дополнительную нагрузку, стала указывать в таких сочетаниях не только реляционные, но и деривационные значения (оставаясь, разумеется, формообразующей).

Следовательно, стремление к нивелировке флексий, свойственное имени и проявляющееся у существительного и прилагательного многообразными способами, совершенно не свойственно глаголу. Глагол усложняет, семантически «догружает» систему своих флексий.

Однако оба эти процесса, казалось бы противоположные, имеют и одну общую черту: они выражают единую тенденцию ослабить роль аффиксов как грамматических соединителей слов в предложении. Эта тенденция действует на отдельные точки системы; проявления ее кажутся разрозненными, факультативными, но этих отдельных проявлений уже множество, они по-разному охватывают и имя, и глагол.

---

[41] Впрочем, эта глагольная форма (будущее сов. вида) не подходит под данное выше определение; она стоит отдельно от остальных аналитизмов в русском языке — и это еще раз подчеркивает контраст глагола и имени.

В17[42]. Как уже сказано (§ А5), словоизменительные аффиксы (флексии) имеют строго стандартизованное значение, одинаковое во всем ряду форм с данной флексией. Изменение значения у некоторых из этих форм означает их выпадение из данного словоизменительного ряда, выход за пределы данной лексемы, т. е. превращение в самостоятельную лексему; следовательно, превращение флексий в словообразовательные элементы. Таким образом, флексии могут существовать только как строго стандартизованные по значению элементы.

Поэтому взаимодействие грамматических значений у словоизменительных аффиксов весьма затруднено; оно возможно только в исключительных случаях.

Форма множественного числа у существительных — это маркированный член, она указывает, что объекты, обозначенные основой, взяты в некотором количестве, представляют собой множество (В. Н. Сидоров, 1947). Напротив, форма единственного числа — немаркированный член грамматического противопоставления; как всякий немаркированный член, она может в различных текстовых окружениях передавать и множественность, и единичность, и безотносительность к числу; примеры общеизвестны.

Это строго стандартизованное соотношение нарушено у существительных некоторых семантических типов. В оборотах *ел ягоды* и под. существительное *ягоды* выступает в качестве немаркированного члена. Ср. *съел ягоду*, где существительное указывает на единичный предмет: форма единственного числа оказывается маркированной (И. П. Мучник, 1962).

Такое соотношение значения единственного—множественного числа очень характерно для слов типа *белогвардеец—белогвардейцы, кулак — кулаки, безбожник — безбожники, ударник — ударники* и т. д., т. е. для слов, характеризующих лица по их классовой позиции, по их убеждениям, общественной, политической деятельности и т. д. Примеры: *он был убит в 18-м году белогвардейцами* (не указано, что убийц было несколько человек); *в нашей деревне тоже шла борьба с кулаками* (возможно, что в деревне был всего один кулак); *я видел, что этот плакат наши безбожники повесили* (нет утверждения, что вешало плакат несколько человек) и т. д.

Показателен грамматический контраст таких сочетаний: *его белогвардейцы убили—его белогвардеец убил; плакат безбожники повесили—плакат безбожник повесил.* Здесь слова *белогвардейцы, безбожники* означает или определенную множественность лиц (было несколько определенных лиц) или неопределенную множественность — единичность (не важно, был ли один человек или несколько их и кто именно).

В соотносительных предложениях слова *белогвардеец, безбожник* означают или единичность (действовал один человек) или резко подчеркнутую собирательность Ср.: *с деревьев на землю лист уже падает,* где нет собирательности в значении формы *лист.* Противопоставление *лист—листья* дает обычное для большинства существительных распределение значений: *листья* — указана множественность объектов (пА); *лист* — не указано, представляет объект множество или нет ($\overline{\text{пА}}$). В таких противопоставлениях форма единственного числа, естественно, не наделена грамматически подчеркнутой собирательностью. Напротив, она резко выдвинута в случаях такого типа: *его белогвардеец где-то в приволжских степях погубил* и под.

---

[42] В данном параграфе использованы некоторые примеры сотрудника ИРЯз АН СССР С. М. Кузьминой.

Собирательность (т. е. нерасчлененная совокупность, множество в одном), естественно, должна рассматриваться как частный случай единичности. В таком случае в противопоставлениях *белогвардеец — белогвардейцы, безбожник — безбожники* формы единственного числа обозначают единичность (маркированный член), а формы множественного — и множественность, и единичность (немаркированный член).

На появление такого распределения значений, возможно, повлияли формы числа у глагола. В неопределенно-личном значении формы множественного числа у глаголов указывают безразлично единичность — множественность действующих лиц: *Тебе звонили по телефону. — А кто? — Какой-то незнакомый голос*; или: *Тебе принесли вот эту открытку* и т. д. Словоизменительные формы разных частей речи взаимодействуют и оказывают давление друг на друга; такое взаимодействие возникло и здесь.

Актуализация в русской речи существительных указанной семантической группы (*безбожник, ударник* и т. д.), очевидно, способствовала активному распространению в советскую эпоху форм маркированного множественного числа. Было бы важно точно установить, каким типам существительных оно свойственно, насколько стабильно у них, в каких функциональных разновидностях речи распространяется и т. д.

В18. Грамматические значения позиционно варьируются. Ср. сочетания: *съел ягоду — ел ягоду; кулак тогда хлеб в землю спрятал — кулак тогда хлеб в землю прятал.* Глагол совершенного вида вызывает у форм *ягоду, кулак* значение несобирательной единичности: предложение *кулак тогда в землю хлеб спрятал* говорит об одном лице, названном словом *кулак.*

Варьирование грамматических значений, позиционно обусловленное, может быть очень широким и различным в разных стилях. Напр., фраза *кулак тогда в землю хлеб спрятал,* возможно, только в нейтральном и строгом стиле должна оцениваться как фраза о конкретном лице; напротив, в разговорном стиле она может означать и описание действий собирательного лица-типа — кулака вообще.

Русский язык советской эпохи характеризуется напряженными и широкими стилистическими взаимовлияниями; вероятно, это взаимовлияние отражается и на варьировании словоизменительных значений.

Г17. Существует небольшое количество словоизменительных стилистических дублетов; например: *этою медленною походкою — этой медленной походкой*; первое свойственно строгому стилю, второе — нейтральному и разговорному. Но даже для книжной речи вероятно промежуточное, стилистически менее насыщенное образование: *этой медленною походкой* или *этой медленной походкою...*

Отвлеченные существительные третьего склонения могут иметь две формы творительного падежа единственного числа: *радостью — радостию, прелестью-прелестию.* (Ср. у Есенина: И радостию звонкой лугов не оглашать.) Двусложные флексии этого типа присущи строгому стилю.

В обоих указанных здесь случаях формы строгого стиля становятся в речи все более редкими. Но редкость показателей какого-либо стиля далеко не всегда говорит о стирании особенностей этого стиля, о его слиянии с нейтральным стилистическим фоном.

Возможно, что данный показатель строгого стиля становится более редким, а область его использования остается прежней (так обстоит дело с аффиксом *-ою*); тогда стилистическая окраска его бледнеет, и он постепенно становится полным синонимом флексии нейтрального стиля и поэтому вытесняется из языка.

Но возможен и другой случай. Показатель становится более редким, и сфера его использования сужается: он используется в более ограни-

ченном кругу речевых жанров (так обстоит дело с аффиксом *-ию* в твор. пад.); тогда стилистическая окраска становится ярче, контрастнее по отношению к нейтральному стилю. Наиболее яркие выявления строгого стиля создаются именно редкостными языковыми элементами, резко приуроченными только к этому стилю, к его отдельным жанрам (ср. лексические славянизмы, морфологические образования с фузионными, т. е. с редкостными, исключительными аффиксами и т. д.)

Формы *радостию, прелестию* сейчас оттеснены в область поэтического формоупотребления и несут резкую стилистическую окраску.

Г20. В современном русском языке стилистически соотносительны конструкции: *много винограда — винограду, лука — луку, чая — чаю, сыра — сыру, шума — шуму, страха — страху, крика — крику, смеха — смеху...*

Есть между этими образованиями на *-а* и на *-у* также и грамматический контраст; недаром предлагалось считать их разными падежами (В. А. Богородицкий, 1912; Р. О. Якобсон, 1937). Один падеж имеет количественное значение (*принеси сахару, нам нужно табаку, стакан чаю, мало песку, много шуму, страху нет*), другой — определительное или значение принадлежности в широком смысле слова (*вкус сахара, продажа табака, любитель чая, зерна песка, глушитель шума, гнет страха*).

Наконец, эти флексии способны выражать и третий контраст — между отвлеченными и вещественными существительными. Соотношение этих трех контрастов в современном литературном языке может быть представлено такой таблицей:

Конструкции	Существительные	Разговорный стиль	Нейтральный стиль	Строгий (книжный) стиль
С количественным значением	Вещественные	1) у	2) у	3) а
	Отвлеченные	4) у	5) а	6) а
С определительным значением	Вещественные и отвлеченные	7) а	8) а	9) а

Таблица характеризует современное состояние литературного языка (Т. Г. Терехова, 1962). Еще в конце XIX — начале XX века вещественные существительные с количественным значением даже в строгом стиле (клетка 3) имели окончание *-у*; вероятно, такое же окончание было типично и для отвлеченных существительных с количественным значением в нейтральном стиле (клетка 5).

Следовательно, относительно четко осуществлялся контраст между флексиями *-у* и *-а* как контраст падежно-грамматический. Однако он уже и в ту пору перебивался контрастом стилистическим.

Все три контраста были выражены неясно, один перебивал другой; развитие шло в пользу усиления стилистических противопоставлений. Оно осуществлялось и осуществляется в виде влияния строгого стиля на нейтральный: под воздействием *-а* в 6-й клетке распространяется *-а* в формах, обозначенных 3-ей клеткой таблицы; затем преобразуются формы 5-ой клетки и (в незначительной степени) 2-й.

В результате этого в большинстве случаев перестают различаться два родительных падежа — они оказываются контрастными только лишь в разговорном стиле. Напротив, стилистические противопоставле-

ния (разговорный стиль — неразговорные стили) приобретают резкость и последовательность.

Стилистика в этом случае использует грамматические средства, все более убивая в них грамматическое и освобождая их для чисто стилевых контрастов. Процесс этот продолжается и в настоящее время и протекает крайне противоречиво, капризно и сложно.

Г21. В некоторых случаях стилистическим содержанием наполняется параллелизм *инспекторы — инспектора, токари — токаря, отпуски — отпуска* и пр. Формы с *-а* ярко разговорны (и проникают в литературную речь частью из профессиональных говоров, частью из городского просторечия).

Несомненно стилистически разграничены формы сравнительной степени:

скорей — скорее — более скоро;
умней — умнее — более умно;
веселей — веселее — более весело.

Только в этой серии форм представлены все члены стилистической парадигмы: разговорная форма, нейтральная и форма книжного (строгого) стиля. Стилистически различаются и образования превосходной степени: *строжайший — самый строгий, умнейший — самый умный* и т. д.

В современном русском языке, в связи с распространением аналитических форм, с возрастанием их частотности, с проникновением их в разные речевые жанры, эти стилистические контрасты постепенно тускнеют, а аналитические формы сравнения медленно сдвигаются в область нейтрального стиля.

Г22. Стилистически окрашенными иногда бывают значения определенных словоформ. Например, использование единственного числа существительных в значении множественности характеризует разговорный стиль: *Гвоздь у нас только короткий, длинных в продаже нет; Дыня у нас уродилась в этом году хорошая* и т. д. В нейтральном стиле здесь следовало бы ожидать употребления форм множественного числа. Мнение, что использование форм единственного числа в собирательном значении постепенно становится более редким, надо признать неточным: они постепенно приобретают все более ясную разговорную окраску и поэтому реже проникают в тексты, лишенные этой окраски. Употребление этой формы как собирательной в разговорных жанрах поддерживается профессиональной речью.

Г23. В целом стилистические функции словоизменительных аффиксов в русском языке нашей эпохи становятся более яркими и специализированными, к этому ведет:

усиление грамматической синонимии некоторых аффиксов, которая дает возможность использовать однозначные дублеты для чисто стилистических противопоставлений;

сужение сферы использования некоторых книжных вариантов флексий (а это при известных условиях усиливает окрашенность показателей книжного стиля);

специализация некоторых форм в определенных значениях как показателей окрашенных стилей.

Однако система стилистических показателей в области словоизменения остается резко асимметричной: стилистически выразительными оказываются флексии только имен, а глагольные показатели последователь-

но нейтральны[43]. Значит, и здесь глагол обнаруживает свою контрастность по отношению к имени.

Асимметричность стилистической системы в словоизменительных формах проявляется и в том, что сравнительно многочисленны показатели разговорного стиля и очень невелико число ярких показателей строгого стиля и его подстилей (книжного, ораторского, поэтического).

Г24. Для русского литературного языка нашего времени характерно усиленное воздействие разговорного стиля на нейтральный; менее ярко и напряженно, но все же существенно, воздействие строгих подстилей на нейтральный стиль. Такие стилистические взаимодействия свойственны лексике, словообразованию, фонетике.

В словоизменении эти процессы также протекают, но в очень ослабленной форме (см. § Г19 — Г22).

Причина такой ослабленности стилевых взаимодействий в словоизменительной системе, может быть, кроется именно в асимметричности и неполноте флексийных стилевых показателей. Влияние окрашенных стилей на нейтральный означало бы превращение окрашенных показателей в стилистически неокрашенные, т. е. привело бы к уменьшению и без того незначительного числа сигналов разговорности или книжности в словоизменении.

Во всех ярусах языка идет усиление стилистических противопоставлений; при наличии устойчивой и расчлененной системы показателей разговорности — книжности этому процессу размежевания не вредит противоположная тенденция: к обострению взаимовлияния стилей. Показатели окрашенности текста, ушедшие в нейтральный стиль, замещаются при этом новыми показателями.

Иное дело в словоизменении: резервы новых стилистических показателей здесь крайне ограничены (ввиду строгой замкнутости словоизменительной системы). Потеря некоторых стилистических показателей в результате их перехода в нейтральный стиль привела бы к тому, что словоизменение, резко контрастируя с другими ярусами языка, оказалось бы стилистически обескровленным, лишенным стилевых красок.

Итак, столкнулись две тенденции. Одна, вызванная социальными условиями существования русского языка, усиливала влияние разговорного (и книжного) стиля на нейтральный. Другая, внутриязыковая, вела словоизменение, подобно другим ярусам языка, к углублению стилистических размежеваний. Господствующей оказалась внутриязыковая тенденция.

Д25. В словоизменительной системе русского языка ряд процессов связан с продуктивностью и непродуктивностью моделей.

Понятие синхронной продуктивности в приложении к словоизменению имеет свои важные особенности. Для продуктивности в словообразовании, как уже говорилось, важна однотипность в соотношениях производной и производящей единицы[44]. Например, образования *разбрасыватель, излучатель, копнитель* продуктивны, так как у всех этих образований: а) есть соотношение с однотипными образованиями менее сложного морфологического строения — *разбрасыва-ть, излуча-ть, копни-ть,* (где *-ть* — флексия, способная заменяться рядом других глагольных флексий); б) семантическое отличие между производящей единицей и производной одинаково (указание на действие — указание на предмет, определяемый по характерному для него действию); в) фонетический об-

[43] Противопоставления *состареются — состарятся, выздоровеют — выздоровят, опротивеют — опротивят* (где образования с интерфиксом -эj- более книжны) очень слабы и маловыразительны.

[44] Производящая единица — менее сложна по составу, производная — более сложна. См. выше (раздел «Словообразование», § В 13).

лик присоединяемого элемента: *-тель* + нулевая флексия (в им. пад.) — всюду однотипен.

В словоизменительной парадигме, как правило, нет производящих и производных единиц. Определив данные образования как принадлежащие одной лексеме, мы отмечаем, что они отличаются только аффиксами типа N^b, т. е. указываем на их стандартные, однотипные для всех образований данного типа семантические отношения. Следовательно, вопрос о продуктивности того или иного словообразовательного типа — это вопрос о том, насколько стандартен и насколько распространен фонетический показатель данного типа для выражения высокостандартизованных (однотипных для всей серии форм) грамматических значений. Соотношения *махать — машут, пахать — пашут, вязать — вяжут* и т. д. встречаются у небольшой группы слов; соотношения *играть — играют, страдать — страдают, купать — купают* свойственны огромному количеству слов; эти количественные соотношения и имеют решающее значение для определения продуктивности словоизменительных типов (причем синхронная продуктивность здесь гораздо непосредственнее определяет диахроническую, чем в словообразовательных моделях)[45].

Анализ других случаев борьбы синонимических словоизменительных моделей подтверждает, что их судьба зависела от их синхронической продуктивности.

Д26. В 20-е годы, в начале 30-х многие малопродуктивные словоизменительные модели стали преобразовываться по типу продуктивных; ср. распространение в разговорной речи (в том числе и в письменном ее отражении) форм *сколько время, горит без пламя* и т. д.; *махает, пахает* и т. д.

Большинство этих «новообразований» не упрочилось в языке; в 30—50 годы, когда усилилась борьба за строгую нормативность речи, они были изгнаны из литературного употребления.

Здесь столкнулись две тенденции языкового развития. Одна направлена на изгнание из языка всяких исключений, малочисленных групп словоформ, противостоящих массовым типам словоизменения. Действие этой тенденции было облегчено социальными условиями бытования русского литературного языка.

Расширение социальной базы, демократизация русской литературной речи, передача литературных речевых навыков не по узкосемейным традициям, а более широкими путями — все это способствовало отказу от многих словоизменительных идиом, отказу иногда сознательному, но чаще — неосознанному.

Но существует и другая тенденция, свойственная развитию именно литературного языка: стремление к стабилизации, упрочению традиционных норм. И чем дальше идет развитие литературного языка, тем больше в нем накапливается культурных ценностей, тем сильнее стремление сохранить неизменными нормы языка. Эта тенденция объективно оправдана особыми функциями литературного языка — быть связующим средством между поколениями, быть формой национальной культуры.

Неслучайно, что вместе с ростом общей культуры того коллектива, который активно усваивал литературные языковые нормы (отказываясь от диалектных и просторечных), росло стремление овладеть этими нормами во всей их полноте, в том их воплощении, которое представлено трудами крупнейших деятелей русской демократической культуры.

---

[45] Если говорить точнее, имеет значение не только число отдельных образований такого-то типа, словарно засвидетельствованных; существенна и частотность каждой единицы. Достаточно четкое представление о продуктивности данного словоизменительного типа дает подсчет в тексте частотности его по сравнению с частотностью соотносительного типа словоизменения.

Неслучайно и то, что словоизменение — строго замкнутая система испытывает большее влияние этой второй тенденции (оберегающей историческую стабильность литературного языка), чем словообразование — система, гораздо менее замкнутая.

Е27. Словоформы в пределах парадигм отличаются не только аффиксами, но и а) размещением ударения; б) чередованием фонем в корне.

Сопоставление славянских языков позволяет, кажется, сделать такой вывод: в тех языках, где ударение не может быть использовано как грамматическое средство, сильно развито чередование фонем в грамматической роли — как средство подчеркнуть флексии и выделить их; и наоборот: широкое использование в морфологии ударения ограничивает использование чередования фонем (И. А. Бодуэн де Куртенэ, 1912). Это наблюдение важно и для изучения в русском языке соотношения ударения и чередования фонем внутри отдельных частей речи.

И ударение, и чередование фонем (морфологические диэремы) — суперсегментные грамматические показатели; в русском языке они обычно выступают в роли дополнительного (несамостоятельного) грамматического средства. Очевидно, между этими родственными показателями вполне возможно соперничество, отношения взаимоограничения и взаимовытеснения.

У существительных в современном русском языке морфологические чередования встречаются сравнительно редко (*друг — друзья; сон — сна; замок — замка...*). Разноместное ударение у существительных оказывается диахронически продуктивным: различия по ударению все более становятся дополнительным средством противопоставления форм единственного и множественного числа (Н. С. Поспелов, 1952). Точно так же у кратких прилагательных продуктивны формы множественного числа, противопоставленные формам единственного числа мужского и женского рода. Следовательно, и существительное, и прилагательное подчиняются общим тенденциям развития суперсегментных морфологических показателей (А. Б. Шапиро, 1948).

У глаголов чередование фонем присуще огромному числу лексических единиц. Вероятно, с этим связана тенденция упрочить систему неподвижного ударения на основе этих образований, выключить ударение из числа продуктивных глагольных грамматических различий.

Ж28. Как видно из сказанного, наиболее существенным для словоизменения было развитие разнообразных форм аналитизма. Остальные процессы (стилистическое взаимодействие, распространение одних грамматических значений под влиянием других и т. д.) имели ограниченный характер и затрагивали немногие единицы.

Развитие аналитизма тоже затрагивало отдельные частные участки системы, но этих частностей было сравнительно много, они были вовлечены в единое русло, отвечали общей тенденции: усилению аналитических форм в языке. Это движение затрагивало только имена. В качестве противодвижения возникало семантическое усложнение флексий глагола, усиление их деривационной функции.

Усиление аналитизма, пока еще незначительное, может в дальнейшем привести к значительной перестройке в грамматической системе, затронув даже такие существенные ее стороны, как соотношение частей речи, наиболее общих морфологических классов слов[46].

---

[46] См. об этом подробнее: М. В. Панов. О частях речи в русском языке. «Филологические науки», 1960, № 4.

СИНТАКСИС

Содержание раздела. — А(§1—7). Второстепенные члены предложения. Грамматические процессы, связанные с объединением единиц в синтаксические классы (члены предложения). Различное протекание этих процессов в разных стилях. — Б(§ 8—10). Изменения в сильном и «слабом» управлении; зависимость этих преобразований от бурных изменений, характерных для лексики послереволюционной эпохи. — В(§ 11—23). Стилистические различия в области синтаксиса. Влияние синтаксически окрашенных стилей на нейтральный стиль.

А1. Синтаксическое развитие простого предложения в русском языке XX века коснулось некоторых второстепенных членов, в первую очередь обстоятельств.

А2. Каждый член предложения имеет свое особое морфологизованное выражение; например, для определения — это прилагательное и причастие; для дополнения — это существительное и т. д. Однако члены предложения не тождественны частям речи; в сочетаниях *решил смело и без колебаний, два костюма — в клетку и темно-синий* и т. д. слова, имеющие одинаковую синтаксическую функцию, выражены разными морфологическими образованиями. Согласуемое слово *темно-синий* — морфологизованное выражение определения; *в клетку* присоединяется к нему с помощью союза *и*, следовательно, синтаксически равноценно, т. е. выполняет функцию определения. Разумеется, это верно и для зависимого слова в сочетании *ситец в клетку:* существенно не реальное соседство с сочетанием *и темно-синий*, а возможность такого соседства.

В сочетаниях *пишет быстро, пишет без помарок, пишет не ошибаясь* определяющие слова принадлежат к одному и тому же синтаксическому классу, так как возможны сочетания *пишет быстро и без помарок, пишет быстро и не ошибаясь.* Союзы *и, но, да, или* — грамматические показатели причастности слов разного морфологического оформления к одному члену предложения (Р. И. Аванесов, 1936)[47].

А3. Описание реальных группировок членов предложения в русском языке еще не сделано. Например, инфинитив в разных функциях обычно подравнивается то к подлежащему, то к дополнению, то к обстоятельству, хотя не сочетается сочинительной связью с морфологизованными выражениями этих членов. Следовательно, синтаксически он стоит изолированно и не входит в классы подлежащих, дополнений, обстоятельств (Д. Н. Шмелев, 1961).

---

[47] Сочинительные конструкции необходимо отличать от конструкций присоединительных; ср. *уезжаю на каникулы, и к родным, и в деревню!* Такие присоединительные конструкции (где союз *и* синонимичен союзу *и притом)* сопровождаются особой, очень определенной интонацией.

Классификация членов предложения должна исходить из того, какие единицы в каждой синтаксической позиции могут объединяться сочинительными союзами и какие находятся за пределами данного объединения, образуя свой особый класс (особый член предложения). Когда такие классы будут намечены для каждой позиции — приглагольной, присубстантивной и т. д., то окажется возможным сопоставление классов в разных позициях и их сведение в общеязыковую систему. Нет сомнения, что эти языковые синтаксические классы во многих случаях совпадут с традиционными членами предложения, но вряд ли во всех.

Традиционное разграничение членов предложения, однако, в известной степени отражает объективное строение синтаксических единиц: именно его и приходится принять в качестве исходного.

Определение — это зависимый синтаксический член, выраженный прилагательным[48] или такими словоформами, которые в данной синтаксической единице (предложении) могут соединяться сочинительными союзами с прилагательным.

Обстоятельство — это зависимый синтаксический член, не являющийся определением[49], который выражен наречиями или словоформами, способными сочетаться (в данной синтагме) с наречиями при помощи сочинительных союзов.

Дополнение — это член предложения, не являющийся определением и обстоятельством, который выражается косвенным падежом существительного.

Во всех сочетаниях инфинитив является особым членом предложения; отождествление его с определением, обстоятельством и дополнением носит неграмматический характер.

Следовательно, в сочетаниях *возражения брата, ответ без тени самодовольства, яйца вкрутую* зависимые члены являются определениями, так как возможны такие сочетания: *это возражения мои, а не брата*; *ответ уверенный, но без тени самодовольства; яйца сырые и вкрутую.*

А 4. Какие морфологические образования могут объединяться в пределах одного члена предложения — это вопрос о том, какие морфологические образования могут объединяться в предложении сочинительными союзами.

Способность к такому объединению исторически изменчива. Изменчиво и соотношение в речевом потоке сочетаний, в которых сочинительной связью объединены однотипные, морфологизованные члены предложения *(большой и сильный, быстро и умело, для брата и товарища)*, и сочетаний, где объединены морфологически разнотипные образования *(сильный и крутого нрава, быстро и без ошибок)*.

Все более частотными оказываются неморфологизованные определения и обстоятельства; учащаются случаи, когда в пределах сочинительной синтаксической единицы объединяются морфологически разнородные словоформы.

Объединение союзами *и, но, или...* морфологически однородных членов — случай предельно-полного выражения паратаксиса. Сочетания же типа *сильный и крутого нрава, быстро и без ошибок* уже имеют синтаксическую перспективу, не находятся совершенно в одной плоскости: синтаксическое преобразование существительных в слова, однородные с

---

[48] В том числе числительными прилагательными (*второй, сотый*) и местоименными прилагательными (*мой, тот*), а также причастиями («глагольными прилагательными»).

[49] Это замечание важно при анализе таких сочетаний, как *яйца вкрутую, связь впритык* и т. д.

прилагательными, не смогло преодолеть полностью предметность этих слов — оттенки «дополнительности» остаются.

Распространение описанных выше сочетаний, однородных синтаксически и неоднородных морфологически, — это частный случай возобладания конструкций, имеющих синтаксическую перспективу, над абсолютно паратактическими.

А5. Синтаксические классы, называемые членами предложения, сами исторически подвижны и активны.

В значительной степени справедливо, что члены предложения — это классы не только синтаксические, но и лексико-синтаксические (А. Б. Шапиро, 1957). С синтаксической стороны, казалось бы, между сочетаниями *быстро ехал, вчера ехал, далеко ехал* нет разницы, так же как синтаксически тождественны зависимые слова в сочетаниях *быстрая езда, вчерашняя езда и дальняя езда* (А. Б. Шапиро, 1958). Но сочинительные объединения типа *ехал вчера и быстро* не реальны; мешает лексическая разница в значениях наречий.

Определения же могут объединяться в сочинительные сочетания независимо от разного лексического значения отдельных прилагательных. Ср.: а) *ездили вчера и в прошлом году; вчерашняя и прошлогодняя поездки.* Здесь семантически однородные обстоятельства так же допускают объединение сочинительной связью, как и соотносительные с ними определения; б) *(ездили вчера и за границу) — вчерашняя и заграничная поездки...; (ездили по служебным делам и на Дальний Восток...) — служебная и дальневосточная поездки...* Здесь возможными оказались сочинительные сочетания определений, но не обстоятельств, хотя обстоятельства семантически соотносительны с определениями.

Имеет значение, очевидно, возможность избрать форму множественного числа существительных: она покажет, что имеются в виду качества разных сопоставимых и однородных объектов. Характерно, что сочетания типа *вчерашняя и быстрая* езда невозможны, так как слово *езда* лишено форм мн. числа[50].

Напротив, глагольные формы мн. числа показывают не раздельность (множественность) действий, а множественность действователей; поэтому словосочетание *ездили вчера и за границу* описывает одно действие, но с разных, не связанных друг с другом точек зрения — отсюда непривычность союза *и* между такими обстоятельствами. Есть и другие причины, объясняющие, почему возможно сочинительное объединение любых двух прилагательных, но не любых двух наречий.

А6. В результате этого класс определений синтаксически един и целостен. «Наиболее глубоко и всесторонне развиваются процессы обобщения в системе определительных или атрибутивных конструкций. Поэтому подведение всего многообразия связей этого типа под категорию «определения» меньше всего вызывает затруднений и даже возражений» (В. В. Виноградов, 1954).

Класс же обстоятельств, разобщенный невозможностью соединить сочинительной связью семантически различные лексемы, остается синтаксически недостаточно обобщенным, недостаточно грамматически единым.

Но в современном русском языке сильны тенденции к преодолению этой раздвоенности. Путь к этому один: усиление грамматически-отвлеченного в обстоятельственных членах предложения за счет лексически-разнородного.

---

[50] Однако возможны сочетания типа *вчерашняя и заграничная поездка — обе мне одинаково понравились,* так как у существительных, имеющих формы и ед. и мн. числа, ед. число (немаркированный член) способно обозначать множественность.

Все наречия делятся на две группы: обстоятельственные и качественные. К последним относятся наречия меры и образа действия. Различие между этими двумя группами идет по многим линиям; синтаксически существенно, что качественные наречия способны вступать в сочинительные связи с различными обстоятельственными наречиями, усиливая их качественные оттенки; ср.: *поездка вовсе не была нам в тягость: ехали домой и налегке;* или: *работали дружно, а ведь в этих местах работать зимой и без устали — не всякому под силу,* и т. д. (напротив, разнородные обстоятельственные наречия друг с другом не сочетаются сочинительной связью). Поскольку морфологизованное обстоятельство — наречие — допускает сочетания типа *домой и налегке, зимой и без устали,* постольку и соотносительные неморфологизованные обстоятельства их допускают, ср.: *было весело — ехали на дачу и с подругами; в горы отправились сразу после грозы и без провожатого* и т. д.[51]

Распространение таких конструкций может способствовать сплочению, слиянию в синтаксически единое целое класса обстоятельств. Насколько интенсивны эти процессы в современном русском языке, могли бы показать статистические подсчеты сочинительных единств разного типа: «обстоятельство времени + обстоятельство времени» contra, «обстоятельство времени + обстоятельство образа действия» и под.

А7. Распространение сочетаний, в которых сочинительно объединяются разные морфологические образования или семантически неоднородные конструкции (например, временные и качественные обстоятельственные слова), неодинаково в различных стилях.

Такие сочетания особенно характерны для книжного стиля. В разговорном стиле слишком сильны устремления к автоматизации речи, к повторности языкового материала, к его синтагматическому выравниванию. Важно и то, что в разговорном стиле существует множество регулярных словообразовательных моделей, позволяющих свободно строить морфологически однородные сочинительные сочетания. Ср. *вал работает без перегрузки и без накалки* (разг.) —... *без перегрузки и не накаливаясь* (книжн., нейтр.); *все придумано по-деловому и по-современному* (разг.) — ... *по-деловому и в духе современности* (книжн.).

С другой стороны, качественные оттенки у наречий, как более отвлеченные, часто бывают усилены именно в книжной речи; они осложняют даже и некачественные наречия, делая их способными соединяться с наречиями меры и образа действия. Такие соединения, в свою очередь, подчеркивают и поддерживают эти качественные значения[52].

Б8. Глагольное управление[53] может охватывать такие случаи:

а) Глаголы расчленены на семантические классы; все лексемы, принадлежащие к данному семантическому классу, требуют дополнения в одном и том же падеже; в другом классе дополнение стоит в другом падеже, и он тоже обязателен для всех глаголов этого класса. В этом случае выбор падежа мотивирован семантикой глагола (или: принадлежностью глагола к определенному семантическому классу).

---

[51] В некоторых случаях эти сочинительные конструкции возникают в результате замещения присоединительной интонации сочинительной; такая переинтеграция подобных сочетаний характерна для разговорной речи.

[52] Таким образом, качественные оттенки усиливаются в современном русском языке и у наречий, и у прилагательных, но у прилагательных — морфологическим путем (см. выше раздел «Словоизменение», § 25); а у наречий — лексико-синтаксическим.

[53] Согласование основано на том, что мена флексий у главного слова вызывает мену флексий у зависимого (а меняется ли основа главного слова — не существенно). Управление основано на том, что мена основы у главного слова вызывает мену флексий у зависимого (а меняется ли флексия у главного слова — не существенно). Разумеется, мена основ у главного слова означает замещение одной лексемы другой.

б) Существует ряд глаголов одного и того же семантического класса, но каждый из них требует дополнения в своем особом падеже. Если классифицировать глаголы по тому, какого падежа они требуют, то внутри каждого такого класса не окажется семантического единства. В этом случае падежная форма не мотивирована семантикой глагола, она фразеологизована, лишена своего особого значения. В таких случаях, как *заслужить что, заслуживать чего; препятствовать чему, тормозить что; поражаться чем, удивляться чему*; *презирать кого, пренебрегать кем* и т. д., выбор падежной формы фразеологизован; грамматическое значение дополнения везде одно и то же — объект, наличие которого делает возможным данное действие. Сопоставление с другими языками легко обнаруживает условность выбора падежа в таких случаях.

в) Возможен случай, когда определенная падежная форма в своем стабильном значении присоединяется ко всем глаголам, но эта связь уже выходит за пределы управления (см. выше его определение) и является примыканием.

Случаи «а» и «б» обычно называют сильным управлением; случай «в» условно назван слабым управлением.

В современном русском языке значение объекта, наличие которого делает возможным данное действие, выражено по типу «а» и «б», т. е. его выражение в той или иной степени фразеологично/позиционно обусловлено (причем тем более фразеологично, чем менее позиционно обусловлено). Грамматическое значение этого зависимого члена (объект, без которого реализация действия невозможна) обусловливает его неизбежность в контексте. Таким образом, в русском языке сильно управляемый член, т. е. член с фразеологизированным значением падежной формы,— всегда неизбежный спутник глагола, вызывающего эту фразеологизацию. Почти все другие падежные значения передаются слабым управлением (т. е. осуществляются отношения типа «в», иногда осложненные отношениями типа «а»).

Б9. Типы слабого управления в современном русском языке непрерывно обогащаются и в речевом потоке становятся все более частыми. Таким образом, число различных морфологических единиц, возможных при глаголах любого семантико-грамматического типа, возрастает.

В области сильного управления заметны тенденции усилить отношения типа «а» за счет отношений типа «б», т. е. уменьшить фразеологичность связей, усилив их позиционную мотивированность. Ср., например, распространение выражений: *потребность чего* (под влиянием *жажда чего*), *удостоить чем* (под влиянием наградить чем), *смириться с чем* (под влиянием *примириться с чем*) и т. д. Следовательно, слова одного семантического класса стремятся объединиться одним типом связи с подчиненным (управляемым) словом. При этом обнаруживается влияние одних грамматических конструкций на другие; например, глагольных на именные; это особенно характерно для книжных (деловых, газетно-публицистических) стилей. Возникают сложные взаимодействия и противодействия разных принципов унификации связей управления: действуют силы выравнивания в группах семантически однородных слов, в грамматических классах, в словообразовательно связанных лексемах. Однако всякие новации в управлении обычно встречают сильное сопротивление традиции. Все же они достаточно широко распространяются в разговорной речи, а некоторые из них проникают и в частные разновидности строгого стиля (например, в газетно-публицистическую речь).

Б10. Развитие слабого управления связано с ростом предложно-падежных конструкций, передающих обстоятельственные и определительные значения. Идет обостренное синонимическое соперничество этих

конструкций, их смысловое и стилистическое размежевание. Продуктивность одних предложно-падежных образований усиливается (т. е. перестает сдерживаться конкурирующими конструкциями), продуктивность других падает. Например, в причинном значении используются конструкции с предлогом *от* — они наиболее продуктивны; менее продуктивны конструкции с предлогами *с, из-за;* непродуктивны сочетания с предлогом *из* в этом значении (В. П. Сухотин, 1960).

Процессы эти частично связаны с бурным развитием лексики в нашу эпоху: развитие новых значений у слов стимулирует появление новых предложно-падежных сочетаний, распространение данной предложно-падежной модели на целую группу слов, претерпевающих однотипные семантические изменения. /

В11. Стилистические разграничения в синтаксисе резки и глубоки; они особенно обострились и усилились в нашу эпоху. Некоторые из них уже были упомянуты при описании изменений в синтаксических классах слов, в типах управления. Необходим более подробный перечень особенностей синтаксических стилей и их взаимодействий.

Разговорный стиль[54] все более обособляется от нейтрального (и тем более — от строгого). Конечно, любое высказывание, оформленное по синтаксическим моделям разговорного стиля, может быть пересказано и в нейтральном стиле, но вряд ли верно считать, что разговорные синтаксические модели — это сокращение или упрощение моделей нейтрального стиля. Во многих случаях синтаксические единицы имеют свои принципы построения, свою особую модель. В некоторых случаях они обособливаются от системы нейтрального стиля, и ряд синтаксических значений, передаваемых разговорными синтаксическими моделями, оказывается синтаксически непередаваемым в других стилях; это касается, например, ряда модальных, субъективных и объективных, оттенков (Н. Ю. Шведова, 1960).

Характерно, что подобное соотношение налицо и между нейтральной синтаксической системой литературного языка и синтаксисом говоров: «Непротивопоставленные различия являются особенностью синтаксического строя русских говоров, отличающей его от строя фонетического и морфологического. При помощи конструкций, образующих непротивопоставленные различия, в говорах иногда могут быть выражены такие оттенки значения, которые не передаются никакими другими конструкциями в других говорах или в литературном языке» (И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко, 1962).

Очевидно, в самой сущности синтаксической системы заложена возможность более далекого расхождения между моделями разных говоров или разных стилей.

В 12. Для русского языка нашей эпохи характерно, с одной стороны, резко возросшее обособление синтаксиса разговорной речи от синтаксиса речи стилистически нейтральной и строгой, с другой стороны — особо энергичное влияние разговорного синтаксиса на нейтральный и книжный. Эти две противоречивые тенденции, однако, не уравновешивают друг друга.

---

[54] Когда говорят о разговорном синтаксисе, то обычно имеют в виду противопоставление: устная речь — письменная речь; разговорное отождествляют с устным. Это разграничение в действительности является вторичным и производным от основного: стиль разговорный — стили нейтральный и книжный. Но разговорный стиль чаще всего воплощается в устной речи (хотя и не только в ней), а книжный — в письменной речи (однако не всегда именно в ней). Поэтому противопоставление устная — письменная речь можно использовать, с известными поправками, для характеристики стилевых контрастов.

www.ruslang.ru

В 20-е годы, когда значение литературной нормы было ослаблено, должно было бы усилиться влияние разговорного синтаксиса на книжный. В массовых масштабах этого, однако, не случилось; причины неясны, и их следует изучить. Тем не менее влияние разговорного стиля на нейтральный в синтаксическом ярусе все же было очень значительным.

В 30—40-е годы, когда значение нормы было восстановлено (и отчасти гипертрофировано), путь разговорным синтаксическим нормам в нейтральную речь оказался закрытым. Поэтому, несмотря на общее усиление взаимодействия синтаксических стилей, несмотря на влияние разговорной речи на нейтральный стиль, разрыв между разговорным и неразговорным синтаксисом в последние полвека увеличивался.

Отчасти это, может быть, обусловлено внутренними законами развития языка. Но значительную роль сыграли и общественные условия развития литературного языка нашей эпохи. Разговорная речь получила особое значение в связи с демократизацией русского языка; усилилось влияние диалектов на литературный язык. Это создавало особо благоприятные условия для использования многих синтаксических явлений, ранее существовавших в диалектах, в пограничной области между литературной речью и просторечием, для стилистических целей.

Ниже перечисляются некоторые особенности разговорного синтаксиса, которые так или иначе оказывали влияние на синтаксис нейтрального и книжного стиля, иногда не без содействия диалектной речи.

В13. Так называемое актуальное членение предложения осуществляется с помощью порядка слов и интонационных средств. Его активная, контрастная, преобразующая роль по отношению к грамматическому членению предложений особенно очевидна в разговорном стиле; это было неоднократно указано в синтаксических работах, в частности, и по отношению к русскому языку (А. М. Пешковский, 1912; И. П. Распопов, 1961). Напротив, в «наиболее объективной сфере языка», например, в научных, книжных стилях, обычным является соответствие между тем, что сейчас называют актуальным членением предложения, и его грамматической расчлененностью (А. М. Пешковский, 1922).

Влияние разговорной речи на книжные ее разновидности, возможно, сделало это строгое соответствие в нашу эпоху менее обязательным, менее обычным и для книжных стилей.

В разговорной же речи актуальная расчлененность предложения достигла особенной резкости, она уже не только накладывается на грамматическую структуру предложения, используя неграмматические показатели,— в разговорной речи актуальное членение предложения часто преобразует его грамматические связи. Тема и рема предложения в разговорной речи стремятся и грамматически обособиться и выделиться в два синтаксических сегмента (объединенных и разграниченных интонационными средствами).

Распространены так называемые предложения с существительно-местоименной конструкцией. Это предложения, в которых имя существительное, стоящее в начале предложения, затем повторяется в качестве местоимения; на существительном (выступающем как тема предложения) интонация значительно повышается; пауза отделяет его от ремы. «Говорящий сначала называет предмет, которому намерен приписать то или иное действие или признак..., как бы только показывает предмет слушателю, а уже затем высказывает полностью свою мысль, заменяя название предмета местоимением» (А. Б. Шапиро, 1953).

В эту конструкцию, в качестве темы(основы предложения) втягиваются не только формы им. падежа, но и формы косвенных падежей: *В других местах — там такой ягоды не увидишь...* и пр.

Типы таких существительно-местоименных конструкций многообразны; они широко распространены в разговорных стилях литературного языка. Отчасти это, вероятно, связано с говорами, в которых такие построения очень употребительны; они распространены едва ли не на всей русской диалектной территории.

Расчленение на тему и рему как на отдельные синтаксические сегменты может и не сопровождаться повторением местоимения: — *Никитские ворота, это — следующая?* или:— *«Английская новелла»* — у вас *уже прошло?* (обращение к продавцу книжного магазина) и т. д.

Изучение типов таких предложений, их распространенности, их функциональных особенностей, влияния таких конструкций на публицистическую речь, преобразования их в риторических и книжных стилях — все это, несомненно, позволит определить важные закономерности в развитии русского синтаксиса нашей эпохи.

В14. В разговорной речи более значительна общая расчлененность предложения, чем в других функциональных разновидностях русского языка. Это касается не только усиления границы между темой и ремой, но и членения внутри каждой из этих групп. Разговорный синтаксис часто преобразует связь подчинения в связь присоединения; углубляются паузы между членами подчинительного словосочетания, усиливаются второстепенные ударения и т. д. Отдельные отрезки темы или ремы получают бóльшую законченность; они становятся как бы отдельными предложениями — это, естественно, снижает значение «большого» предложения как грамматического единства (А. Б. Шапиро, 1953). Конструкции, которые в нормах нейтрального стиля должны были бы оцениваться как предложения с однородными членами, в разговорном стиле часто имеют глубокие, удлиненные паузы, и это превращает такие конструкции в ряд неполных однородных предложений (А. Б.Шапиро, 1953). Все эти явления хорошо известны в говорах; можно думать, что и здесь диалектное влияние способствовало их распространению в разговорной речи.

В15. Интонационная расчлененность предложения, характерная для разговорного стиля литературного языка и для диалектной речи, иногда позволяет простое предложение рассматривать как эквивалент сложноподчиненного предложения нейтрального стиля.

«Есть существенная разница между внутренними взаимоотношениями словесных групп, если сказать: *К нашему берегу не привалит хорошее дерево* без паузы внутри предложения и с одним фразовым ударением и если сказать: *К нашему берегу // не привалит хорошее дерево* с паузой на месте вертикальной черты и с двумя фразовыми ударениями (на словах *нашему* и *привалит*). Во втором случае получается примерно следующее: *«Если говорить о нашем береге* (или *«что касается нашего берега...»), то к нему не привалит хорошее дерево»*. В предложении *Ты / никогда этого не поймешь* пауза после *ты* и два фразовых ударения (на словах *ты* и *никогда*) создают примерно такое взаимоотношение: *«Если говорить о тебе* (или *«что касается тебя»), то ты никогда этого не поймешь»* (А. Б. Шапиро, 1953). Таким образом, необходимость в сложноподчиненных предложениях разговорная речь испытывает в значительно меньшей степени, чем иные стили. Отсюда, очевидно, и меньшая расчлененность, дифференцированность придаточных предложений в разговорной речи по сравнению с книжной (А. Б. Шапиро, 1953).

Напротив, различные виды присоединительной связи, как уже говорилось, развиты в разговорной речи очень значительно; они оказывают сильное влияние и на другие стили литературного языка.

В16. Разговорная речь часто строится как цепь реплик; при этом

последующая реплика зависит от предыдущей, «порождена» ею в некоторых существенных особенностях своего строения. В такой диалогической форме особенно резко проявляются законы разговорного синтаксиса. Например, характерно повторение части предыдущей реплики:— *А на выставке уже побывал? — На выставке? Нет, не успел,* или: *— Петров к вам заходил?—Петров? Нет, не видел его.* Такой «повтор—общенародное явление русской диалогической речи, и нужно сказать, что непринужденный разговор почти всегда включает в себя повторы как конструктивный элемент диалога» (Н. Ю. Шведова, 1960). Здесь проявляется (в особой форме) резкое членение сообщения на тему и рему: обычно тема отражена в виде повтора-вопроса, а за ним следует рема. Такое членение — характерная черта разговорной речи; об этом уже говорилось. Еще более резко здесь выступает другая особенность разговорной речи: стремление к стабилизованности построений, к использованию в реплике готового речевого материала, к шаблонизации речи, отсюда — склонность разговорной речи к лексическому и морфологическому параллелизму в двух связанных между собой репликах, в сложносочиненных предложениях и т. д. Этот принцип построения единиц сообщения характеризует и литературный разговорный синтаксис, и синтаксис говоров (А. Б. Шапиро, 1953). Вероятно, распространение этих конструкций в литературном разговорном стиле было поддержано и усилено диалектным влиянием.

В17. В разговорном синтаксисе грамматически выражаются такие значения, которые в других стилях могут быть выражены только лексически. Средствами их выявления служат многочисленные частицы, модальные слова и т. д.

Система таких значений достаточно интенсивно развивается и дифференцируется. Разговорной речи свойственно широкое использование «связанных» грамматических значений, т. е. таких, которые появляются только в соседстве, в синтагматической связи с другими определенными значениями. Так, формы будущего времени глаголов совершенного вида могут использоваться в значении прошедшего времени только в соседстве с глагольными формами прошедшего времени. Такие «связанные» грамматические значения обусловлены контекстуально, «позиционно» (Д. Н. Шмелев, 1961). Они особенно характерны для разговорной речи и интенсивно в ней распространяются.

В18. Предложение одного и того же «материального состава» может оцениваться в книжном (и нейтральном) стиле как неполное, и как полное — в разговорном стиле. Это объясняется тем, что в одном случае оно будет проектироваться на соотносительный и более частотный тип предложения с развернутым составом и оцениваться по сравнению с этим типом как его редукция; в другом случае оно само оказывается наиболее частотным и явится фоном, основой для синтаксической оценки. Например, предложение *Отец дома* в разговорном стиле оценивается как полное; в книжных стилях оно окажется неполным на фоне более обычной конструкции *Отец находится дома* (И. А. Попова, 1957).

Распространение неполных конструкций в нейтральном и книжном (строгом) стилях и превращение таких конструкций в полные — в результате вытеснения других, более расчлененных конструкций — очень часто означает замену связей согласования, аффиксального соединения связями простого соположения слов (см. приведенный выше пример).

В19. Разговорная речь строится на использовании большого количества ритмико-мелодических приемов, образующих многостепенную и сложную систему противопоставлений. Давно известно, что служебные слова и интонация, выполняя однородные синтаксические функции, на-

ходятся, как синонимы, в отношениях конкуренции: усиление одного грамматического средства вызывает редукцию другого; ср. взаимоотношение вопросительных частиц и вопросительной интонации (А. М. Пешковский, 1928).

Поэтому вполне понятно стремление разговорного синтаксиса к бессоюзным связям там, где неразговорная речь (т. е. нейтральный и строгий стили) предпочитает использование союзов. Эта особенность опять-таки роднит разговорный синтаксис с диалектным (А. Б. Шапиро, 1953).

Порядок слов, суперсегментный синтаксический показатель, естественно, взаимодействует с другими суперсегментными показателями, в частности — с интонацией. Формы этого взаимодействия и их развитие в наше время подлежат исследованию.

В 20. Строгим, книжным стилям синтаксиса свойственны такие черты: развитие и дифференциация форм подчинительной связи, все более широкое использование обособленных оборотов, модальных слов и т. д., возрастающая частотность сложных членов предложения и сложных предложений, втягивание в синтаксически-однородные конструкции все более разнообразных морфологических единиц.

В 21. В русском литературном языке XIX века главными тенденциями развития сложноподчиненного предложения было, во-первых, стремление к наиболее тесному объединению частей и, во-вторых, тенденция к дифференциации структурных моделей (Н. С. Поспелов, 1961). Тенденции эти, особенно сильные в строгом, книжном стиле речи и характерные для него, очевидно, имели свое продолжение и в XX веке.

Одно из важнейших проявлений этих тенденций — развитие сложноподчиненных предложений. В XIX веке развивались так называемые двучленные типы сложных предложений, они все более четко отделялись от одночленных; это было характерно, например, для сложноподчиненных предложений с придаточным определительным (Н. С. Поспелов, 1961). Двусоставные сложноподчиненные предложения соотносительны со сложными предложениями, которые организованы сочинительной или присоединительной связью: *Сергея Николаевича, который готов был уже покинуть наше общество, в дверях остановили и уговорили вернуться = Сергей Николаевич готов был уже покинуть наше общество, но в дверях его...*; *Отряд поехал к берегу реки, которая медленно и холодно несла свои воды = Отряд подъехал к берегу реки; она...* (ср. одночленное предложение: *Отряд подъехал к берегу реки, которая была указана в его маршрутной карте*). Распространение двучленных сложноподчиненных предложений, как особый исторический процесс в грамматике, может быть связан только с ограничением употребления предложений сочинительных и присоединительных[55]. Это характерно для развития строгих, книжных типов литературного языка: связи сочинения и примыкания преобразуются в связи подчинения. В разговорном стиле, напротив, связи подчинения преобразуются в связи сочинительные и присоединительные (см. выше, § В14—В15).

В 22. Различия в развитии строгого и разговорного стилей, кажется, можно выразить формулой: строгому стилю свойственны устремления к слиянию и синтезу синтагматических единиц, а разговорному — к разде-

[55] Было бы неверно думать, что распространение двучленных предложений происходит за счет вытеснения одночленных предложений того же типа (напр. определительного). Одночленные предложения невозможно перевоплотить, «переоформить» в двучленные. Невозможность же трансформации говорит о том, что возрастание частотности употребления у одной конструкции (по сравнению с другой) обусловлено неграмматическими и нестилистическими причинами (например, большей общественной актуальностью тех значений, которые выражают только один из данных типов). В данном случае нет основания предполагать действие таких причин.

лению и расчлененности их. И то и другое движение приводит к синтагматическому усложнению единиц. Вместе с тем возрастает и количество единиц, противопоставленных в одной и той же позиции (например, число приглагольных слабоуправляемых предложно-падежных конструкций различных типов).

В 23. Нейтральный стиль в XX веке испытывал значительное влияние разговорного стиля, известное влияние оказывал на него и строгий стиль. Возможно, что разговорный стиль влиял на одни элементы синтаксической структуры в нейтральном стиле, а строгий — на другие.

Например, синтаксические связи между сказуемым и подлежащим, между сказуемым и обстоятельством все более превращаются в это время в соположение; морфологическое наполнение обстоятельственного члена предложения становится все более разнообразным и свободно варьирующимся. Вероятно, в обострении этого процесса, характерного для нейтрального стиля, повинно влияние разговорного стиля. Дифференциация, синтаксическое усложнение определений вызвано (или усилено) в нейтральном стиле влиянием книжных стилей.

Этими предположениями, очень общими и недостаточно обоснованными материалом, и приходится закончить раздел проспекта о синтаксисе.

ФОНЕТИКА

Содержание раздела. — А (§ 1—17). Основные преобразования в системе гласных и согласных. — Б (§ 18—26). Стилистические взаимовлияния в области фонетики. Роль сценической орфоэпии в распространении произносительных норм. — В (§ 27—28). Влияние на орфоэпические нормы путей усвоения литературного языка. — Г (§ 29—31). Стирание локальных и социальных различий в литературном произношении.

А1. В фонетической системе русского языка (и многих других славянских языков) длительно и непрерывно действует тенденция к упрощению системы гласных и к усложнению консонантной системы (И. А. Бодуэн де Куртенэ, 1922). Эта тенденция ярко проявлялась и в русском литературном языке XX века[56].

А2. Система гласных различителей в XX веке во многих позициях упрощалась в результате действия редукции. С конца XIX века стало быстро распространяться иканье и сделалось господствующей нормой в литературном языке. Таким образом, в первом предударном слоге после мягких оказались противопоставленными не 3, а 2 гласных различителя.

В заударной позиции совпали в звуке [ъ] ранее различавшиеся единицы [ъ] (=<а, о>) и [ы] (=<и>). Особенно сильно ущербность безударных гласных различителей заметна в разговорном стиле речи. Здесь в заударных слогах между мягкими согласными (или [j]) возможна редукция [у] до степени [ь]; ср. *челюсти, зреющий*[57], *синюю* и т. д. Явление это, очевидно, сравнительно новое. Раньше фонетисты отмечали, что данная редукция доходит только до степени [ü] (Л. В. Щерба, 1912; Р. Кошутич, 1919).

В разговорном стиле безударные гласные редуцируются до нуля; оглушаются в соседстве с глухими согласными (в заударных только слогах; А. М. Сухотин, 1934); передают свою слоговую функцию соседним сонорным согласным и т. д. Предстоит уточнить, в каких позициях это обычно происходит и какова степень факультативности каждой из этих замен.

А3. В некоторых случаях позиционные изменения гласных шли в противоположном направлении: противопоставленность фонетических

[56] Подробнее о действии этой тенденции в XVIII—XIX веках см.: М. В. Панов. О некоторых тенденциях в развитии фонетической системы русского литературного языка. «Тезисы докладов на совещании по проблемам изучения истории русского литературного языка нового времени». М., 1960, стр. 25—31.

[57] Описанная редукция в суффиксе причастий, возможно, поддерживается с грамматической аналогией; ср. *строящий, стоящий* (от *стоить*).

элементов для данной позиции увеличивалась, а не уменьшалась. Например, стало господствующим произношение *ш*[а]*гать, ж*[а]*ра* и т. д. Следовательно, в первом предударном слоге после [ш, ж] оказались возможными не 3 гласных различителя [ы, ы^{э}, у], а 4 [а, ы, ы^{э}, у]. Здесь действует тенденция к выравниванию системы: после [ш, ж] устанавливается та же система реализации фонем, что и после [ц]; эта система близка и к той, которая представлена после всех остальных твердых гласных.

А4. Итак, на гласные воздействуют две фонетические тенденции: а) постепенное усиление позиционных воздействий приводит к более значительной сигнификативной нивелировке гласных в безударных позициях; б) в отдельных случаях возобладала тенденция к выравниванию системы, к подведению отдельных исключений под общий тип фонетических соотношений. Это может способствовать сигнификативному усилению отдельных позиций.

Наиболее существенной является первая тенденция, нивелирующая гласные отличия в безударном положении.

А5. Система согласных, напротив, стремится к усложнению, к усилению своей функции фонемных разграничителей. Это выражаетя в изменении некоторых позиционных реализаций согласных фонем.

А6. В русском литературном языке начала нашего века могли быть: перед мягкими губными — только мягкие губные; перед мягкими губными — только мягкие зубные [58]; перед мягкими заднеязычными — только мягкие губные; перед мягкими зубными — только мягкие зубные; перед [j] — только мягкие согласные. Все эти позиции являлись слабыми для указанных разрядов фонем. В дальнейшем стойкость некоторых из этих регрессивных ассимиляционных замен оказалась поколебленной. Сейчас установилось твердое произношение согласных перед мягкими согласными в указанных сочетаниях (Р. И. Аванесов, 1950); процесс этот еще не завершен. У большого числа носителей литературного языка представлены следующие типы сочетаний: 1) мягкий зубной + мягкий губной: *разве , сидмя сидит* и т. д.; 2) твердый зубной + мягкий губной: *развит, надменный.* Произношение каждого из сочетаний связано с определенной лексикой и стабильно для широкого круга литературно говорящих людей. В позиции перед мягкими губными оказались возможными и твердые и мягкие согласные; позиция для зубных из слабой по твердости — мягкости стала сильной.

Такие же тенденции заметны и в ряде других сочетаний, указанных выше (положение перед [j], положение зубных перед зубными). Они проявляются в разной степени у говорящих, в зависимости от принадлежности их к определенным возрастным, социальным, локальным группам. С другой стороны, степень разрушения старой ассимилятивной зависимости определяется лексическими, грамматическими, стилистическими характеристиками тех единиц, где представлены данные сочетания. Возможно, что движение идет к полной замене мягких согласных твердыми перед следующими за ними мягкими (в указанных сочетаниях). Это движение уже захватило слова книжные, малочастотные *(развит, надменный),* но не коснулось еще разговорных и частотных *(сидмя сидит, разве).* Если так, то движение лишено фонологического содержания и оставляет данные позиции по-прежнему слабыми по твердости — мягкости (Р. И. Аванесов, 1950). Но возможно и другое предположение: а) налицо стремление к устранению мягких губных фонем из языка; оно находит поддержку и в ряде других явлений современного

[58] Это касается только парных по мягкости фонем.

русского языка, очень частных и мелких, но в целом определенных именно этой общей тенденцией; б) для сочетаний с первым зубным налицо стремление к превращению слабых позиций в сильные. Именно это предположение наиболее вероятно (ср. историю согласных в украинском, польском, чешском языках).

Но частотность зубных значительно выше, чем частотность губных (в частности, сочетания зубной+зубной, зубной+губной значительно частотнее, чем сочетания губной+губной, губной+заднеязычный); следовательно, в общем перевес окажется на стороне усиления различимости согласных фонем в речевом потоке.

А7. В фонемосочетаниях: <здн>, <стл>, <нтск>, <нтк>, <стк>... — по традиционным литературным нормам фонемы <д, т> редуцировались до нуля (Ф. Е. Корш, 1902; И. Люндель, 1911; Р. Кошутич, 1919; Д. Н. Ушаков, 1928). Новые произносительные нормы не допускают такой редукции. Эти новые нормы стали господствовать в нейтральном и книжном стиле, а для некоторых лексем утвердились и в разговорном (Р. И. Аванесов, 1950).

Это были слабые позиции для редуцированного согласного (и перцептивно, и сигнификативно), поскольку звуковой нуль мог в данных сочетаниях представлять несколько фонем. При отсутствии редукции фонем <д, т> до нуля слабость этих позиций уменьшилась.

А8. Ассимиляция по месту образования шумных зубных перед шумными передненебными в современном русском литературном языке является живой, как и в начале века. Ср. *расширить, разжалобить, возженный, отчалить, младший, тщательно, Ницше...* Эта ассимиляция распространялась и на сочетание <з|ч> (с морфологической границей между фонемами): слова *расчистить, исчерпать, исчислить, из частей, без чинов* произносились со звуком [ш']. Здесь налицо: а) регрессивная ассимиляция по месту мягкости и б) прогрессивная ассимиляция по способу артикуляции. Эта норма вытеснялась иной: на стыке корня и приставки или предлога и следующего за ним слова стало произноситься сочетание [ш', ч], т. е. была заторможена прогрессивная ассимиляция (Р. И. Аванесов, 1950).

В прежнем произношении были нейтрализованы фонемные сочетания: <сч>[59], <зч>, <шч>, <жч>, <ш'ч>, <стч>, <здч>, <счч>... <ш'>, <зш'>, <сш'>, <шш'>, <ш' ш'>... При новом типе произношения отпадают последние 5 членов в этом ряду. Таким образом, позиция становится более весомой в сигнификативном отношении. Степень распространенности этого произношения еще подлежит установлению.

А9. Диссимиляция [хк]=<кк>, <гк>; [γг]=<кг>, <гг>; [хч]=<кч>, <гч> сейчас является мертвой, но еще в начале века она была живой. Она охватывала все фонемные сочетания данного типа: *тягчайший, мягко, легко, легкая, мягче; к кому, к городу...* Сейчас такое произношение для многих лексем стало архаичным (Р. И. Аванесов, 1950). Следовательно, увеличилась сигнификативная полновесность данной позиции. При старых нормах произношения перед <к, г> нейтрализовались <х, к, г>; сейчас — только <к, г>. (Фонемный строй слов *мягко* и *легко* сейчас таков: <м'ахко, л'охко>).

А10. Перед <э> в русском языке встречаются, как правило, мягкие парные согласные. Считается, что мена твердых на соответствующие мягкие перед <э> и в наши дни остается позиционной, фонетической, неморфологизованной. Но высказываются и сомнения в справедливости такой точки зрения (Л. Трейджер, 1934). Если эти сомнения справедли-

[59] Также и <с'ч>. Мягкие соответствия везде опускаем.

вы, то, следовательно, положение перед <э> для современного русского литературного языка окажется сильным по твердости — мягкости. Многочисленные же мены согласных перед <э> надо в этом случае признать морфологизованными (ср. *стол — о столе*; *стена — о стене; умный — умнее; узда — уздечка*; *слепой — слепец*; *просмотр — просмотреть).*

Действительно, отдельные факты говорят о том, что приведенное мнение может оказаться справедливым. Ср. *Фрунзе* (с [з] твердым) и *фрунзенский* (с [з'] мягким): суффикс *-енск* (а не фонема <э> сама по себе!) требует перед собой морфологической мены парных твердых на мягкие. Важно учесть возможность таких новообразований в разговорной речи: *А ты по-прежнему все эх да ох! Отэхал свое — и проваливай!* (ср. *разэдакий).*

Актуальность этого изменения в позиционной характеристике согласных перед <э> возрастает с распространением и массовым усвоением терминологической, книжной лексики (различного типа заимствований, аббревиатур): *нэп, нэпман, нэпманек, ателье, темпы* и т. д. — без перемены сочетаний типа te в t'e.

А11. В некоторых случаях изменения согласных обусловлены тенденцией к выравниванию системы. Например, различные замены звуков [ш̄', ж̄'], проникающие в литературный язык, оказались возможными потому, что фонемы <ш̄', ж̄'> (долгие мягкие) изолированы в системе согласных. Произношение [ш̄' ч', ж̄'] вместо [ш̄', ж̄'] устраняет из языка фонемы <ш̄', ж̄'>; морфологические соотношения позволяют новые замены рассматривать как <сч, зч; жж, зж>. Морфологические чередования во многих случаях поддерживают такое осознание звуковых отрезков [ш̄', ч'] и [ж̄'] (Л. В. Щерба, 1937). Впрочем, эти произносительные новшества далеко еще не завоевали литературный язык.

А12. Итак, применительно к согласным действуют такие тенденции: а) уменьшение в ряде случаев их позиционной нивелировки; б) стремление к выравниванию системы. Эта вторая тенденция, как видно из изложенного, одинаково охватывает и гласные и согласные.

Первая же тенденция у согласных противоположна той, которая характеризует гласную систему. Противонаправленность этих тенденций объясняется следующим образом.

В звуковой системе русского языка информация, которую несут согласные, значительно больше, чем та, которую несут гласные. Усиление позиционных воздействий на гласные и уменьшение позиционной нивелировки согласных — это дальнейшее развитие сложившегося в языке функционального противопоставления класса гласных классу согласных; гласные начинают фонематически дублировать согласные, страхуя ту информацию, которую несут согласные. Они теряют свои собственные отличия (действие редукции) и приобретают значение добавочных сигнализаторов согласных (действие аккомодации).

А13. В лексике современного литературного языка есть особые слои, более или менее резко противопоставленные основному лексическому составу языка (бытовой, повседневной лексике). Это — терминология, топонимика, эмоциональная лексика (междометия, ласкательные и бранные прозвища). Слова этих групп имеют свои произносительные особенности; можно говорить о том, что в них представлены особые фонетические подсистемы русского языка (Г. Кучера, 1958).

Для фонетики терминологической подсистемы характерны такие черты: 1) наличие фонем, отсутствующих в общей системе: <h, ö, ü> и др. Вероятно, в этой системе долгие согласные надо считать в ряде случаев особыми фонемами; <м̄, н̄, л̄>... В общей фонетической системе [м̄, н̄, л̄]

естественно рассматривать как реализацию <мм, нн, лл>, но те основания, которые заставляют предпочесть это толкование для основной фонетической системы, отсутствуют или значительно ослаблены в фонетической подсистеме терминологической лексики. 2) Фонетической подсистеме, осуществляемой в терминологической лексике, свойственно особое позиционное распределение. Здесь, например, возможно противопоставление <о—а> в безударных слогах, явно отсутствует аккомодация согласных перед <э> и т. д.

Вместе с энергичным ростом терминологической лексики в современном русском языке непрерывно растет группа слов с сочетанием: твердый согласный+[э]. Некоторые из таких слов постепенно переходят из лексики специальной в общую лексику, не теряя при этом твердости согласных перед [э]: *ателье, стенд, детективный, модель, шоссе, безе...* В отдельных случаях слова такого типа, уже усвоившие мягкое произношение согласных перед [э], переживают сейчас реставрацию твердости (ср. *тенденция, энергия* и др.). Напротив, группа слов с [о] безударным, несмотря на усиливающееся влияние терминологической (и книжной вообще) речи на речь бытовую, стремительно убывает, и вряд ли в современном русском языке есть слова, у которых произношение этого безударного [о] было бы обязательным.

Развитие вторичных фонетических систем более непосредственно, чем в основной фонетической системе, связано с развитием лексики, с пополнением русской терминологии или топонимики, но все же оно не определяется только этим развитием. В некоторых случаях побочные системы удерживают особенности, которые преодолены общей фонетической системой, а в других — узаконили то, что́ еще медленно проникает в общую фонетическую систему. Таким образом, и здесь действуют внутренние фонетические законы. Влияние побочных фонетических систем на центральную (общую) вызывает в ней замедление одних фонетических процессов и ускорение других.

А14. Среди суперсегментных фонетических единиц требуют особого внимания диэремы. Они заметно усиливают свою функцию разграничения морфем. Это выражено в следующих частных процессах:

а) произношение <зч>, <сч> на стыке приставки и корня стало реализоваться в звукосочетании [ш' ч'] (см. об этом выше);

б) в некоторых звукосочетаниях ассимилятивная мягкость стабильна, если оба согласных принадлежат одной морфеме, и отсутствует, когда они разделены морфемной диэремой. В начале века ассимиляция охватывала и эти последние случаи;

в) увеличилось число случаев, когда в заударной части слова [ъ] следует после мягких согласных (что возможно только при наличии диэремы в фонемной модели слова).

А15. Усиление роли морфемных диэрем связано с изменениями в системе морфонологических чередований. С одной стороны, в русском языке на протяжении долгого времени действовали устремления к нивелировке морфонологических чередований согласных. Эти тенденции дают себя знать и в современном русском языке, но проявления их очень разбросанны и единичны: а) появились формы *ткёшь, ткёт, ткём, ткёте;* еще недавно существовали формы с чередованием: *тчёшь* и т. д.[60] Показательно появление в индивидуальной речи образований типа *берегя*; б) во многих прилагательных с суффиксом *-ск(ий)* утрачивается чередование согласных перед этим суффиксом: *казахский, лакский* и пр; в) формы *умертвлять, умертвленный* вытесняют старые формы *умерщвлять, умерщвленный* (даже в текстах высокой стилистической окраски).

[60] Еще в 20-х годах нашего века некоторые лингвисты (Г. Геровский) формы *ткёшь* и пр. считали диалектными.

Эти тенденции к отказу от нефонетических чередований на границе морфем, вероятно, затухают; их перебивают новые тенденции — к подчеркиванию границ между морфемами путем непозиционных мен согласных. Если мену твердых согласных на мягкие перед <э> считать в современном языке утратившей позиционный характер, то во множестве словоформ окажутся возникшими новые морфонологические (непозиционные) мены согласных, указывающие ,что далее следует постфикс определенного типа.

Многие морфологические модели, особенно продуктивные в современном русском языке, требуют мены согласных в образующей основе. Ср. наиболее продуктивный тип глагольного отыменного образования: *командир — командирить, луна — прилуниться.* Следовательно, подчеркивание морфемных разделов фонетическим способом (с помощью диэрем) прогрессирует параллельно с усилением морфологических способов указания на границу морфем.

А16. Ударение и полуударение — две иерархически соотнесенные суперсегментные единицы, которые, возможно, также испытали некоторые изменения в русском языке нашего времени. Усилилась функциональная роль полуударения. Вряд ли это связано с диалектными и просторечными влияниями на литературный язык; скорее имело значение массовое образование аббревиатур, сложных слов различного типа, распространение аналитических прилагательных (они очень часто односложны или двусложны и в этих случаях выделяются полуударением) и т. д.

А17. Общий вывод: в современном русском языке гласные-различители функционально ослабляются, согласные, напротив, усиливаются; суперсегментные различители тоже, по-видимому, становятся функционально более активными.

Б18. Эти тенденции по-разному проявляют себя в строгом, нейтральном и разговорном стиле речи.

Как уже говорилось, в разговорном стиле нивелировка гласных может быть доведена в отдельных случаях до предела. Если <у> между мягкими согласными в заударном слоге *(челюсти, зреющий, синюю)* превращается в [ь], то в этой позиции оказывается возможным только один гласный различитель, и [ь] представляет фонемы <а, о, э, у, и>.

Часто в этом стиле речи гласные превращены в позиционно обусловленные нули; ср.: слова *есть* и *десять* могут быть в быстрой речи омонимичны (Е. Д. Поливанов, 1934).

Усилена в этом стиле аккомодация гласных и согласных; например, *свидетель, свидетельство* произносится сви[д'и^{э}]тель, сви[д'и^{э}]тельство.

Часты случаи редукции до нуля; например, *ходит, видит* произносятся без [д'] (Е. Д. Поливанов, 1934); так же *пятьдесят* и под. (Р. И. Аванесов, 1950).

Ассимилятивное смягчение в этом стиле удерживается в сочетаниях зубной+зубной, зубной+губной; мягкость губных в ряде позиций оказывается ослабленной или даже полностью снятой.

Б19. Гласные реализации в этом стиле усиленно влияют на нейтральный произносительный стиль. Именно разговорная речь формирует большинство вокалических новшеств в нейтральном стиле.

Напротив, согласные реализации в разговорном стиле сами испытывают влияние нейтрального стиля. Например, произношение [студ'ёнка], [м'ъдал'йска] под влиянием нейтрального и строгого стилей перестало быть приемлемо и в разговорном стиле, т. е. вообще было отвергнуто литературным языком (Р. И. Аванесов, 1950).

Б20. Строгий стиль в основном сохраняет ту же систему реализации гласных фонем, которая характеризовала язык XIX века. Для этого сти-

ля, например, характерно эканье (различение <и—э> в некоторых безударных позициях), отсутствие редукции гласных до нуля даже рядом с сонорными в заударной позиции; ср. *проволока, жаворонок, наволочка* (для разговорного — а теперь, вероятно, и для нейтрального — стиля характерно произношение с полной редукцией гласного, стоящего рядом с [л, р]).

В системе согласных строгий стиль совершенно не допускает тех упрощений в группах согласных, к которым склонны (в частотных лексемах) другие стили. Строгий стиль сильнее, чем другие, преодолевает ассимилятивное смягчение.

Б21. Расширение значения публицистической речи, растущее влияние научного языка на другие речевые жанры обусловили сдвиг некоторых произносительных особенностей, ранее присущих книжному стилю речи[61], в стиль нейтральный. Например, отсутствие ассимиляции по мягкости в ряде сочетаний [дв' тв' зв' св' зм и некоторых других] было характерно для книжного стиля речи, и можно ожидать именно таких сочетаний в словах *подвиг, о битве, извет, возвеличить, светило, чрезмерно* и т. д. Но сейчас это произношение распространяется и в нейтральном стиле; произносится *двигать, твердый, свежий, звенеть, злее* и т. д. не только с мягкими зубными (перед губными), но и с твердыми; такое произношение распространилось достаточно широко.

Б22. Нейтральный стиль в течение последнего полувека изменялся как под влиянием разговорного, так и под влиянием строгого стиля произношения. На протяжении всей истории русского литературного языка особенности разговорного стиля постепенно проникают в нейтральный (теряя при этом характер разговорности). В последнее время этот процесс приобрел особую интенсивность; можно видеть в этом демократизацию литературного произношения, так как из всех стилей литературного языка до революции массам доступнее всего был именно разговорный стиль.

Именно из разговорного стиля постепенно проникло в нейтральный стиль йканье, произношение [ъ] в соответствии с <и> после твердых в закрытых заударных слогах и т. д.

Таким образом, в нейтральный стиль произношения проникали некоторые особенности консонантизма, ранее характерные только для книжного стиля речи, и некоторые особенности вокализма, присущие прежде всего разговорному стилю. Если учесть, что строгий стиль ослабляет позиционные взаимодействия в звуковых рядах, а разговорный усиливает их, то эти закономерности во взаимодействии нейтрального произносительного стиля с «окрашенными» стилями вполне определяются внутренними тенденциями в развитии русского фонетического строя (см. § 11)

Б23. Влияние нейтрального произносительного стиля на другие стили не было в последнее пятидесятилетие сколько-нибудь заметным.

Б24. Строгий произносительный стиль все более дифференцируется, все более дробится на подстили. Такие функциональные разновидности строгого стиля, как сценическая речь, ораторская, кафедральная и т. д., приобретают большую определенность и четче разграничиваются друг с другом.

Б25. Сценическое произношение консервативно; в подчеркнутой, демонстративной традиционности и заключается его общественная ценность. «Дом Щепкина» или «Дом Станиславского и Немировича-Данченко», храня художественные традиции, естественно, стремятся сберечь и сценическое воплощение этих традиций, вплоть до сценической речи, до

[61] Книжный стиль рассматривается как разновидность строгого стиля.

произносительной ее стороны. Однако сценическое произношение не может и оторваться от живой, разговорной, «быстротекущей» речи; отсюда — сложные, зачастую мучительно трудные пути обновления произносительных традиций на сцене. Резкий отпечаток на эволюцию сценического произношения накладывает также и смена театральных стилей и школ.

Как показали исследования советских языковедов (Г. О. Винокур, 1948; И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров, 1955; А. А. Реформатский, 1955), изучение этой эволюции очень важно для истории общелитературного произношения. Играя роли наших современников, артисты не могут сейчас последовательно выдерживать все щепкинские, традиционные для театра орфоэпические нормы; они неминуемо должны отказаться от некоторых из них. Проникновение новых орфоэпических норм на сцену, следовательно,— одно из свидетельств их полного господства в разговорной речи[62].

Б26. В распространении орфоэпических норм значительна роль современной песни. Давно отмечено, что песня, как правило, повторяется певцами с соблюдением тех произносительных особенностей, которые характеризовали ее первоисточник (А. А. Потебня, 1887; В. И. Чернышев, 1912; Н. Н. Дурново, 1914; В. Н. Сидоров, 1947; Р. И. Аванесов, 1948). Даже в деревнях с окающим или якающим произношением городскую песню поют, сохраняя литературное йканье или эканье. Это наблюдалось и в послеоктябрьскую эпоху (А. И. Селищев, 1924).

Песня, соединяя эстетическое впечатление с впечатлением от определенного типа произношения, убеждает и певца и его слушателей в том, что, например, эканье «красиво»; тем самым песня не только сама удерживает литературное произношение, но и пропагандирует его. Поскольку пение имеет свою орфоэпию, отличную от орфоэпии говорения, постольку вместе с песней в отдельных случаях могут распространяться именно те варианты литературного произношения, которые поддержаны песней; например, эканье, а не йканье.

Эканье устойчиво и неизменно характеризует русское пение во всех его разновидностях (Л. В. Щерба, 1938; А. А. Реформатский, 1955); оно же характерно для строгого произносительного стиля (С. И. Бернштейн, 1937; Р. И. Аванесов, 1950). Очевидно, та и другая произносительная система — певческая и «говорная» в строгом стиле — взаимно поддерживают друг друга и друг на друга влияют.

В27. Различные пути распространения литературного языка влияли на судьбу отдельных орфоэпических норм.

Когда навыки литературного произношения передавались по семейной традиции и усваивались еще в детстве, тогда были достаточно прочными многие орфоэпические фразеологизмы[63] (Е. Д. Поливанов, 1931). После революции семейные традиции перестали быть основным средством передачи навыков литературного говорения; это способствовало устранению многих произносительных фразеологизмов.

Устранение фразеологизмов в произношении, выравнивание системы определяется внутренними законами языка и протекает постоянно. Но в особых условиях развития литературного произношения в 20-е и 30-е годы эти тенденции стали проявляться более настойчиво и ускоренно. Именно в эти десятилетия энергично вытеснялось из речи произношение [шы^{э}, жы^{э}] в соответствии с <ша, жа> в первом предударном слоге,

---

[62] Здесь, конечно, имеется в виду не игровое использование речевых характерностей на сцене, а произносительный «фон».

[63] Под произносительными фразеологизмами понимаем такие особенности отдельных «закоулков» в фонетической системе языка, которые не поддержаны синхронно другими (соотносительными) элементами системы.

произношение [р'] перед губными и заднеязычными (после <э>) в ограниченной группе слов: *серп, первый, верба, верх* (Л. В. Щерба, 1937; А. С. Никулин, 1941) и ряд других орфоэпических фразеологизмов.

В первые послереволюционные годы основным учителем литературного произношения стала печать. Понятно, что произносительные нормы испытывали сильное влияние орфографии. Это влияние, затронув главным образом произношение отдельных слов или грамматических форм, в некоторых случаях оказалось важным и для фонетической системы языка (в связи с изменением частотностей определенных звукосочетаний)[64].

В28. В 30-е, 40-е годы и позднее большое значение для упрочения литературных норм имело развитие среднего образования, распространение радиовещания, дальнейший рост роли печати в жизни страны.

Радио, проникая в самые отдаленные уголки страны, становится одним из главных наставников для всех, кто овладевает литературным произношением. Именно на радиоречь и на речь, пропагандируемую звуковым кино, начинает ориентироваться молодое поколение в деревнях и в городах, постепенно отказываясь от диалектного и просторечного произношения.

В связи с широким развитием радио-, теле- и киновещания постепенно намечается падение «буквалистских» тенденций в произношении; орфоэпические нормы распространяются и на такие произносительные особенности, которые не подсказаны письмом.

Русская графика и орфография имеют фонемный характер, они обозначают лишь фонемы, не указывая их позиционной реализации. Поэтому система литературного иканья так же мало указана письмом, как, например, система диссимилятивного яканья; и диссимилятивное яканье находится в таком же отношении к современному письменному изображению русской речи, как и литературное иканье.

Письмо также не может указать на нормативное произношение отдельных звуковых единиц; например, буква «г» сама по себе не указывает на взрывное произношение обозначаемой ею фонемы.

Усиливающееся влияние радиоречи захватывает и эти произносительные особенности, приводит их к единству и нормализует.

С распространением радио значительно усиливается и влияние сценической речи (выступления артистов, передача спектаклей и т. д.).

Все это делает необходимым тщательное изучение современной радиоречи и ее влияния на общелитературное произношение.

Г29. Для развития литературного произношения нашего времени характерно стирание таких фонетических различий, которые не имеют функциональной нагрузки; некоторые из них исчезают, другие переосмысляются и функционально разграничиваются.

Г30. В начале века существовали различные локальные разновидности литературного произношения. Описаны (с разной степенью достоверности) особенности петербургского произношения (В. И. Чернышев, 1909; С. Г. Боянус, 1934; Л. В. Щерба, 1937; С. П. Обнорский, 1937 и 1946). Есть указания на отличия казанского (В. А. Богородицкий, 1908; А. И. Томсон, 1909) и прибалтийского русского литературного произношения (Е. Д. Поливанов, 1929), засвидетельствованы особенности южнорусской (Е. Д. Мальцев, 1947; Н. М. Каринский, 1928) литературной речи.

Эти локальные различия в литературном языке не были значительны даже и в XIX веке. Они характеризовали речь только некоторой части населения. Например, то, что описано как особенности петербургского

[64] См. «Вопросы языкознания», 1960, № 3, стр. 10—12.

произношения, было свойственно в первую очередь представителям чиновных слоев Петербурга, в известной степени — полумещанской среде. Значительные же круги интеллигенции владели стандартной «московской» литературной речью.

В последние десятилетия такие локальные различия стали значительно стушевываться. В демографическом отношении дореволюционная Россия была гораздо более расчлененной территориально, чем сейчас; это было обусловлено экономической замкнутостью отдельных районов страны, отсутствием значительных передвижений населения, недостаточным развитием широких транспортных связей между отдельными областями и т. д.

В последние полвека ряд исторических событий обусловил очень широкие перемещения населения. Это непосредственно способствовало постепенному исчезновению фонетических локальных различий в литературном языке. В какой степени они сохранились в настоящее время — еще предстоит изучить.

Направление, в котором шло выравнивание локальных отличий в произношении, определялось не только значением отдельных культурных центров в стране, но и внутренними тенденциями в языке. Например, петербургскому (столичному) произношению было свойственно эканье; московскому — йканье (Д. Н. Ушаков и Н. Н. Дурново, 1912; Р. Кошутич, 1919). В первые годы после революции петербургское (ленинградское) эканье, вероятно, даже усилилось: это было результатом усиленного влияния говоров на литературную речь в 20-е годы[65].

И все же господствующим в современном литературном произношении и для Москвы, и для Ленинграда стало иканье, так как оно позволяет полнее реализовать указанные выше (§ А12) тенденции в развитии русского вокализма.

Г31. До революции в литературной речи существовали социально обусловленные подтипы (ср., например, иронические замечания Ф. Е. Корша о произношении семинаристов, 1902). Многие из этих различий были устойчивыми и стандартизованными. Произношение, например, [blöf] *блеф* и под. свидетельствовало о принадлежности к определенной социальной среде и для представителей этой среды играло роль «рекомендательной характеристики» (Е. Д. Поливанов, 1931).

Иногда различия в произношении определялись обучением в том или ином закрытом учебном заведении (например, есть данные о ряде произносительных особенностей в речи воспитанников Петербургского училища правоведения).

Хотя эти произносительные отличия и касались только отдельных слов или отдельных лексических групп, все же они расчленяли литературное произношение на ряд подтипов. После Октябрьской революции многие из старых социальных перегородок исчезли, и вместе с ними — многие различия в произношении. Этот процесс коснулся в первую очередь произношения ряда заимствованных слов. Их фонетическое сближение со словами языка - источника стало оцениваться как претенциозное и противоречащее литературному стандарту. Ср. [portföl], [blöf], [klerk] и т. д.

Некоторые из этих фонетических особенностей изменили свою стилистическую квалификацию; раньше они были характерны для ней-

---

[65] Только этим можно объяснить следующий факт. В 1912 году Л. В. Щерба писал, что его поколение уже нейтрализовало <е—и> в первом предударном слоге, хотя предшествующее поколение их еще различало. В 1934 году Л. В. Щерба, напротив, настаивает на том, что в ленинградской речи (в отличие от московской) <е> в указанной позиции противопоставлено <и>; он настойчиво протестует против их смешения. Тонкий наблюдатель, Л. В. Щерба был прав, вероятно, и в том и в другом случае.

трального стиля, а теперь — для книжного, высокого; например, [поэ́т], [оа́з'ис] и под.

Другая группа произносительных вариантов стала рассматриваться как признак мещанской речи и на этом основании была табуирована; из явлений этого типа некоторые оказываются терпимыми только в подчеркнуто-разговорном стиле, но и из него постепенно вытесняются (медали[ск]а, ко[с'л']авый).

Новые социальные оценки произносительных факторов не всегда оказываются исторически достоверными. Не все, что оценивалось (в 20-е, 30-е, 40-е годы) как примета «аристократически-претенциозного» произношения или «мещански-жеманного», «мещански-вульгарного» действительно характеризовало речь только этих социальных групп. Например, произношение [бока́л], [кос't'у́м] и под., которое сейчас обычно квалифицируется как «аристократическое», в действительности было распространено в самых широких кругах интеллигенции (в том числе и демократической).

Социальная характеристика того или иного произносительного факта часто была лишь средством, с помощью которого прокладывали путь внутренние фонетические закономерности (например, стремление снизить информационный уровень гласных и поднять уровень согласных; см. приведенные выше примеры «мещанизмов» и «аристократизмов»). Отрицательную социальную оценку получали явления, стоящие на пути этих внутренних фонетических тенденций.

ПИСЬМО (ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ)

Содержание раздела. Основные принципы русской графики и орфографии. Усиление фонематического принципа.

1. Освещение истории русской графики и орфографии в последние полвека возможно только на основе четкого определения, каков основной принцип нашего письма. Современная русская орфография использует три принципа: 1) фонемный: знаки письма передают фонемы; 2) фонетический: знаки письма передают звуки языка; 3) традиционный: выбор письменных обозначений для передачи фонемы не обусловлен современной системой языка, живым строением данного слова. Традиционный принцип может дополнять фонемный или противоречить ему (И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров, 1953).

Высказывалось мнение, что современное русское письмо является в основном фонетическим (М. Н. Петерсон, 1955). Например, в слове *дом* все буквы точно соответствуют звукам; в слове *домами* 5 букв точно соответствуют звукам и лишь одна *(о)* противоречит фонетическому принципу письма. Из этого делается вывод, что в нашем письме господствует фонетический принцип.

Мнение это неубедительно; поясним это простым примером. По тени на стене надо решить, какое геометрическое тело ее отбрасывает. Тень имеет форму треугольника. Предполагаем, что это конус. Тело поворачиваем вокруг своей оси на 90°; тень — треугольник. Предположение остается прежним. Еще поворачиваем на 90° — опять треугольная тень. Мнение подтверждается. Поворачиваем основанием к стене; тень — квадрат. Делаем вывод: в основном у нас конус; 3 свидетельства в пользу этого вывода и лишь одно — против. Но ясно, что на самом деле у нас была пирамида, а не конус. Так обстоит дело и в приведенном случае. В слове *домами* 5 букв отвечают фонетическому принципу и 1 не отвечает ему. Но все 6 букв отвечают фонематическому принципу.

Если сравнить, сколько букв в потоке письменной речи пишется а) фонемно, б) фонетически; в[1]) традиционно, притом вопреки фонемному принципу, и в[2]) традиционно, в дополнение к фонематическому принципу, то окажется, что фонемных написаний преобладающее большинство (И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров, 1953). Отсюда вывод, что письмо наше в основном фонемно.

2. Было ли оно фонемным до реформы 1918 года? Проанализируем небольшой отрывок текста:

„*Сторонники и оберегатели* буквы ѣ р*ѣ*тиво *отс*таи*в*али *ее*; она п*ѣ*могае*т*ъ-де в*ѣ*рно суди*т*ь, *к*то писалъ: не*в*ѣ*ж*ды *или лица обра-*

зованныя. *Есть* у насъ, говорили они, *древнія* письменныя традиціи. Онѣ священны, и мѣнять ихъ нельзя. Тѣ, кто не видятъ великаго достоинства нашей письменности и не цѣнятъ ея, не имѣютъ права пользоваться ея благами. Разумѣется, все это были пустыя слова, и только. Иногда у этихъ словъ былъ свой социальный подтекстъ."

Курсивом отмечены традиционные написания (двух указанных выше типов: в[1] и в[2]). К ним отнесены следующие случаи: 1) Языковые соотношения позволяют в слабой позиции определить только гиперфонему; следовательно, фонемному принципу отвечало бы несколько букв; традиционно избирается одна (пример: *с обака*). 2) Языковые условия позволяют определить фонему, но она передается двумя различными буквами (буквенными «синонимами»), и выбор одной из них традиционен, т. е. не определяется фактами живого языка. Пример: *лѣто, крестъ* — в обоих случаях традиционен выбор букв ѣ или *е*; *міръ, мiръ, такіе, китъ* — традиционен выбор *и* или *і*; *Ѳилиппъ, Федоръ* — не мотивирован живым языком (т. е. традиционен) выбор буквы *Ѳ* или *Ф*...

Твердость согласных отмечается то знаком ъ *(разумеетъ, подъ)*, то отсутствием *ь—ъ(разумеется, подтекстъ)*. Употребление того и другого способа было регламентировано простым правилом; но самое правило никакого основания в живой речи не имело; живой речи не противоречили прямо противоположные написания: *разумеетъся, подътекст — разумеет, под*. Поэтому написание ъ в конце слов и отсутствие его после твердого согласного перед другим согласным — это традиционные написания, и они отмечены в тексте (*сторонники, буквы, отстаивали* и т. д.). 3) Буква пишется вопреки фонемному принципу; выбор ее традиционен *сегодня, сильнаго, ея* и пр. Всего в отрывке 148 традиционных написаний.

Вывод несомненен: до реформы 1918 года наше письмо было и фонемным и традиционным: его фонемная основа была сильно отягощена традиционными написаниями.

3. Реформа 1918 года, подготовленная трудами русских языковедов (Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, 1904 — 1912), оказалась подлинной революцией письма. Она преобразовала русскую графику, графические же изменения всегда отражаются и в орфографии; некоторые положения реформы касались и непосредственно орфографических вопросов. Перелом был резким: письмо стало не фонемно-традиционным, а фонемным. Из 148 традиционных написаний, отмеченных в приведенном выше отрывке, в новой орфографии традиционными[66] осталось всего 46; из них только 3—антифонемны (*великого, разумеется, социальный*).

В процессе подготовки реформы исследователи выяснили, всесторонне и глубоко, особенности и недостатки фонетической орфографии (Ф. Е. Корш, 1902; Р. Ф. Брандт, 1902; Л. В. Щерба, 1914), традиционной (А. И. Томсон, 1903); т. н. «морфологической» (Д. Н. Ушаков, 1911); эта теоретическая основа была очень важна для дальнейшего совершенствования русского письма.

К сожалению, собственно фонологическая точка зрения на письмо прямо высказана не была, хотя косвенные указания на этот принцип письма были сделаны (И. А. Бодуэн де Куртенэ, 1912; Р. Ф. Брандт, 1902). Однако все предложения Орфографической подкомиссии, подготовившей реформу, были по своей сущности строго фонемны (за исключением правила о правописании приставок, оканчивающихся фонемой <з>).

[66] В тексте на стр. 91—92 они отмечены полужирным курсивом.

4. Превращение фонемно-традиционного письма в фонемное шло двумя путями. О первом уже сказано: реформой были изгнаны из письма многие традиционализмы. Дальнейшее усовершенствование русского письма привело к уничтожению некоторых других традиционных написаний (см. сл. параграф).

С другой стороны, произносительные нормы отдельных слов и грамматических форм изменялись под влиянием орфографии. Для начала века написания *стремлюсь, стремились; видятъ, терпятъ*; *строгий, ломкий, тихий; старый, смирный; протягивать, вскакивать, отмахиваться* и под. были традиционными, так как стандартное литературное произношение свидетельствовало о таком фонемном составе этих форм, которое нужно было бы передавать другими буквосочетаниями *(стремлюсъ, стремилисъ*; *видютъ, терпютъ*; *строгой, ломкой, тихой*; *старой, смирной*; *протяговать, вскаковать, отмаховаться)*. Под влиянием письма произношение (и фонемный состав) этих форм изменился. Сейчас уже написания в этих случаях надо считать фонемными, а не традиционными: они мотивированы фонемным строем данных форм.

5. В послереволюционные годы влияние письма на произношение усилилось. Кроме причин, уже указанных выше, была еще одна. Реформа приблизила письмо к живой речи (т. е. отменила целый ряд традиционных, а не фонемных написаний). Но приближение орфографии к живой речи обычно вызывает и движение в другом направлении: произношение начинает испытывать сильное влияние орфографии. Такой процесс и отмечен в 20—30-е годы (Е. Ф. Карский, 1924; Л. В. Щерба, 1936; Р. И. Аванесов, 1937).

Если орфографическая система включает ряд элементов, наличие которых современным строем языка совершенно не мотивировано, то граница между письмом и живой речью тем самым оказывается подчеркнутой: по аналогии с *ея, онѣ, однѣхъ, злаго* и пр. могли осознаваться условными, контрастными относительно языка и многие другие элементы письма: *стремлюсь, тихий, протягивать, булочная, конечно, что* и т. д. Написания типа *злаго, однѣхъ* и пр. создавали установку на восприятие условности, традиционности орфографии. Чем меньше остается орфографических «идиом», тем слабее эта установка.

Когда же большинство противофонемных написаний изъято из письма, то возникает понятное стремление преодолеть и те несовпадения с произношением (отражающим фонемный строй словоформ), которые еще остались в письме. Это обусловливает массовое появление «буквализмов» в произношении.

Натиск буквенного произношения в нашу эпоху привел к ликвидации многих традиционализмов нашего письма. Однако орфографическое влияние никак не затронуло (и не могло затронуть) тех случаев произношения, которые обусловлены звуковой системой русского языка.

6. В советскую эпоху успешно развивалась теория русской орфографии. Была проделана большая работа по выяснению принципов русского письма и на основе фонологической теории установлено, что наиболее существенным принципом нашего письма является фонемный (Н. Ф. Яковлев, 1928; Н. Н. Дурново, 1930; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, 1930; И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров, 1953). С точки зрения этого принципа оценивались отдельные стороны нашего письма; обсуждались возможные улучшения этого письма на фонемной основе (Н. Н. Дурново, 1930; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, 1930; А. А. Реформатский, 1937; А. Б. Шапиро, 1951).

Четко были определены внутренние противоречия и непоследовательность современной русской орфографии (Е. Д. Поливанов, 1924; С. П. Обнорский, 1936, и др.). В результате этого оказалось возможным

провести работу по упорядочению нашего письма (1956) и наметить пути дальнейшего его улучшения.

7. После реформы 1918 года в нашей орфографии осталось значительное число написаний, противоречащих фонемному принципу. Это отчасти объясняется тем, что предложения Орфографической подкомиссии, встреченные враждебно официальными кругами, были сужены и сокращены. Кроме того, решения Орфографической подкомиссии не касались множества частных орфографических вопросов. После 1918 года эти нефонемные написания в некоторых случаях заменялись фонемными. Процесс часто был мучительно трудным; фонемные написания становились орфографической нормой большей частью стихийно, а не в результате сознательного теоретического отбора. Например, утвердилось правописание *выгарки, изгарь*. По существующим правилам, этот корень в безударном положении всегда пишется *гор-*. Фонемный его состав <гар->; написания *загореть, горелый* и т. д. нефонемны. Вопреки правилу, в неологизмах, следовательно, укрепилось фонемное написание.

Традиционным было написание *пловучий;* фонемный состав корня <плав->. В аббревиатурах *плавсредства, плавсостав, плавдок* и т. д. под влиянием «языкового чутья» говорящих прояснилась под ударением фонема *а*; но *плав-* лишь вариант прилагательного *пловучий;* поэтому естественно, пришлось изменить правописание прилагательного: *плавучий*. (Подспудно-фонемный характер этого нового написания для самих его узаконителей остался, кажется, неясным). Таких примеров стихийного вторжения в орфографию фонемных написаний можно было бы привести еще немало. В целом же орфографическая теория в последние десятилетия все более полно и глубоко определяет орфографическую практику.

8. Общее развитие русского письма определяется так: уменьшение традиционных написаний, противоречащих фонемному принципу; укрепление фонемной природы русского письма.

СТИЛИСТИКА

Содержание раздела. Стилистическая система русского языка; изменения, характерные для нее в советскую эпоху; социальная обусловленность изменений. Речевые жанры. Реализация стилистических противопоставлений в художественной литературе (в лирической поэзии).

1. При изучении лексики, словообразования, словоизменения, синтаксиса, фонетики нельзя не учитывать стилистических разграничений; о них и говорилось в каждом из предшествующих разделов проспекта. Однако стилистические закономерности в разных ярусах языка обнаруживают много общего; необходимо изучить это общее в особом разделе стилистики.

2. В языке существуют средства, которые показывают, как говорящий оценивает свою речь. Он может подчеркнуть с помощью этих средств или торжественный, или непритязательный, повседневно-бытовой ее характер.

В этих оценках речи отражается отношение к тем ситуациям, в которых протекает речевое общение. Если речевая ситуация признается социально особенно значительной, то используются возможности «высокого» (или строгого) стиля. Если ситуация признается повседневной, обычной, в социальном отношении не выделенной, то используется разговорный стиль. Наконец, отсутствие оценки речевой ситуации вызывает использование нейтрального стиля.

Таким образом, нейтральный стиль — это немаркированный член противопоставления ($\bar{n}$А); строгий (торжественный) указывает на социальную выделенность речевой ситуации (nА), разговорный стиль подчеркивает невыделенность, обычность речевой ситуации (n$\bar{А}$). Это разграничение дано, например, в таких стилистических парадигмах: *очи — глаза — гляделки, ибо — так как* и т. д.

Строгий и разговорный стили членятся на ряд подстилей; каждый из них имеет свою напряженность стилистической окраски. Книжный подстиль входит в пределы строгого стиля и отличается сдержанной стилистической окраской; ср. *внезапно, отправить, осуществить* (в нейтральном стиле соответственно: *неожиданно, послать, сделать*). Более напряженно окрашены «торжественные слова»: *нерушимый (прочный), утрата (потеря), чаяния (надежды), незыблемый (твердый)* и т. д. Еще более насыщенную, ластозную окраску несут «риторические слова»: *всепобедный, разверстый, простирать* и т. д.; в нейтральном стиле им соответствуют: *торжествующий, раскрытый, протягивать* (А. Н. Гвоздев, 1952).

3. Стили языка исторически изменчивы. В стилистике русского языка нашей эпохи продолжаются многие процессы, характерные для русского языка XIX века.

В пределах строгого стиля дифференцируются и специализируются подстили; увеличивается градуированность стилистической шкалы (А. М. Сухотин, 1939). Амплитуда стилистической окрашенности становится более широкой. Это обусловлено тем, что многие показатели строгого стиля делаются все более редкостными, круг их применения сужается — а это и означает появление более насыщенной окраски торжественности. Например, слова *брег, очи, узрит* сейчас резче противополагаются стилистически нейтральным словам *берег, глаза, увидит,* чем в языке XIX века, когда славянизмы использовались более широко (применялись в более широком кругу поэтических жанров, в ораторской речи и т. д.). Став более редкими, они получили более резкую стилистическую окраску и раздвинули дальше пределы торжественного, строгого стиля, добавили еще одну стилистическую краску — более напряженную, чем любая из возможных раньше.

Эти процессы, характерные для стилистической системы в целом, особенно интенсивно протекали и протекают в области лексики.

4. Раздвигаются пределы и разговорной стилистической окрашенности. Это связано с включением в пределы разговорного литературного стиля единиц «просторечных», стоявших на границе литературного языка. Они сначала проникают в речь как инкрустации, как функционально оправданные вставки, но постепенно становятся в литературной речи законными средствами показать ее подчеркнутую разговорность.

5. Особенно характерно для советского времени напряженное взаимодействие стилей, влияние одного на другой: в первую очередь — разговорного стиля на нейтральный, во вторую — книжного на нейтральный. Эти взаимодействия имеют важное значение для преобразований в разных ярусах языка, особенно в грамматике и фонетике. О них достаточно говорилось в предыдущих разделах проспекта (см. разделы «Словообразование», § 27—30; «Словоизменение», § 19—24; «Синтаксис», §11—23; «Фонетика», §18—24).

6. Нейтральный стиль обладает семантической самодостаточностью: все значения (лексические или грамматические), которые выражаются единицами окрашенных стилей, находят выражение и в нейтральном стиле[67]. Единицы нейтрального стиля образуют в семантическом плане сплошное поле. Напротив, окрашенные стили не самодостаточны, поскольку далеко не все значения, выраженные единицами нейтрального стиля, имеют синонимы в строгом или в разговорном стиле. Таким образом, единицы окрашенных стилей не составляют семантически целостного поля: в нем есть лакуны. В резкой форме это характерно для строгого стиля, единицы которого особенно немногочисленны; они составляют скорее не поле, а разъединенные острова. Поэтому единицы строгого стиля (и в меньшей степени — разговорного) не ограничивают и не определяют друг друга с такой точностью, как единицы нейтрального стиля. Ср., например, расплывчатость и вариантность значений в современных текстах у слов *чело, утлый, зеницы, стогны* и пр.

Однако в некоторых ярусах языка происходит бурное пополнение стилистически окрашенной системы за счет диалектов и просторечия.

---

[67] Исключением могут быть только некоторые слова, очень слабо окрашенные книжностью или разговорностью; они, стоя на грани нейтрального стиля, иногда не имеют в нем синонимов.

Так обстоит дело, например, в современном разговорном синтаксисе. Единицы его образуют достаточно частую и полную сеть; единицы нейтрального стиля, восполняя недостающие звенья этой сети, сами в ней претерпевают семантические изменения. Таким образом, разговорный синтаксис готов в нашу эпоху перерасти в самодостаточную систему и занять равноправное место с нейтральной синтаксической системой.

7. Поскольку окрашенные стили несамодостаточны, то возможны два рода текстов:

а) тексты, состоящие только из единиц нейтрального стиля (например, некоторые произведения М. М. Пришвина; вообще же это достаточно редкий случай);

б) тексты, состоящие из нейтральных единиц и единиц окрашенного стиля — одного или нескольких. Эти окрашенные единицы и создают стилистическую характерность текста. Нейтральные же единицы, встречаясь в любом тексте, не могут быть носителями стилистической характерности; и лишь в текстах типа «а» они дают речи особую характеристику (стилистически негативную). Следовательно, основой стилистических противопоставлений является нейтральный стиль, поэтому сам он, как начало всех отсчетов по стилистическим координатам, имеет нулевую характеристику.

8. Из сказанного выше следует, что все тексты в речи представляют собой синтез, сочетание единиц разных стилей (тексты типа «а» следует рассматривать как сочетание нейтральных единиц с нулевой «примесью»). При этом оказываются различными сами приемы ввода окрашенных слов, грамматических моделей, произносительных примет в нейтральный фон и соотносительная численность единиц разного стиля в границах одного текста; и пределы стилистической напряженности контрастных единиц, сочетающихся друг с другом; и частота стилистических контрастов в тексте и т. д.

Но как ни различны эти характеристики, все же они типизированы у ряда текстов. Ряд текстов может принадлежать к одному речевому жанру, т. е. может объединяться одинаковыми принципами использования стилистических средств языка. В этих речевых жанрах и воплощены законы *стилистики речи*.

Речевые жанры исторически очень изменчивы и подвижны. Они характеризуются определенным использованием стилистических средств *языка*, а в стилистике языка запечатлены оценки определенных социальных ситуаций говорения (см. § 2). Эпоха больших общественных сдвигов, естественно, вызвала перестройку многих стилистических контрастов в языке, переинтеграцию членов многих стилистических парадигм. С другой стороны, типические приемы сочетания стилистических единиц тоже значительно изменились, так как социальные функции и цели речевых сообщений оказались по-новому сформированы и определены новой социальной действительностью. Следовательно, в речевых жанрах дважды отразились социальные сдвиги нашего века: ее влияние испытали и *языковые* парадигмы стиля, и типизированные *речевые* стилистические синтагмы.

9. Для изучения «внешних» и внутренних закономерностей в развитии русского языка нашей эпохи особенно важно историческое описание таких речевых жанров:

I) передовая статья в газете;
официальная речь на внешнеполитическую тему;
выступление на митинге;
прокламация;
судебная речь;
газетный фельетон;

II) статья в научно-популярном журнале;
вводная лекция по определенной дисциплине;
начальные разделы учебника по общеобразовательной дисциплине;
коллоквиум ученых разных специальностей;
газетный отчет о научном совещании;
III) законодательный акт;
воинский устав;
деловое соглашение;
IV) лирическое стихотворение;
V) бытовой диалог;
дружеское письмо.

Как видно, речевые жанры объединяются в определенные группы, так называемые «функциональные разновидности речи» («публицистическая речь»; «научная речь»; «деловая речь»; «художественная речь»; «разговорная речь»). Эти группы определенны и реальны лишь постольку, поскольку они обобщают речевые жанры, а в основе речевых жанров лежит типическое сочетание языковых стилистических противопоставлений[68].

Намеченные выше речевые жанры пока нельзя определить более точно; важно лишь с самого начала брать для исследования очевидно однофункциональные и поэтому сопоставимые тексты; например: передовые статьи газеты «Беднота» и передовицы «Сельской жизни»; прокламации на юге России эпохи гражданской войны и прокламации эпохи Великой Отечественной войны и т. д.

10. Жанр газетной передовицы — один из наиболее устойчивых речевых жанров, но и он испытал значительные изменения в течение последних десятилетий. Передовые статьи в газете «Беднота» (20-е годы) значительно отличаются от передовиц «Правды» или «Известий» того же времени. Язык их индивидуален и своеобразен. Вот достаточно типичный образец:

«Приближается переселенческая кампания 1926 года. Надо теперь же обмозговать один существенный вопрос, связанный с судьбой одиночек-переселенцев.

Переселиться — значит сломать свое хозяйство на старом месте и начать устраиваться на новом месте, в новых, большей частью неизвестных и часто тяжелых условиях. Риска в переселении много.

Одни выигрывают от переселения, другие — проигрывают. Советская власть стремится поставить переселение так, чтоб риска не было никакого, а всякий переселяющийся мог найти на новом месте всякого рода помощь и совет и, следовательно, хорошо устроиться. Но пока еще дело так не поставлено — не хватает средств. При таком положении переселенцам нужно самим позаботиться о себе и крепко задуматься над тем, как бы обставить переселение таким образом, чтобы из него навер-

[68] Иногда предлагают начать исследование новаций в современном русском языке, вызванных социальными причинами, с изучения именно «функциональных разновидностей речи». Это предложение совершенно неприемлемо. Объективное определение числа и характера этих функциональных разновидностей речи окажется в полной мере возможным только после того, как будут изучены речевые жанры, а их изучение в свою очередь должно опереться на систему языковых стилистических противопоставлений. Иначе говоря: обобщению речевых явлений должно предшествовать как основополагающее изучение языковой системы, ее исторического развития.

Выдвинуть на первый план изучения функциональные типы речи — значит вернуться к атомизму, к изучению отдельностей в языке. Очевидно, что по отношению друг к другу функциональные типы речи не образуют системы; системно то, что их строит, т. е. лежащие в основе речевых жанров стилистические языковые контрасты.

ное вышел толк и переселенцам не пришлось вновь возвращаться на старое место к разбитому корыту.

Одним из таких средств надо считать кооперацию. Для этого Наркомзем разработал особый устав переселенческого кооперативного товарищества и еще в прошлом году разослал их в земельные управления. При этом Наркомзем преследовал такую цель, чтобы переселяющиеся, еще не трогаясь с места, объединялись в кооперативное товарищество и тронулись в новые места не врассыпную, а объединенно. Успех переселения больше чем наполовину зависит от того, как составилось товарищество, какие люди вошли в него и как товарищество подготовилось к переселению.

[...] Как на пример того, какие преимущества дает объединение в кооперативы, можно указать на Брянскую артель, поселившуюся в Новоузенском уезде, Саратовской губ.

Артель образовалась еще на месте в Брянской губернии. Особенность этой артели состоит в том, что в нее вошли не только крестьяне-землеробы, но и рабочие с Брянского завода. Сам председатель этой артели, тов. Комаров, тоже рабочий. Плохо это или хорошо? Оказалось, очень хорошо.

Благодаря тому, что в артели оказались мастеровые, артель сумела сразу же, в первые месяцы после своего прибытия, организовать мастерские по починке инвентаря. [...] Уже и теперь, едва только прибыв на место, артель оказывает много услуг окружающему населению, а пройдет год, и она сделается совершенно необходимой для целого округа» («Беднота», 3 января 1926 года).

Лексика передовых статей «Бедноты»— это почти исключительно слова нейтрального стиля; они тактично и умело сочетаются со словами книжными и бытовыми. Книжные слова используются как вставки, они истолковываются, даны в синонимическом ряду. Введение их продиктовано необходимостью: это слова-термины, несущие политические и общественные понятия; их нейтральные синонимы нетерминологичны. Контекст, в который вводятся эти слова, как правило, отличается особой прозрачностью и четкостью.

Напротив, разговорные лексические единицы (в том числе разнообразные фразеологизмы) естественно вливаются в текст, придавая ему общий тон непринужденности: передовая статья задумана как беседа автора — представителя газеты — с читателем. Найдены тонкие приемы слияния друг с другом нейтральных и разговорных речевых единиц: использованы слова, слабо окрашенные разговорностью, почти сливающиеся с нейтральным стилем, или нейтральные лексические единицы в разговорных окказиональных оттенках и т. д.

Умело вводятся слова, в основе своей диалектные, но ясные по морфологическому строению и понятные любому читателю (ср. в приведенном тексте: *землероб)*. Авторы передовых статей в выборе лексики постоянно исходят из языковых навыков читателя, тактично изменяя эти навыки в сторону большей книжности.

В передовицах «Бедноты» глагол играет очень важную, семантически активную роль; его предельная смысловая наполненность необычна для газетной публицистики. Словообразовательные модели разнообразны, многие из них более регулярны, чем можно было бы ожидать от письменной, книжной речи (например, слова с суффиксом *-к(а)*: *починка, разброска)* и т. д.

Синтаксис строится в основном на использовании нейтральных моделей, но есть и струя разговорности. Редки синтаксически многочисленные книжные конструкции. В сложных предложениях составные их части (простые предложения) разговорно-лаконичны и просты по строению.

Слова входят, как правило, в живые синтаксические сочетания, не стандартизованные, не связанные с шаблонным лексическим наполнением.

Передовые статьи «Сельской жизни» сильно отличаются от передовиц «Бедноты»; и в лексике, и в синтаксисе очень значительна струя книжности, хотя она, вероятно, не так сильна, как в передовых статьях иных газет. Разговорные элементы очень редки и не характерны для стиля передовых «Сельской жизни».

Глагол нередко является семантически ослабленной частью фразеологизмов; зато очень разнообразны и гибки именные конструкции. Фразеологизмы имеют книжный характер; значительная часть лексики входит в устойчивые шаблонные сочетания. Вместе с тем возросла точность словоупотребления; шире используется терминологическая лексика.

Передовицы «Сельской жизни» в стилистическом отношении значительно меньше отличаются от статей того же жанра в других газетах, чем статьи «Бедноты» от статей, например, в «Правде» или «Известиях» 20-х годов. Стиль их неиндивидуален, крайне обобщен; это не беседа определенного лица, представляющего газету, а голос редакции в целом.

Причины этих изменений в одной из разновидностей речевых жанров многообразны: распространение среднего образования в деревне; преодоление многих различий в жизни города и села; возросшая роль публицистической речи, в частности газетной, в общественной речи; с другой стороны — сложные условия для развития некоторых жанров публицистики в период культа личности, ее унификация, ее ориентировка на очень ограниченное число образцов. Условия эти ушли в прошлое, но стилистическая инерция дает еще себя знать.

Даже схематическое и упрощенное описание показывает, насколько важны выводы, которые позволяет сделать изучение исторических изменений в речевых жанрах.

11. Особое место среди функциональных типов речи занимает речь художественная. Она чутко и многосторонне отражает изменения в современной речевой стихии, в речевом быте; данные ее — ценные свидетельства об исторических изменениях в языке.

Но она не только свидетель. Язык художественной литературы по своим законам преобразует бытовую, публицистическую, научную речь; преобразуя, он выявляет потенции общего языкового развития.

Лирика символистов начала XX века (Ф. Сологуб, В. Брюсов, З. Гиппиус, И. Коневской, В. Бестужев, К. Бальмонт) строилась на метафорическом переосмыслении слова; на выдвижении в нем абстрагированно-качественных значений; назывная функция слова, его непосредственная направленность на предмет, стушевывалась и отодвигалась на второй план. Иногда стихотворение целиком представляет поток метафорических переосмыслений: все лишено предметной соотнесенности и превращено в эмоционально-напряженные знаки абстракций:

Во мгле почиет день туманный,
Воздвигся мир вокруг стеной,
И нет пути передо мной
К стране вотще обетованной.
И только звук, неясный звук
Порой доносится оттуда,
Но в долгом ожиданье чуда
Забыть ли горечь долгих мук!
(Ф. Сологуб).

Другой пример, еще более типичный (стихотворение В. Бестужева «Смерть — человеку»):

Бытие ночей пустынных
Безобразных дней и длинных —
Утомительную нить
В час бесстрадный к прялке жадной
Притяну рукой нещадной,—
И опять ты будешь жить...

В этой строфе, пожалуй, только слово *бытие* не подверглось метафорическому переосмыслению.

Символистами в слове ценится не просто метафоричность, а возможность метафорического многоосмысления; ценится беспредельная, не стиснутая логическими рамками иносказательность. Слово у символистов начала века не столько положительный носитель абстрактно-метафорических значений, сколько величина с отрицательной характеристикой: в нем важно угасание непосредственно назывной функции слова; оно работает как «неноситель» этой функции. Отсюда — плывущий, неопределенно-многозначный смысл слова.

Такое использование слова влечет за собой установку на архаическую и экзотическую лексику: именно она, как сказано выше (§ 6), не составляя целостного семантического поля (или целостных полей), стимулирует вариантность, текучее непостоянство слова.

Существительные у старших символистов превращены в качественные прилагательные: в них убито предметное и стимулировано качественное значение. Прилагательные (как часть речи) вообще доминируют в символистском стихе. Все, что не способно переосмыслиться в нечто качественное, превращено в нейтральный фон, в семантические связки.

Значение контекста предельно ослаблено — чтобы освободить слово для бесконечного перетекания смыслов в нем. Отсюда — геометризм синтаксиса. Синтаксические конструкции в стихе Брюсова или Бальмонта однотипны, они создают почву для стиховых повторов и строгой строфичности. Единообразие синтаксиса формирует однотипные рамки для слов, не позволяет им, варьируясь в разных конструкциях, выявить в различных семантико-синтаксических пересечениях свое точное номинативное значение.

Слово у поэтов этой школы включено в бесконечный «парадигматический ряд»: оно имеет безграничное число синонимов, так как значение его в стихе допускает неопределенное количество переосмыслений. Его синтагматические связи ослаблены, оно существует при нейтрализованном контексте.

Фоническая организация стиха также служит текучести смыслов слова. Она насквозь пронизана звуковыми повторами; наиболее характерны слоговые повторы (в частности внутренняя рифма), которые создают особенно насыщенную звуковую ткань стиха. Означаемое и означающее в слове до известной степени антагонистичны: если внимание говорящих привлечено к означающему, к звуковой ткани стиха, то оно улавливает в означаемом, в потоке смыслов, только общий эмоциональный тип лексики и повторяющиеся, нагнетаемые из стиха в стих, из строфы в строфу оттенки смыслов. Так, почти полностью выпадает из поля зрения конкретно-смысловой строй такого стихотворения:

Моря вязкий шум,
Вторя пляске дум,
Злится,— где-то там...
Мнится, это — к нам
Давний, дальний год
В ставни спальни бьет.

Перенасыщенность звуковыми повторами была оправдана общим заданием стиха ранних символистов.

12. У «младших символистов» (А. Белый, А. Блок, В. Иванов, В. Ходасевич) стих перестраивается по-иному. Семантическая вариантность словесных единиц становится ограниченной. В ткань стиха вводятся конкретные слова быта; они пронизываются общим семантическим тоном стиха, общей семантической «дематериализацией», т. е. приглушением номинативной функции речи. С другой стороны, они контрастируют с общим метафорично-символическим фоном стиха. Возникают синтагматические контрасты и напряжения: сталкиваются слова быта (в которых есть отзвуки метафоричности и символики) и слова отвлечений и эмоциональных абстракций (на которые наслаиваются конкретно-бытовые оттенки значений). Эти контрасты усложняют поэтическое слово; в нем теперь сочетаются и метафорические переосмысления, и конкретно-назывное значение: одно мерцает сквозь другое.

Тонко и многосторонне разрабатываются в синтаксисе конструкции, воплощающие оттенки обобщенных и неопределенно-личных значений:

Днем за нашей стеной молчали,—
Кто-то злой измерял свою совесть,
И к вечеру мы услыхали,
Как раскрылась странная повесть.
Вчера еще были объятья,
Еще там улыбалось и пело.
По крику, по шороху платья
Мы узнали свершенное дело.
Так в книге открылась страница,
И ее пропустить не смели...
А потом узнала столица
То, о чем говорили неделю...
(А. Блок).

Синтаксический геометризм сменяется синтаксической подвижностью и контрастностью.

Семантический строй слова и типичные грамматические связи в стихе «младших символистов» могут быть характеризованы (по сравнению со стихом «старших символистов») следующим образом: ограничиваются синонимические ряды, связанные со словом, преображенным в стихе; усиливается синтагматическая конструктивность в лексико-семантическом и синтаксическом плане.

13. Акмеисты (А. Ахматова, О. Мандельштам, М. Кузьмин, Н. Гумилев, С. Городецкий) продолжают движение по этому же пути:

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.
(А. Ахматова).

«Сравнительность, метафоричность ушла в глубь стиха. Музыка сопоставлена с запахом устриц, а устрицы возвращают море» (В. Б. Шкловский, 1940).

В слове оказались полноправными и конкретно-назывная его функция и функция метафорически-понятийная. Метафоричность символистов была ориентирована на традицию, на использование стабилизованных в книжной речи смысловых возможностей слова. Так, *Александр Македонский* конденсировал в себе *могущество, власть, «неустанное влеченье от судьбы к иной судьбе»* (В. Брюсов); *нить Парки — судьбу, предначертание будущего, человеческую жизнь* и т. д. Метафоричность акмеистов задана конкретным текстом и выявляется в его синтагматических связях:

Высоко в небе облачко серело,
Как беличья распластанная шкурка...
. . . . . .
В пушистой муфте руки холодели,
Мне стало страшно, стало как-то смутно.
О, как вернуть вас, быстрые недели
Его любви, воздушной и минутной!
(А. Ахматова)

«Любовь, воздушная и минутная, связана с тающим облаком. Облако конкретное, маленькая беличья шкурка, стали знаменем акмеизма» (В. Б. Шкловский, 1940).

Вещные, объемные, осязаемые слова выстраиваются в синтагматические ряды, образуя свое, стихом заданное, семантическое поле. Они не повторяют друг друга в своей качественной абстрагированности, а определяют и ограничивают друг друга. У А. Ахматовой «слова не сливаются, а только соприкасаются — как частицы мозаичной картины. Именно поэтому они обнаруживают перед нами оттенки своих значений» (Б. М. Эйхенбаум, 1923). Одно слово перестраивает значение другого слова; слова испытывают давление других, «ключевых» слов — и связываются стихом в семантические ряды:

Я по лесенке приставной
Лез на склоченный сеновал,—
Я дышал звездой млечных трухой,
Колтуном пространства дышал.
И подумал: зачем будить
Удлиненных звучаний рой,
В этой вечной скуке ловить
Эолийский чудесный строй?
Звезд в ковше медведицы семь.
Добрых чувств на земле пять.
Набухает, звенит темь,
И растет и звенит опять.
Не своей чешуей шуршим,
Против шерсти мира поем,
Лиру строим, словно спешим
Обрасти косматым руном...
(О. Мандельштам).

У акмеистов слова, связанные в семантическое поле отдельного стихотворения,— обычно существительные. В их поэтическом языке существительное вообще главенствует; глубоко на задний план отодвинуто прилагательное. Оно используется часто только затем, чтобы помочь существительным войти в семантическое сцепление, образовать в стихе взаимосвязанный ряд (ср.: *облачко серело...—...его любви, воздушной и минутной).*

Таким образом, у акмеистов оказались усиленными синтагматические связи слов, и вместе с тем ограничен ассоциативный ряд, который вызывается каждым словом.

Звуковая организация стиха строится сразу по двум линиям: создается мелодическое движение в строке; используется говорной стих. «Приравненные друг другу единой, хорошо знакомой мелодией, слова окрашиваются одной эмоцией, и их странный порядок, их иерархия становятся обязательными. Каждая перестройка мелодии у Мандельштама — это прежде всего мена смыслового строя» (Ю. Н. Тынянов, 1924).

Говорной стих, паузник, свободный стих очень характерны для акмеистов; эти стиховые системы помогают отделить слова друг от друга, фонетически и семантически обособить их, придать каждому полновесность и самостоятельность.

В звуковой инструментовке начинает господствовать артикуляцион-

ный принцип. Например, в стихах А. Ахматовой обычен контраст губных — негубных гласных, т. е. контраст артикуляторно наиболее выразительный и ощутимый (Б. М. Эйхенбаум, 1923). Все это создает пластически-определенное, моторно-напряженное движение в стиховой строке и строфе.

14. «Левые акмеисты» (В. Нарбут, М. Зенкевич, С. Нельдихен, Б. Лившиц) развивали те же тенденции, выявляя их более резко и контрастно. Они вплотную смыкаются с поэтами «Гилеи» и «Центрифуги».

15. В стихотворениях В. Хлебникова, Е. Гуро, В. Маяковского, В. Каменского, Н. Асеева (и других поэтов того же направления) слово осознано как член синтагматического целого; у них это основной принцип построения поэтической речи. Слово превращено в материал, способный резко и индивидуально менять свое значение под влиянием контекста. У поэтов предшествующих школ «ассоциативная связь по сходству уже объявлялась отмычкой, открывающей двери искусства. Маяковский и Пастернак повели стих по ассоциации по смежности» (В. Б. Шкловский, 1940). В «парадигматическом ряду» оказывается важным только одно соотношение: слово в данном, резко индивидуальном осмыслении и то же слово в обычном («прозаическом») значении. Функционально значимым в поэтическом тексте оказывается контраст между этими двумя семантическими полюсами (узуальным и окказиональным):

Полк узеньких улиц.
Я исхлестан камнями!
Булыжные плети
Исхлестали глаза!
Пощады небо не даст!
Пулей пытливых взглядов
Тысячи раз я пророгожен.
Высекли плечи
Булыжные плети!
Лишь башня из синих камней на мосту
Смотрела богоматерью.
Серые стены стегали
Вечерний рынок.
Вороньи яйца!
«Один — один шай»— «Один — один шай».
Лёви, лови!

(В. Хлебников).

Ориентация на синтагматический план соотношения единиц вызывает стремление к словотворчеству: поэтические неологизмы особенно отзывчивы к влиянию контекста, т. е. единственного окружения, в котором они встречаются: только этим контекстом и конкретизируется значение, намеченное их морфемным составом. Контрастно-парадигматические отношения в данном случае возникают между внутренней формой обычного обозначения данного объекта и внутренней формой неологизма (ср. *лентяи — лежоги, месяц — небич,* и т. д.).

Установка на синтагматическое взаимодействие также стимулирует напряженное использование неологизмов: неологизм представляет собой ясно членимую единицу; соотношение ее частей отстранено.

Русский футуризм был подчеркнуто филологичен: материалом искусства стало слово как таковое. У поэтов предшествующих школ соотношение слов всегда несло соотношение разных объектов *(беличья шкурка — облако — любовь; сон — сеновал — век...).* У Хлебникова семантический сдвиг в словах *исхлестан, исхлестали* (не сводимый к простому сравнению) связан с соотношением обычного и необычного значения слова; необычное возникает из обычного как его преобразование. Прозаическое, бытовое значение важно как показатель смелости и резкости сдвига, как фон, на котором выясняется новое значение.

Это контрастное взаимодействие разыгрывается между значениями слова (одно из которых вытесняется и устраняется другим); героями конфликта являются именно значения слов — отсюда обостренный филологизм Хлебникова и его соратников. В своем предельном выражении он ведет к попыткам создать поэтический текст опираясь только на фонику слова (В. Хлебников, В. Каменский, И. Зданевич, А. Крученых).

Уже у «левых акмеистов» лексика специализирована, она ориентируется или на научную терминологию (М. Зенкевич), или на словарь быта со всеми его интимными и запретными названиями (В. Нарбут) и т. д. Эта индивидуализация усилена футуристами-гилейцами: у них отдельные куски стихотворных произведений ориентированы на замкнутые арготические системы. Этим создается синтагматическое движение в стихе, ряд напряжений и разрядов. В качестве одного из контрастных элементов в поэтические синтагмы входит подчеркнуто-разговорная речь, постепенно оттесняя остальные системы.

16. В творчестве В. Маяковского, Н. Асеева, С. Третьякова, П. Незнамова эта поэтическая система прошла длительный и насыщенный путь развития. Все более сильной и последовательной становилась ориентация на разговорную речь. Разговорная речь по природе своей синтагматически пестра, подвижна; она дает большой материал для построения поэтических контрастов. В стихотворениях В. Маяковского двадцатых годов дана тончайшая разработка этих контрастов; стихи его представляют собой поэтический монолог, созданный средствами бытовой диалогической речи.

17. В 20-х годах законы поэтической синтагматики становятся ведущими в практике поэтов.

Ответвляется от этого движения, пожалуй, только творчество некоторых поэтов пролеткульта (М. Герасимов, В. Кириллов). Они разрабатывают символистическое наследство; многое в их стихе построено по моделям стиха ранних символистов. Но есть существенное различие: они разрабатывают не символику слова, используют не возможности многозначно-неопределенного варьирования значения слова в ослабленном синтагматическом единстве, а эмблематику слова. Это меняет всю систему стихотворной речи.

18. В 20-х годах возникают поэтические системы, построенные на многолинейном сочетании словесных цепей; синтагматические единства становятся сложными и перебивают друг друга (Б. Пастернак, М. Цветаева). Слово, преобразованное в синтагме, перекликается с другим словом, преобразованным в другой синтагме,— и так создается цепная соотносительность синтагм. Это очевидно. ~~Как пример можно назвать~~ стихотворение М. Цветаевой «Рельсы»[69]. Лексическое единство *железнодорожные полотна*, с одной стороны, притягивает к себе тему разлуки, тему самоубийства — такое метафорическое осмысление традиционно уже заключено в исходном сочетании (ср. «На железной дороге» А. Блока). Развертывается семантическое поле, связанное с этой тематикой. Этот ряд все время перебивается и деформируется другим рядом, основанным на бытовом осмыслении слова *полóтна: рельсовая режущая синь — плачет, как последняя швея — железнодорожные полотна ножницами режущий гудок* и т. д. Этот ряд не просто метафоричен, не дан как внешнее иносказание по отношению к основному ряду: постоянно перебивая этот основной ряд, он вносит в него новые семантические осмысления. Последняя строфа снова соединяет оба ряда: семантическое поле' разлука — самоубийство' и поле бытовых осмыслений, вызванных словом *полотно:*

---

[69] См. М. Цветаева. Избранное. М., 1961, стр. 159—160.

Растекись напрасною зарею
Красное, напрасное пятно!
...Молодые женщины порою
Льстятся на такое полотно.

Точно так же и у Б. Пастернака часто дается несколько семантических словесных рядов, внутренне связанных; стих строится как цепь синтагматических сочетаний единиц того и другого ряда; идет постоянное смысловое переключение из одного ряда в другой. Это создает возможности драматизации лирики: каждое семантическое поле прорывается, прорезывается другим семантическим полем; смысловые связи напряженно преодолевают ограниченность и замкнутость каждого поля.

Такому семантическому строю отвечает и ритмика стихотворений М. Цветаевой и Б. Пастернака. Дана строгая метрическая сеть, но она преодолевается резкими enjambements:

Пушкинское: сколько их, куда их
Гонят! (Миновало: не поют).
Это уезжают — покидают,
Это остывают — отстают.
Это остаются. Боль, как нота
Высящаяся. Поверх любви
Высящаяся. Женою Лота
Насыпью застывшие столбы.

Ср. у Б. Пастернака:

В посаде, куда ни одна нога
Не ступала, лишь ворожеи да вьюги
Ступала нога, в бесноватой округе,
Где и то, как убитые, спят снега,—
Постой, в посаде, куда ни одна
Нога не ступала, лишь ворожеи
Да вьюги ступала нога, до окна
Дохлестнулся обрывок шальной шлеи.

Строгий метрический каркас во время перехлестывается синтационно-синтаксическими единствами; они вырываются из геометризма метрики; метр нужен именно для того, чтобы на его неподвижной сетке ясно была видна напряженная динамика синтаксиса. Эту функцию классический метр выполняет и в стихах П. Антокольского, поздних произведениях В. Маяковского и других поэтов.

Принцип словесного построения стиха у многих поэтов 20-х годов можно описать, следовательно, таким образом: каждая синтагма (с семантически преобразованными словами) воспринимается на фоне других, данных в том же тексте. Семантически преобразованные слова сочетаются в цепи; возникают сложные взаимодействия между этими цепями. Один ряд служит для другого фоном, контрастным или поддерживающим. Строение поэтического текста по таким моделям глубоко разрабатывалось в произведениях Н. Тихонова, Э. Багрицкого и других поэтов.

19. «Возрождение стиха» в XX веке[70] было связано со стремительным развитием поэтического языка, его выразительных возможностей.

Это развитие было спаяно с постоянными воздействиями других речевых жанров, актуальных для той общественной сферы, которую идейно выражало данное поэтическое направление.

Например, поэтическая речь символистов была аналогом речи философской, она эстетически преображала речевые приемы философии, и притом именно философии идеалистической. Труды, например, В. Соловьева давали значительные возможности для такого преобразования.

[70] Выражение М. Горького.

Произведения некоторых поэтов, группировавшихся вокруг сборника «Знание», были построены по тем же моделям поэтического языка, что и произведения символистов. Близки к той же системе и многие стихотворения пролеткультовцев. Однако весьма существенно, что в этих произведениях оказался эстетически преображенным иной функциональный тип речи, иные речевые жанры — в первую очередь жанр прокламации и выступления на митинге.

20. На этом можно оборвать план изучения одного из жанров художественной речи — лирического стихотворения. Очевидно, что этот план-проспект, крайне схематичный и неполный, позволяет все же сделать следующие выводы:

а) Поэтическая речь все более полно включает элементы разговорности. Стих старших символистов насыщенно книжен; разговорные элементы проникают в произведения акмеистов; они становятся господствующими у поэтов 20-х годов. Активизация разговорной речевой стихии — процесс, общий для всех ярусов русского языка нашей эпохи и, очевидно, для всех функциональных типов современной русской речи. Этот процесс, эстетически преображенный, нашел свое воплощение и в языке русской лирики XX века.

б) Поэтические тексты приобретают большую способность все более синтагматически дробно, все на меньших участках изменять свою стилистическую окраску, включать контрастные стилистические элементы.

Эта способность развивается и в других речевых жанрах. Вероятно, справедливо предположение, что тенденция усилить стилистическую дробность текстов, сочетать разные стилевые единицы на меньших синтагматических участках характерна для всей современной русской речи, не только художественной (А. М. Сухотин, 1939).

в) В поэтической речи, как видно из краткого сопоставления различных стиховых систем, протекают два взаимосвязанных процесса: уменьшается парадигматическая сложность единиц; увеличивается их синтагматическая сложность. В нехудожественной речи (в научных, деловых, бытовых ее жанрах) движение идет, весьма вероятно, в ином направлении: синтагматические связи ослабевают, парадигматическая соотносительность становится все более полной и широкой. Такое предположение подтверждается ростом агглютинативности в словообразовании; усилением аналитизма; превращением словообразовательных аффиксов в аффиксы, близкие к словоизменительным (это влечет за собой включение в парадигму новых членов) и т. д.

Значит, оправдывается гипотеза, что поэтической речи присущи устремления, противоположные устремлениям «прозаической» речи, т. е. не имеющей художественной функции (Л. П. Якубинский, 1919). Эти два противотечения (развитие художественной речи — развитие «прозаической» речи) не могут, однако, привести к речевым напряжениям и конфликтам, потому что осуществляются в разных планах, охватывают разные стороны языковой системы, подчиняют себе разные языковые единицы[71].

---

[71] Все сказанное вовсе не противоречит тому, что форма поэтического произведения всегда связана с его содержанием. Развитие поэтического языка имеет свои законы; каждый поэт по-своему, с определенными идейными целями использует то, что предоставляет ему развитие поэтического языка определенной эпохи. Впрочем, выражение «предоставляет ему» не точно: поэт не пользуется каким-то мертвым арсеналом средств, а сам его создает в процессе творчества; важно подчеркнуть, что, создавая эти средства, он зависит от предшественников и может преобразовать их наследие по определенным объективным законам. Эти законы развития поэтического языка обладают известной самостоятельностью и автономностью.

21. Изучение эволюции различных речевых жанров позволяет более глубоко и многосторонне понять законы языкового развития в их диалектической сложности. Такое изучение необходимо и для того, чтобы оценить многообразные влияния социальных условий существования языка на его внутреннюю историю.

ЛЕКСИКА

Содержание. А. Общая часть.—1. Русские народные говоры как составная часть современного русского языка.—2. Народные говоры как современная, но исторически преходящая форма общения.—3. Понятие современного русского языка применительно к народным говорам.—4. Народные говоры как устная форма общения.— Б. Изменения диалектной лексики, не связанные с влиянием литературного языка.—1. Изменения диалектной лексики, обусловленные устареванием некоторой ее части.—2. Выпадение некоторых слов из говора, связанное с исчезновением реалий.—3. Изменения в диалектной лексике, обусловленные ее функционированием в составе устной речи.— В. Изменения диалектной лексики под влиянием литературного языка.—1. Хронология заимствований из литературного языка.—2. Вытеснение определенной части диалектной лексики соответствующей лексикой литературного языка.—3. Изменение фонематического состава диалектной лексики под влиянием литературного языка.—4. Изменения диалектной лексики в сторону сближения с лексикой литературного языка в связи с общими изменениями фонетической системы говора.—5. Изменение значений слов литературного языка в процессе заимствования их говором.—6. Усвоение слов литературного языка как одна из форм влияния литературного языка на говор.—7. Перестройка системы значений определенной части лексики говора под влиянием соответствующей лексики литературного языка.—8—10. Изменения значений диалектных слов, совпадающих фонематически с соответствующими словами литературного языка, но отличающихся от них по значению.—11. Устранение расхождений между литературным языком и говором, обусловленных различными темпами устаревания диалектных и литературных слов.—12—15. Изменения диалектных словообразовательных моделей, моделей словосочетания и фразеологических под влиянием литературного языка.

А1. В настоящее время в нашей стране современным средством языкового общения является не только русский литературный язык, но и русские народные говоры, которыми пользуется подавляющее большинство русского населения Советского Союза, проживающее в сельских местностях. Кроме того, для многих русских, еще не овладевших нормами литературного языка, средством коммуникации является тот или иной говор, уже значительно поколебленный как целостная система под влиянием литературного языка и в сущности представляющий собой уже не говор, а в известной степени индивидуализированный неопределенный этап в процессе коренной перестройки говора и его изменения в направлении слияния с литературным языком. Процесс перехода от диалектного говорения к литературному протекает неравномерно на разных уровнях системы языка, потому что они характеризуются разной степенью проницаемости и, следовательно, устойчивости в отношении воздействия литературного языка. В этом отношении крайне неустойчива лексика, причем процесс отхода от диалектной лексики тоже очень неравномерен и противоречив и с разной степенью интенсивности протекает в отдельных звеньях лексической системы говора.

Процесс отхода от говора как средства коммуникации и перехода к литературному языку обусловлен самыми различными причинами как объективного, так и субъективного характера, которые с трудом поддаются квалификации и точному учету. Неравномерность этого процесса, в частности, обнаруживается и в том, что многие образованные лица, овладевшие не только литературным языком, но и обладающие общей высокой культурой, продолжают сохранять некоторые весьма отчетливо различимые черты диалектного субстрата.

В настоящее время русские народные говоры разной степени сохранности наряду с русским литературным языком образуют современную коммуникативную систему для всего русского населения нашей страны, а также для тех двуязычных представителей других национальностей Советского Союза, которые наряду с родным языком широко пользуются русским литературным языком или русскими говорами. Таким образом, в широкое понятие современного русского языка составной частью входят как литературный язык, так и народные говоры.

А2. Народные говоры представляют собой современное, но исторически преходящее средство общения людей. Современные условия существования и изменения народных говоров в первую очередь определяются мощным влиянием литературного языка, интенсивность которого неизмеримо возросла благодаря глубоким социально-экономическим процессам перестройки доколхозной деревни и в настоящее время продолжает непрерывно возрастать. Взаимодействие литературного языка и народных говоров реализуется при посредстве многочисленных каналов, которые еще недостаточно изучены.

Переход носителей говоров к литературному языку представляет собой не прямолинейное отрицание говора как средства общения, не простой акт отказа от говора, а сложный, многогранный и во многом противоречивый процесс глубокой перестройки диалектной языковой системы на всех ее уровнях, который не может быть исчерпывающе определен как процесс нивелировки говоров и простая подгонка их к нормам литературного языка.

В настоящее время в нашей стране создается благоприятная почва для создания объективных предпосылок не только для усиления влияния литературного языка на говоры, но и, наоборот, народных говоров на литературный язык в связи с образованием и непрерывным ростом кадров новой советской интеллигенции, которая в значительной своей части связана с народными говорами непосредственно как с собственной системой общения в недалеком прошлом или же через посредничество близких родственников. У многих представителей современной советской интеллигенции практическое знакомство с родным говором сохраняется на всю жизнь.

Массовый переход вчерашних носителей самых различных русских говоров к литературному языку оказал и оказывает на последний многообразные влияния, характер которых определяется говором-субстратом лица, перешедшего на литературный язык. Это не может не сказаться на структуре современного русского литературного языка и прежде всего на объеме и качестве его норм, которые за последние десятилетия претерпели весьма заметную эволюцию. Наиболее сильное влияние на литературный язык за этот период оказали южновеликорусские говоры.

Русские народные говоры и русский литературный язык находятся по отношению друг к другу в динамическом равновесии, которое непрерывно нарушается процессом сближения говоров с литературным языком. На каждом данном этапе развития советского общества характер этого равновесия разный. Большой теоретический, а также практический интерес представляет собой вопрос о тех каналах, по которым осущест-

вляется взаимное влияние и взаимное обогащение русского литературного языка и народных говоров. С этим вопросом тесно связана проблема просторечия в составе литературного языка и, в частности, проблема генезиса этого просторечия.

А3. В русском языкознании не выработано конкретного понятия современного русского литературного языка, которое опиралось бы на определенные структурно-семантические характеристики языковых фактов; это понятие очерчивается только хронологически, без какого бы то ни было проникновения в языковую материю. Ср. понятие современного русского литературного языка, определяемого чисто внешне хронологическими рамками — «от Пушкина до наших дней». Понятие современного русского языка по отношению к русским народным говорам определяется более узкими хронологическими рамками, чем по отношению к русскому литературному языку, потому что в народных говорах отсутствует мощный слой лексики, зафиксированной и поддержанной поздними памятниками письменности, например, классической литературой. В хронологическом, а также и в структурно-семантическом и стилистическом планах народные говоры соотносимы не со всем литературным языком в целом, а только с его устной разговорной формой, по сравнению с которой тот литературный язык, который зафиксирован в классической литературе и представлен в толковых словарях, представляется уже несколько устаревшим.

А4. Специфические качества народных говоров как современной коммуникативной системы в основном определяются тем, что эта система реализуется исключительно в бесписьменной форме. Отсутствие письменности на современных русских народных говорах является одним из важнейших условий бытования и развития народных говоров, оно определяет и конструирует многие специфические отличия говоров от литературного языка, в частности, качество их норм. Нормы говоров имеют иной объем и в известной мере иное содержание, чем нормы литературного языка, внешние регламентации которых, осуществляемые школой, радио, словарями и т. д., поддерживаются также и письменной литературой, где они не только закрепляются, но и удерживаются, консервируются, всегда придавая письменной речи известный оттенок устарелости по сравнению с устной речью. Понятие современного языка неодинаково в применении к устной и письменной речи: по отношению к письменной речи это понятие включает в себя факты, уже не входящие в активный фонд говорящего на литературном языке.

Норма разговорной речи шире по объему, чем речи письменной, но в разговорной форме литературного языка норма тоже в значительной степени определяется регламентациями, внешними по отношению к языку; в разговорной форме говора норма определяется исключительно внутренними закономерностями существования и развития говора, и поэтому она не имеет четких границ и очень широка по объему.

Б1. В процессе развития и изменения говора в целом происходит устаревание некоторой части его лексического фонда и замена ее другой лексикой без заметной связи с какими-либо внешними причинами. Устаревающая лексика переходит сначала в пассивный фонд, а затем полностью исчезает. Например: *за́дорга* — 'деревянная планка по краю печи'; *рожа́лый* — 'большой'; *поя́зать* — 'обещать'; *живо́т* — 'жизнь' и под[72]. Процесс забвения части лексики совершается неравномерно даже в пределах одного говора: одни и те же устаревающие слова обладают раз-

[72] Здесь и дальше в качестве примеров приводится материал, собранный в основном в д. Деулино Рязанского района Рязанской области; часть примеров записана в других населенных пунктах.

ной степенью употребительности у разных носителей одного и того же говора, причем это различие далеко не всегда определяется возрастом носителей говора и не всегда соответствует ставшему традиционным делению говора на «слои» («архаический», «средний» и «передовой»).

Уходящая и даже ушедшая лексика может частично сохраняться в различного рода фразеологических единицах, а отдельные морфемы сохраняются в производных словах. Некоторые слова сохраняются только в языке фольклора, например, *по́шлый* — в песне (значения не знают); ср. *по̀шлый* —'плохой, никудышний' в говоре соседнего населенного пункта.

Б2. Устаревание слов в говоре с последующим выпадением их из лексической системы может быть обусловлено также исчезновением реалий, которые данные слова обозначают, например, национальной русской одежды, различных сельскохозяйственных орудий, связанных со старыми методами ведения сельского хозяйства, некоторых социально-бытовых институтов и мн. др. Утрата той или иной реалии в деревенском быту ведет к тому, что у слов, обозначающих такие реалии, круг бытования неуклонно сужается, значения у таких слов становятся все более и более неопределенными и постепенно забываются. Такие слова непрерывно выпадают из говора, не заменяясь другими.

В литературном языке наблюдаются иные отношения. Утрата той или иной реалии не может служить непосредственной причиной начала устаревания слова, обозначающего эту реалию. Такие слова закреплены письменностью и продолжают сохраняться в составе современного русского литературного языка, они понятны всем его носителям и находятся в активном фонде литературного языка с его многообразными функциями.

Б3. Современная эпоха в колхозной деревне характеризуется массовым появлением новых реалий, которое обычно сопровождается и появлением новых слов, но так бывает не всегда; новая реалия может быть названа старым диалектным словом, у которого развивается другое значение, возникшее в связи с номинацией этой реалии по ее функции. Например: *столе́шник*—'1. скатерть; 2. клеенка'; *отре́зать*—'1. отрезать; 2. купить материи'.

Б4. Значительные изменения в диалектной лексике обусловлены ее функционированием в составе устной речи. Некоторые тенденции развития языка по-разному проявляются в его письменной и устной форме, т. е. в зависимости от форм бытования языка. Например, одной из более или менее заметных характерных черт ненормированного устного языка является частое забвение внутренней формы слова и связанный с этим разрыв его семантических связей с другими словами того же корня. Например: *косоро́тый* —'кривой' (при наличии в говоре слов *косо́й* и *рот*); *развя́зкой* —'без головного убора (о мужчинах)'; *кружо́к* —'деревянная дощечка любой формы, подкладываемая под сковородку, чугун и т. д.' (при наличии в говоре слова *круглый*); *лоба́стый* —'большого размера; большой' (при наличии слова *лоб* —'часть лица'); *де́вка* — обращение к: а) девушке; б) замужней женщине; в) к животному; г) к неодушевленному предмету. Возможен и «обратный» ход развития; *лоб* —'часть лица'>*лоба́стый* —'с большим лбом' (?)> *лоба́стый* —'большого размера'>*лоба́н* —'большой ростом'>*лоб*—'верзила (экспр.)'. Забвение внутренней формы слова ведет к изменению фонетического состава слова, например: *коси́мка* —'косынка', *по́лым* — 'полно' и др. В некоторых случаях звучание фонемы в слабом положении определяет собой изменение фонематического состава слова, например: *γру́сти* ‖ *γрусты́* —'груздь'.

По-видимому, эта же ослабленная связь между определенным

фонематическим составом слова и определенным значением является одной из причин большого количества лексических вариантов, которые отличаются между собой фонематическим составом без сколько-нибудь заметной разницы в значении. Ср. *нады́сь* и *нада́сь, ле́тось* и *ле́тесь* и мн. др.

В1. Непосредственные заимствования из литературного языка, а также те процессы изменения говора, которые происходят под влиянием литературного языка, не обладают какими-либо показателями, позволяющими точно определить хронологию их появления в говоре. Однако хронология заимствований и начала интенсивного влияния литературного языка на говор достаточно точно определяется на основании косвенных показателей, имеющих неязыковой характер.

Влияние литературного языка на говор тесно связано с социально-экономическим переустройством деревни, нарушившим ее относительно медленное экономическое развитие и известную изолированность. Решающим фактором усиления влияния литературного языка на говор является социалистическое переустройство деревни. Влияние литературного языка на говор после коллективизации необычайно возрастает, результаты этого влияния до и после коллективизации несоизмеримы, и поэтому с большим основанием можно датировать большинство заимствований из литературного языка началом процесса коллективизации. К этому же времени можно относить начало интенсивного изменения не только отдельных слов, но и разных словообразовательных и иных моделей говоров и вообще начало коренной перестройки всей лексической системы говоров.

В2. Влияние литературного языка на говоры в первую очередь сказывается в том, что определенная часть диалектной лексики вытесняется соответствующей лексикой литературного языка с тем же значением; например: *виски́ — во́лосы*; *гута́рить — говори́ть*; *ро́дный — кру́пный; добре́ — очень* и мн. др. Процесс этот не имеет прямолинейного характера, в говорах отражены разные его этапы: полное вытеснение диалектного слова литературным, временное сосуществование диалектного и литературного слова и возникновение в связи с этим абсолютных синонимов, слияние диалектного и литературного слова в одно сложное (*добрѐ‖о̀чень>добрѐ=о̀чень*) и др.

В3. Если диалектные слова отличаются от соответствующих литературных лишь частичным несходством фонематического состава или ударением, то воздействие литературного языка может свестись к «корректированию» фонематического состава диалектных слов путем замещения одних фонем другими. Примеры очень многочисленны: *я́блина>я́блоня, нутрё>нутро́, комàрь>комар, ля́зать>ла́зить, ви́ник>ве́ник, оку́лица>око́лица; засу́ха>за́суха, глупо́й>глу́пый, про́стый>про́стой* и мн. др.

В4. Известная часть диалектной лексики приближается к литературной в процессе фонетических изменений, происходящих в говоре, которые приводят к утрате некоторых фонем и слиянию их с другими фонемами. Так, утрата в некоторых говорах архаичных фонем *о̂*, *ê* и слияние их с фонемами *о*, *е* приводит к тому, что вся та часть диалектной лексики, которая различалась с соответствующей лексикой литературного языка этими фонемами, совпала с нею[73]. Следы былого несовпадения сохраняются в некоторых лексикализованных случаях, кото-

[73] Иногда эти фонемы могут совпадать не в *о* и *е*, а в *о́* и *е́*; но в этом случае отличие соответствующих диалектных слов от литературных не осознается, так как в данном случае важно противопоставление фонем *о* и *о̂* и *е* и *ê*, а не качество их звучания.

рые, по-видимому, тоже близки к исчезновению; например: *занави́ска* (при варианте *занаве́ска*), *две́рь*, *си́вер*, *берлу́га*, *коту́мка* и нек. др.

В5. Говор может усваивать из литературного языка слова, изменяя в процессе усвоения их значение. Изменение значения часто связывается с тем, что в говоре заимствованное слово обозначает не всю реалию, а ее часть, например: *усадьба* —'приусадебный участок, огород'; *петь* —'петь молитвы'; *костю́м* —'жакет, пиджак'; *фе́рма* —'специализированное хозяйство, занимающееся животноводством'. Слова этого типа чаще всего обозначают новые реалии и понятия, неисконные для старого крестьянского быта, поэтому они не вытесняют диалектных слов. Ср. заимствование слова *уса́дьба* с сохранением исконных диалектных слов *гнездо́*, *попли́ще*, *поме́стье;* заимствованное *петь* наряду с *игра́ть* (песни) и т. д. В некоторых случаях литературное слово усваивается с неточным значением, что влечет за собой изменение и фонемного состава слова, например: *клеветни́ца* —'бранчливая женщина'.

В6. Усвоение говором слов литературного языка представляет собой относительно простую форму взаимодействия литературного языка и говоров. Расширение словарного состава современных говоров путем массового включения слов литературного происхождения является результатом прямого и непосредственного воздействия литературного языка. Такие включения в говор литературной лексики довольно легко отделимы от исконной лексики и представляют собой легко обозримый объект наблюдения при первом же более или менее непосредственном знакомстве с говорами.

В7. Более сложными представляются отношения между литературным языком и говорами в тех случаях, когда говор не просто заимствует из литературного языка новые для него (говора) слова, но тогда, когда определенная часть лексики говора начинает перестраивать систему своих значений под влиянием соответствующей лексики литературного языка. Причиной такой перестройки части лексики говора является ее частичное совпадение по значению с частью лексики литературного языка. Например, у многих многозначных диалектных слов одно из значений совпадает со значением литературного слова; это значение начинает развиваться под влиянием литературного языка, а диалектные значения в результате этого процесса постепенно тускнеют и в конце концов забываются. В настоящее время у наблюдателя есть возможность отметить такое развитие только у тех слов говора, которые еще не утратили диалектных значений, сосуществующих в слове с литературным. По-видимому, в говорах есть также много и таких слов, у которых полностью утрачены диалектные значения, вытесненные значением, совпадающим со значением литературного слова. Такие слова не дают материала для наблюдений над этим частным случаем общего изменения и развития лексической системы диалекта. Примеров диалектных слов, у которых одно из значений совпадает с литературным и развивается, а другое не совпадает и постепенно исчезает, можно привести много: *сиде́ть* —'1) сидеть, 2) проживать'; *стоя́ть* —'1) стоять, 2) занимать какую-либо должность (стоять продавцом, бригадиром и т. д.)'; *плати́ть* —' 1) платить, 2) ставить заплаты'; *овра́г* —' 1) овраг, 1) сугроб'; *негодя́й* —'1) негодяй, 2) не годный к военной службе'. Все вторые значения вышеприведенных слов еще прочно удерживаются в говоре, но уже можно заметить их меньшую устойчивость по сравнению с теми значениями, которые совпадают с литературными. Без всякого сомнения, эти вторые значения обречены на исчезновение в говоре ближайшего поколения.

В8. Сильное влияние литературного языка испытывают диалектные слова, имеющие одинаковый фонемный состав со словами литератур-

ного языка, но имеющие другое значение. У таких слов под влиянием соответствующих слов литературного языка развивается новое литературное значение; при этом диалектное значение данного слова тоже сохраняется. Например: *шуме́ть* —'1) кричать, 2) ругаться, браниться, 3) громко звать кого-нибудь'; к этим значениям добавляется новое, заимствованное значение 'производить шум'; *крича́ть* —'1) плакать'; новое значение—'издавать крик'; *лицо́* —'1) щека, 2) сторона'; новое значение —'лицо'. Влияние литературного языка меняет соотношение значений и оттенков значения диалектного слова и в конечном счете приводит к перестройке его семантической структуры и к совпадению ее с семантической структурой соответствующего слова литературного языка. В подобных случаях новое литературное значение переходит от литературного слова в диалектное, не встречая каких-либо препятствий, именно в результате совпадения фонематического состава. Что это так, доказывает отсутствие литературного значения у производных диалектных слов, имеющих один корень со словом литературным, но «защищенным» от его влияния различием в фонетическом составе. Ср. наличие у диалектного слова *шуме́ть* нового значения 'производить шум' и отсутствие этой семантики у таких слов, как *шумну́ть* —'крикнуть, позвать', *нашуме́ть* —' 1) накричать на кого-нибудь, 2) созвать кого-нибудь', *шуме́ться*—'аукаться', *шумове́нь*—'крик, галдёж' и под. Ср. отсутствие семантики 'крик' у слова *вкрикову́ю*—'громко, навзрыд заплакать'. В семантической структуре этих и многих подобных им слов влияние литературного языка пока еще неразличимо в отличие от приведенных выше слов *шуме́ть, крича́ть* и др.

В9. Диалектное слово, звучащее так же, как и соответствующее слово литературного языка, но отличающееся от него по значению, не всегда развивает новое значение, сходное с литературным. Это наблюдается тогда, когда в говоре есть другое слово с тем же корнем и по значению совпадающее со значением литературного слова. Например, слово *глупо́й* имеет то же значение, что и слово *глупец* литературного языка; поэтому в диалектном слове *глупе́ц* —'подросток, невзрослый' не развивается значение, имеющееся у одинаково звучащего слова литературного языка ('неумный человек'); слово *глупо́й* как бы загораживает диалектное слово *глупе́ц* от влияния соответствующего слова литературного языка.

В10. Диалектное слово при одинаковом фонематическом составе с литературным словом может отличаться от последнего более узким значением, которое будет относиться к значению литературного слова как видовая категория к категории родовой. В этом случае у диалектного слова, имеющего частное значение и стоящего в одном ряду с другими диалектными словами, которые тоже имеют частные значения того же семантического ряда, может развиваться обобщенное значение, в результате чего данное диалектное слово полностью совпадает с литературным. Исходным моментом в этом процессе изменения значения диалектного слова служит влияние соответствующего литературного слова с обобщенным значением. Например, современное диалектное слово *кра́сить* имеет два значения: '1) окрашивать в красный цвет, 2) окрашивать в какой-нибудь цвет'. Второе значение — новое. Ср. в том же говоре: *желти́ть* —'окрашивать в желтый цвет'; *черни́ть* —'окрашивать в черный цвет; *сини́ть* —'окрашивать в синий цвет'; *зелени́ть* — 'окрашивать в зеленый цвет'; *али́ть* —'окрашивать в алый цвет'; *бурди́ть* —'окрашивать в цвет бордо («бурдовый»)'. Исходный момент изменения всей этой группы лексики говора — значение слова *кра́сить* в литературном языке. В некоторых случаях в говоре можно обнаружить лишь более́ или менее отчетливые следы прежних отношений, если

влияние литературного языка, описанное выше, стало сказываться уже давно. Ср. *зверь* —'1) волк; 2) дикое животное'. Первое значение почти стерлось под влиянием значения соответствующего слова литературного языка.

Вероятно, можно было бы указать и обратные отношения, т. е. соотношение слов в говоре с общим значением со словами литературного языка с частным значением.

В11. Расхождения между литературным языком и говором могут возникать в результате процесса устаревания диалектных и литературных слов и сочетаний слов, который может иметь разные темпы в литературном языке и в диалекте. Такое возникающее в процессе развития и изменения говора различие начинает одновременно выравниваться за счет изменения значения диалектного слова или сочетания слов в сторону сближения с литературным языком. Например, сочетание *в пáмяти* —'в сознании' является вполне современным в говоре, а в словаре под ред. Д. Н. Ушакова и в академическом «Словаре современного русского литературного языка» это сочетание помечено как устарелое. Слово *стан* —'туловище, фигура'— это слово современного говора д. Деулино, а в литературном разговорном языке это слово устарело, хотя толковые словари русского литературного языка этого и не отмечают. Иногда можно наблюдать такие случаи, когда диалектное слово, заимствованное из литературного языка, является абсолютно нейтральным в говоре, а в литературном языке уже устаревает. Ср. *квартировáть* в говоре д. Деулино, которое заимствовано из литературного языка и в словаре под ред. Д. Н. Ушакова помечено как устарелое.

В12. Заимствование из литературного языка новых слов или новых значений, перестраивающих семантическую структуру диалектных слов в направлении сближения их с соответствующими словами литературного языка, не исчерпывает всего содержания процесса воздействия литературного языка на лексику говоров. Влияние литературного языка колеблет всю лексическую систему говора не только замещением диалектных слов словами литературного языка, но и более глубоко, определяя пути дальнейшего развития лексической системы говора. Литературный язык по отношению к каждому говору выступает не только как источник новых для говора слов и значений слов, но и как своеобразный набор моделей: словообразовательных, моделей словосочетаний и фразеологических, которые служат образцами для перестройки соответствующих моделей говора или же для изменения лексического материала, наполняющего ту или иную модель. Модели говора выравниваются по аналогии с соответствующими моделями литературного языка, теряя свое диалектное своеобразие. Такой процесс более сложен, чем заимствования слов из литературного языка, он втягивает в перестройку определенные группы слов, хотя отдельные заимствования и могут служить (и часто служат) внешним толчком, с которого начинается внутренняя и коренная перестройка всей лексической системы говора. Этот процесс идет относительно медленными темпами, но именно он наиболее радикально стирает диалектное своеобразие лексической системы диалекта и способствует ее полному слиянию с лексической системой литературного языка.

В13. Словообразовательные модели говора в зависимости от своей «похожести» на соответствующие модели литературного языка испытывают с разной степенью интенсивности влияние этих последних. Процесс взаимодействия таких моделей в зависимости от их характера протекает по-разному.

а) Возможно иное лексическое наполнение диалектной модели без

изменения ее структуры, например: *вдвадóрога>втридорога*; новая лексика, наполняющая диалектную словообразовательную модель, может быть литературного происхождения, например, *заáвгустить* —'начаться августу'; ср. исконное в говоре *заосенятъ* —'начаться осени'.

б) Возможно подравнивание диалектной словообразовательной модели к соответствующей модели литературного языка; ср. диалектные *никуды́ — никудáшний, лóвкий — лóвость* и др. и литературные *никудá — никудышний, лòвкий — лóвкость* и др. Литературная модель *лòвкий — лóвкость* уже оказала свое влияние на говор д. Деулино, где наряду с исконным соотношением *прýжкий — прýжесть* —'упругий — упругость' отмечено также и *прýжкий — прýжкость*.

В14. Причиной изменений в значении диалектного слова может быть изменение его возможной сочетаемости с другими словами и подравнивание ее под сочетаемость соответствующего слова литературного языка. Изменение круга слов, с которыми возможно сочетание данного диалектного слова и, как следствие, изменение значения этого слова, коренным образом перестраивает лексическую систему говора, стирая диалектные различия, характерные для нее, и сближая ее с лексической системой литературного языка. Вот некоторые примеры сочетаний диалектных слов:

сúльный — 'значительный; обильный': *сúльный дождь, сúльная гроза, сùльная тýча, сùльная мòлния; сильные ягоды, сúльные комарì, сùльная нýда;*

весь: весь в пыли, весь в грязù; весь в сапогàх, вся в шляпе;

быть в чем-нибудь: быть в пылù, быть в грязù; быть в достатке, быть в винé —'иметь вино; быть пьяным', *быть в продуктах* —'иметь продукты в достаточном количестве', *быть в мя́се* —'иметь достаточно мяса' и мн. др.

Еще пример. В говоре д. Деулино очень продуктивны модели словосочетаний, представляющие собой усилительные повторы разного структурного типа, например: *глóтом глотáть, кóтом катúться, кипнём кипéть, крúчем кричáть, питкòм вы́пить; бежáть в бежкú, проклинáть в проклúн, разоря́ть в разóр, ля́чь в лежнéц; голь нагóльная* и мн. др. Соответствующие словосочетания в литературном языке значительно менее разнообразны, встречаются довольно редко и все имеют оттенок разговорности. Все это, по-видимому, приведет к выпадению данных моделей из говора.

В15. Влияние литературного языка изменяет и фразеологически связанные значения диалектных слов и ведет к изменению фразеологических единиц говора; это выражается либо в распаде их, либо в подравнивании к фразеологическим моделям литературного языка. Соотношение фразеологических значений, а следовательно, и фразеологических единиц диалекта и литературного языка может быть различным:

а) Диалектные фразеологические единицы, близкие по структуре к литературным, подравниваются к последним, теряя свое диалектное качество. Например: *в горя́чую ру́ку>под го́рячýю руку; баклýши обивáть>бить баклýши; сломя́ головы́>сломя́ гòлову; на прáх>в пух и прáх,*

б) Лексика, наполняющая какую-нибудь фразеологическую модель, либо заменяется литературной, либо ее круг сужается. Например: *быть в шабрáх* —'быть соседом'>*быть в сосéдях*; *жáлиться чем (голо-*

еой, ногой и т. д.) > *жаловаться чем; ярый песок* > *жѐлтый песо̀к; ум за у́м захо́дит* > *ум за ра́зум захо́дит; вы́йтить из ума̀* > *вы́жить из ума́* и мн. др.

в) Некоторые диалектные фразеологические единицы структурно совпадают со свободными сочетаниями слов в литературном языке. Вероятное следствие этого — дефразеологизация диалектных словосочетаний и утрата ими фразеологически связанных значений. Ср. такие диалектные фразеологические единицы, как *без гла́з* —'без присмотра', *до гла́з* —'очень много', *на́ голову сла́бый* —'такой, у которого часто болит голова' и мн. др.

Коллективный труд «Русский язык и советское общество» публикуется как материал, выносимый на широкое обсуждение участников Всесоюзной конференции языковедов в Алма-Ате.

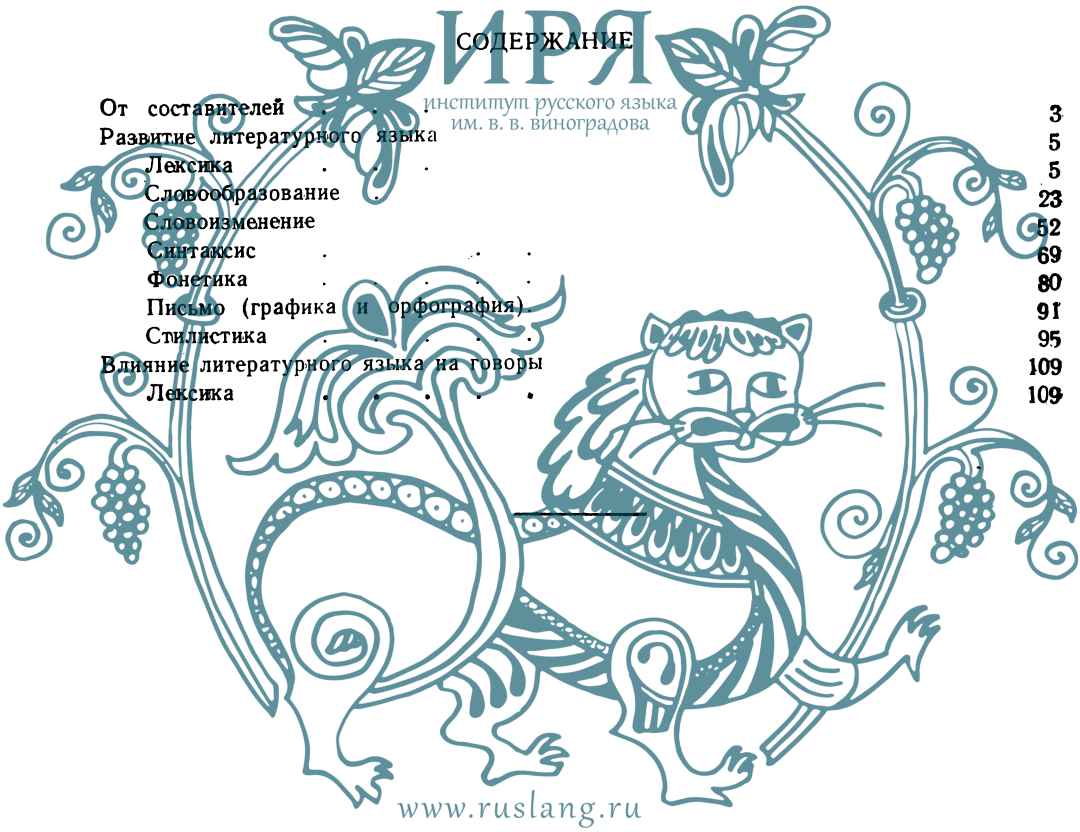
Ввиду спешной публикации этого проспекта, мы примирились с отдельными шероховатостями в формулировках и некоторыми техническими неточностями в передаче отдельных фонем и форм.

(Ответ. ред.)

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей . . . 3
Развитие литературного языка 5
Лексика . . . 5
Словообразование . 23
Словоизменение 52
Синтаксис . . . 69
Фонетика 80
Письмо (графика и орфография) 91
Стилистика 95
Влияние литературного языка на говоры 109
Лексика 109

www.ruslang.ru

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Редактор *Менжулина Н. А.*
Худ. редактор *Сущих И. Д.*
Тех. редактор *Ророкина З. П.*

Сдано в набор 24/VIII 1962 г. Подписано к печати 8/IX 1962 г. Формат 70×108$^{1}/_{16}$. Физ. л. 7,5. Усл. печ. л. 10,27. Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 550. УГ01693. Бесплатно.

Типография Издательства АН КазССР. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28. Зак. 102.